

БЕЗМОЛВІЕ НЕБА.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

RESMOBIB HRYA

REHIA PETHETAR

Глава первая.

— Она заболѣла, или же только все притворяется больной, лишь бы другой предоста-
вить мѣсто; повѣрь мнѣ! — сказала генеральша
Киттѣ утромъ въ день морскаго праздника. —
Да вѣдь и смѣшно! какъ будто мы приводили
ее къ подобнымъ приключеніямъ!

— Почему же ты не потребовала у нея
исполненія даннаго слова, когда она предлагала
остаться у Клементины? — спросила Китти. —
Я не могу больше на нее смотрѣть! —

— Миленькое дитя! возразила ей генеральша,
прогуливаясь съ ней по террасѣ и хватая те-
перь Китти за руку. — Будь увѣрена, ненавижу
я ее какъ и ты, но при первомъ удобномъ слу-
чаѣ вылетитъ она у меня. Графиня въ нее
просто такъ и влюбилась, а пока ты рефлекти-
руешь сколько нибудь на Гвидо.

— Сколько разъ мнѣ тебѣ повторять, что я
этого не дѣлаю? — закричала Китти. — Ро-
бость — пустяки! Въ этомъ ты меня больше
не разубѣдишь. Третьяго дня онъ просто гадко
поступалъ со мной.

— Зато же ты и передъ Гансъ Троттау до-

вольно сильно кокетировала. Послѣ того какъ я видѣла, что Гвидо же . . . ты не хочешь повѣрить мнѣ! . . . Хотя это вздоръ, миленькое дитя!

— Никакой вздоръ! Что я видѣла, то и поняла. Онъ ее цѣлый день обожалъ, какъ сумасшедшій. Держу пари, онъ влюбился въ нее уже на желѣзной дорогѣ. Она послѣ этого начала свое! Отъ этой персоны можно всего ожидать!

— Это было бы ужасно, бормотала про себя генеральша, — болѣе чѣмъ ужасно; это значить: мы же сами подбавляли масла въ огонь!

— И совсѣмъ справедливо! сказала Китти. Она знала навѣрняка, что она у насъ сблизится съ нимъ. Да. Это ихъ, заранѣе обработанный, планъ.

— Ужасно! повторила генеральша. Если-бъ ты, по крайней мѣрѣ, была увѣрена въ Гансѣ Троттау! Такъ увѣрена, какъ аминь въ церкви. Это увидишь сегодня вечеромъ.

Генеральша вздохнула, но опосалась противорѣчить: Китти снова доказала, что она смекливѣе; за послѣднее время повторялось это чаще, но сознаться въ этомъ генеральшѣ не хотѣлось. Онѣ остановились возлѣ балюстрады; каждая погрузившись въ свои размышленія, глядя на Ивана, который на мосту пристани приготавлилъ лодку для катанія.

Элеонора возвратилась опять къ Клементинѣ,

которую она со вчерашняго утра, за исключеніемъ только короткихъ промежутковъ, не оставляла одной, не смотря на замѣчанія генеральши и Китти, что ея заботы, кажется, совсѣмъ лишни. Сотни подобныхъ замѣчаній пережила и Клементина.

Клементина подтвердила, что они на обратномъ пути изъ Вендельштейнъ, по всей вѣроятности, немножко объяснились, но, не смотря на то, она провела спокойно ночь, только подъ утро старыя боли возлѣ сердца пробудили ее. Предписанныя средства доктора Бальтазаръ для подобныхъ припадковъ послужили благопріятно, какъ всегда.

Но средства эти въ дѣйствительности ей не послужили, и благодаря энергичнымъ просьбамъ Элеоноры былъ призванъ докторъ изъ города; онъ осмотрѣлъ, замысловатаго ничего не нашелъ; предписалъ новое средство и, между прочемъ, предложилъ только высшѣе спокойствіе и тишину.

Успокоиться безъ Элеоноры, одно это, было очень печально. День этотъ не принесъ никакого замѣтнаго улучшенія. По словамъ доктора, посѣтившаго ее сегодня передъ обѣдомъ, состояніе ея, долженъ былъ сознаться, не перемѣнилось. Да! если бы оно ухудшилось! Но такъ, — Melle Риттеръ можетъ совсѣмъ беззаботно участвовать сегодня вечеромъ въ морскомъ праздникѣ. Это, должно быть очень интересное, да, единственно въ своемъ родѣ, но она

бы желала не участвовать въ этомъ. Онъ уговаривалъ весь свѣтъ, туда собраться; вчера же еще баронессу Рандовъ, которой, при постоянно однихъ и тѣхъ-же хозяйственныхъ и домашнихъ заботахъ, не повредило бы маленькое развлеченіе. Призадуматься на счетъ пустяковъ жизни, это самое сомнительнѣйшее дѣло, на которое человекъ можетъ пуститься. Тѣмъ не менѣе Элеонора только что просила генеральшу позволить ей остаться дома.

— Ну, что сказала мамаша? — спросила Клементина свою подругу, сидѣвшую опять возлѣ нея на кровати.

— Ея горячее желаніе, чтобъ я съ ними пошла. Не понимаю почему, отвѣтила Элеонора.

— Полагаю, я могу тебѣ это объяснить, сказала Клементина улыбаясь блѣднымъ ротикомъ. — Такъ какъ она не хочетъ показать, какъ ее это злитъ, что графиня Бихъ тебѣ оказывала предпочтеніе, но и то, что Гвидо, своимъ скромнымъ манеромъ, возлагаетъ на тебя надѣжды и ухаживаетъ за тобой.

— Ахъ ты бѣдненькая! кромѣ мыслей о любви у тебя нѣтъ ничего больше въ головѣ.

— Да; конечно я не весталка, подобная тебѣ. Серьезно говоря, милая, скажи сама, когда Гвидо придетъ къ тебѣ и въ одинъ прекрасный день положить свою графскую корону къ твоимъ ногамъ, оставишь ли ты ее и его лежать на мѣстѣ?

— Онъ больше не придетъ.

— Ну а если и придетъ?

— Такъ и тогда еще имѣю достаточно времени, чтобъ все обдумать. Пока же засни, по совѣту доктора.

— Развѣ можно спать, пробормотала Клементина, глядя на одѣяло.

Молча разсматривала ее Элеонора нѣкоторое время какимъ — то испытывающимъ взглядомъ; затѣмъ произнесла:

— Клементина! сознайся, сверхъ твоихъ страданій еще что-то мучаетъ тебя; быть можетъ это только ихъ послѣдствія. Не можешь ли мнѣ довѣриться?

— Про тебя я такъ забочусь! сказала Клементина, продолжая смотрѣть на одѣяло.

— Про меня? Какъ такъ? Почему?

— У меня то вѣрное предчувствіе, что тебѣ не долго у насъ выдержать. Я не могу тебя въ этомъ обвинять: при всей своей вѣжливости и любезности онѣ завидуютъ тебѣ, и это обученіе англійскому стало теперь одною пустою фантазіей. Если же ты уйдешь, такъ я должна остаться опять съ этими двумя! о это ужасно! Посмотри! это было бы такъ прекрасно: ты бы вышла замужъ за Гвидо, стала бы графиней, и если же въ свободные часы, въ часы досуга понадобилось тебѣ въ компаніонкѣ, тогда вспомнила бы про бѣдную Клементину, взяла бы ее

къ себѣ, только изъ-за состраданія, знаешь! тогда была бы и у тебя своя Брита, какъ и у твоей тещи и — и —

Она закрыла лицо руками и залилась горькими слезами.

— Дитя, дитя мое! совсѣмъ испуганно закричала Элеонора, — тебѣ нужны спокойствіе, тишина, ты волнуешься, да изъ-за чего? ровно изъ-за ничего, повѣрь, изъ-за ничего. Я выйду, за-мужъ, за твоего-же графа, если еще разъ приподнесетъ къ моимъ ногамъ свою корону. Однажды онъ сдѣлалъ это... въ вагонѣ желѣзной дороги... корону своего малаго чемоданчика... его просьбами была принуждена положить мои ноги на нее. Но ты понимаешь, того мнѣ было недостаточно. Для этого должна быть уже настоящая графская корона, та чистаго восемнадцатикаратнаго золота, та, съ которой онъ вечеромъ ложится спать. Теперь находишь сама, что ты должна смѣяться надъ своей наивностью. Будь мнѣ моей доброй Клементиной и попробуй заснуть! Я должна отправить нѣсколько писемъ, и охотно хотѣла-бы еще сегодня послѣ обѣда вручить ихъ курьеру. Дверь оставляю открытой, и если тебѣ понадобится кое-что, такъ, прошу, позови меня.

Довольно долго просидѣла Элеонора за своимъ портфелемъ, пока смогла написать первое слово.

Въ ея сердцѣ, въ ея головѣ было очень печально. При мысли про чудный часокъ вчерашней ночи, при его пріятныхъ воспоминаніяхъ, бросающихъ свои чудные лучи сквозь ея смѣшанныя думы, пробуждалось печальное и больное чувство. Она сдѣлала то, чего не хотѣла и даже не смѣла: она усилила страсть Ульриха, которая, по ея мнѣнію, ради собственной новой страсти къ новому ужасному пламени, послѣ сцѣны предъидущаго вечера, должна превратиться у него въ гнѣвъ и ненависть. Тотчасъ-же вчера она написала ему письмо и выразила въ немъ свою искреннюю благодарность за его любовь, на которую она отвѣчаетъ ему, такою-же чистою, выходящей тоже изъ глубины ея души и сердца, въ чемъ онъ теперь навѣрно не сомнѣвался, но вмѣстѣ съ тѣмъ на колѣняхъ умоляла его больше отъ нея ничего не требовать, не требовать, что-бъ она стала его женой. Это вполнѣ не возможно! Она никогда не могла бы позабить, что для своего счастья должна была-бы похитить женѣ-мужа, а дѣтямъ-отца. Какъ ни страшна эта борьба, а она все таки лучше хотѣла бы явиться въ его глазахъ малодушной и жалкой, но спокойно и терпѣливо переносить даже то самое прискорбное: сомнѣніе его въ ея любви и его недовѣріе къ ней, нежели быть осужденной собственной совѣстью.

Это была роковая жалоба на письмо послѣдней ночи въ Нордерней, превратившаяся

теперь въ короткій, сомнительный крикъ бѣднаго сердца.

Это письмо она хотѣла дать вчера курьеру, который по условію являлся въ зеегаузенъ въ опредѣленные часы ежедневно послѣ обѣда. Сквозь землю хотѣла бы она провалиться со стыда, что сама сунула ему секретнымъ образомъ въ руки это письмо, что она поспѣшила за нимъ, оправдываясь, какъ будто забыла что-то, и этотъ человѣкъ безъ всякихъ подозрѣній и замѣчаній положилъ письмо въ карманъ, хотя, какъ ей показалось, съ удивительнымъ взглядомъ на постъ-рестантный адресъ его. Нѣтъ, нѣтъ! это не можетъ дальше такъ продолжаться. Хотя бы и лопнуло его дорогое сердце — такъ нельзя. Она должна уйти.

Тетя сильно бы удивилась, если-бъ она послѣ этихъ нѣсколькихъ дней вернулась домой. Вотъ и письмо ея, на которое уже два дня неотвѣчено. И такъ Донъ-Фернандо значить, дѣйствительно числа пятнадцатаго хотѣлъ оставить пенсіонъ. Онъ отказалъ въ квартирѣ. „Онъ говоритъ,“ пишетъ тетя, „что республика Чили нуждается теперь во всѣхъ своихъ сынахъ отечества;“ но я увѣрена, что онъ не возвращается домой, а только нанялъ меблированные комнаты, и то на Краузенской улицѣ. Эту потерю я перенесу: — изъ всѣхъ моихъ молодыхъ господъ, онъ былъ мнѣ менѣе всего симпатиченъ — и не почувствовала бы ея, если-бъ мой проектъ исполнился,

именно: получить мальчиковъ, какъ когда — то, а не господъ. Не смотря на мое объявленіе, помѣщенное въ трехъ различныхъ дневникахъ — мнѣ совѣстно признаться — ни въ одномъ оппозиціонномъ до сихъ поръ еще не послѣдовало предложенія. Мнѣ жаль выброшенныхъ на это денегъ. Къ тому и моя милая, бѣдная Тильхенъ при своемъ ослабленіи нуждается въ частомъ хорошемъ попеченіи, почему и не могу отказать Августѣ — Эмилиа уже отправлена — не смотря на то, что помощница въ моемъ положеніи составляетъ уже роскошь. Перваго Октября переберусь на меньшую квартиру, распродавъ большую половину моей мебели, съ которой мое старое сердце такъ крѣпко срослось! О, если не поможетъ Господь Богъ! я не знаю, что произойдетъ съ Твоими бѣдными родственниками.“

Добрая старушка! Какъ забилося бы ея старамадное сердце отъ радости, если бъ я ей сообщить могла слѣдующее: Дорогая Тетенька! позволь обрученной графа Венделинъ... и я полагаю, это не можетъ обидѣть твою гордость, если въ будущемъ госпожа графиня, твоя племянница... ахъ!

Элеонора провела рукою по глазамъ, какъ будто передъ ними образовывалась картина, которую она должна была уничтожить, и съ быстротою полета набросила перомъ нѣсколько строчекъ, въ которыхъ ободряла тетю, прибавивъ,

что ей предвидится черезъ нѣсколько дней, послѣ такого теперешняго положенія дѣлъ, отъ котораго она больше, чѣмъ только измучена, опять вернется въ Берлинъ, гдѣ онѣ совокупно будутъ могли обдумать, какъ — бы можно было помочь переживаемой и предстоящей нуждѣ.

Она чувствовала вполнѣ, что это только фразы, но что она можетъ писать, если нѣтъ для этого другаго матеріала?

Она тихо подошла къ открытой двери: Клементина лежала спокойно и, казалось, заснула.

И вотъ человѣкъ, нуждающійся въ ея помощи, подносящій къ ней свои молящія взоры и ей она не могла помочь. Ахъ, это ужасное, это сокрушающее сознаніе безсилія; фантазія достигаетъ самого высшаго, самого прекраснаго; и чувствуешь, что это не пустой сонъ, а эта жалкая дѣйствительность осуждаетъ на бездѣліѣ ту силу, которая движется въ головѣ, въ сердцѣ!

Она вернулась къ письменному столу и вынула изъ портфеля письмо Борикина, которое получила въ послѣдній день своего пребыванія въ Берлинѣ; вслѣдствіе его полусумасшедшаго, ей не понятнаго содержанія, — она не отвѣчала на него. Сегодня же она получила симпатію къ этому письму, ей понравилась это полусумасшествіе, которое съ жизнью играло „*va banque*“, которое не призывало больше благоразумныхъ шансовъ.

И ея письмо было полно сверхъ отважнаго

полусумасшествія, длинное письмо, такъ что послѣ окончанія она не могла его прочитатъ. Ей надоѣло уже, говорить одно, что-бъ въ слѣдующую же минуту брать это обратно, дѣлать то, о чемъ вскорѣ сожалѣетъ.

Нѣсколько часовъ спустя она стояла передъ кроваткой Клементины, уже одѣтая къ празднику.

— Какъ же ты красива, сказала Клементина, — не удивительно, что женщины тебя ненавидятъ, а мужчины любятъ. Подъищи себѣ сегодня одного, который добръ и скромень, знаешь; и въ которомъ ты увѣрена, что онъ не будетъ мучить тебя ревностью, который хочетъ одного: тебя любить и сдѣлать тебя счастливой.

— Я боюсь, цѣлое можетъ быть немножко скучно, сказала Элеонора; — но я попробую, съ тѣмъ однако условіемъ, что въ моемъ отсутствіи будешь послушною, и когда вернусь вечеромъ ты улыбнешься мнѣ своими милыми глазами.

— Я непременно постараюсь; а теперь еще одинъ поцѣлуй! Ты моя любезнѣйшая, моя лучшая, ты мое все!

Глава вторая.

Уже нѣсколько часовъ продолжался праздникъ, и теперь онъ былъ въ полномъ разгарѣ; соотвѣтственно программѣ, съ пристани гостиницы „Три щуки“, за часъ до заката солнца, раздались три выстрѣла изъ мордира; это былъ сигналъ для жившихъ возлѣ озера, что-бъ они заняли мѣста въ своихъ лодкахъ. Въ прежнія времена эта поѣздка по озеру была обязательной; погода не служила никогда препятствіемъ и даже, если бывала плохой, такъ чѣмъ хуже она становилась, тѣмъ болѣе веселились празднующіе, а праздникъ принималъ болѣе оживленный видъ. Но уже со времени нѣсколькихъ лѣтъ пользовались лодками только тогда, если вода, какъ и на этотъ разъ, безъ противорѣчія была красивая. Лодочное катаніе потеряло тоже свое символическое значеніе съ того времени, когда праздновавшее общество уже, съ давнихъ поръ, не слагалось болѣе изъ этихъ семи дворянскихъ семействъ, которыя проживали по берегамъ озера! Находилось быть принужденнымъ почтить пригласеніями и гражданскихъ дочерей, прежнихъ фонъ Фойгтскихъ и фонъ Вальдовскихъ, а теперьшнихъ городскихъ добряковъ! затѣмъ и представителей города, и офицеровъ двухъ эскадроновъ, горнизующихъ въ немъ; далѣе тѣхъ, которыя съ озеромъ ничего общаго не имѣли, какъ напримѣръ господина фонъ Троттау и дру-

гихъ; такъ, что и само названіе: „Морской праздникъ“ было только понятно „cum grano salis“. Старинную строгую уважаемую традицію напоминало по крайней мѣрѣ то одно обстоятельство, что съ позволенія королевскаго главнаго лѣсничьего какъ гостиница съ ея принадлежностями, такъ, и смежный лѣсъ, уступались въ этотъ вечеръ исключительно только соучастникамъ въ празднествѣ, да и то еще, что хозяинъ гостиницы обязывался, ни подъ какимъ видомъ, не принимать постороннихъ лицъ.

За эти извѣстія Элеонора была обязана господину Іоахиму фонъ Брандтъ, хозяину имѣній Пустовъ и Земло, который, какъ одинъ изъ устраивающихъ, поторопился этой баришнѣ, находящейся въ первый разъ въ этомъ кружкѣ, удостоить чести, по просьбѣ Гвидо, „потанцовать“ немного съ этой молодой дамой, которая составляла особое *protégée* его мамы. Для Гвидо была бы неописанная радость самому исполнить этотъ долгъ; но онъ чувствовалъ, что столь пріятную задачу долженъ предоставить другимъ, и онъ терпѣливо поджидалъ минуты начала бала, которая, о Боже! должна была свести его въ близость съ его возмобленной. Благодаря стараніямъ господина фонъ Брандтъ, Элеонора скоро замѣтила себя окруженной на каждомъ шагу множествомъ внимательныхъ кавалеровъ, изъ числа которыхъ, своими стараніями, отличалось, въ особенности, нѣсколько офицеровъ. Въ иной разъ,

быть может, и было бы ей это досадно, но сегодня она переносила это положеніе особенно охотно, лишь бы не встрѣтиться съ худшимъ: неотлучнаго пребыванія съ генеральшей и съ Китти, которая не покидала маминой сторонки на столько-же, на сколько не покидалъ ее лейтенантъ фонъ Тротта, явившійся сегодня во формѣ.

Тамъ стоялъ опять передъ ней неутомленный господинъ фонъ Брандтъ; тронувъ нѣсколькихъ офицеровъ, разговаривающихъ съ нею, онъ обратился къ нимъ:

— Простите, господа, если я васъ попрошу довѣрить мнѣ на нѣсколько минутъ вашу почтенную собесѣдницу! Милостивая судариня! моя, жена сгоряетъ отъ желанія познакомиться, лично съ Вами, четверть часа ищу Васъ; позвольте предложить Вамъ руку?

Элеонора находилась съ ея кавалерами со стороны берега, куда почти многіе стремились, чтобъ застать вѣрнымъ и хорошимъ мѣстечкомъ для предстоящего, ожидаемаго фейерверка. Пока, остается же еще полъ-часа времени; вѣдь онъ ужъ позаботится, что-бъ послѣ, милостивая судариня, имѣла мѣсто, увѣрялъ Элеонору господинъ фонъ Брандтъ подорогѣ, когда онъ ее провожалъ черезъ домъ, мимо открытой двери столовой, въ которой виднѣлось много маленькихъ столиковъ, приготовленныхъ для *souper*, на площадку по другой сторонѣ, откуда, подъ деревьями, пышно украшенными разноцвѣтными фа-

нарчиками, можно было замѣтить еще довольно публики, гуляющей подъ звуками военного оркестра, или же разговаривающей группами, отдохавшими на скамьяхъ и стульяхъ.

— Вотъ моя жена! произнесъ господинъ фонъ Брандтъ, намѣкая на одну малую изъ этихъ группъ, состоящую изъ трехъ, четырехъ дамъ. Элеонора вздрогнула: возлѣ той, на которую господинъ фонъ Брандтъ указалъ, какъ на жену, сидѣла Герда. Такъ какъ было уже поздно и тотъ, ради котораго она сюда прибыла, не явился еще въ пеструю толпу, то она надѣялась и боялась, чтобъ для нихъ обѣихъ сегодняшнее свиданіе не окончилось печально — сладкимъ; ну, да пусть и произойдетъ!

— Милая Ядвига! вотъ привожу тебѣ эту молодую даму; баронесса! позвольте представить вамъ M^{lle} Риттеръ, а, pardon! дамы уже знакомы! И такъ я могу удалиться — у меня еще много . . .

Господинъ фонъ Брандтъ исчезъ. Госпожа фонъ Брандтъ предложила Элеонорѣ мѣсто на сосѣдній незанятый стулъ и ввела ее въ разговоръ, на сколько кажется, о воспитаніи дѣтей. Дослышать все точно, что говорили, мѣшала близость оркестра, играющаго теперь одинъ изъ вальзовъ Страусса.

Казалось это не мѣшало госпожѣ фонъ Брандтъ продолжать: съ большей скоростью начатый разговоръ, и очевидно съ тѣмъ убѣжденіемъ, что она

оказывала тѣмъ зеегаузенской компаньонкѣ большую честь и доставляла ей рѣдкое наслажденіе. Элеонора съ удовольствіемъ уступала слово этой загадочной дамѣ; тѣмъ находила она, по крайней мѣрѣ, время, хотъ кое-какъ успокоить испуганныя нервы отъ неожиданнаго появленія Герды, и приготовиться на ту страшную минуту, когда ей придется увидѣть Ульриха, стоящимъ тутъ передъ ней. Время отъ времени ея испытывающій взоръ разсматривалъ лицо Герды, по видимому обращая мало вниманія на разговоръ съ остальными двумя дамами. Погружаться въ пустыя мысли — опасно, замѣтилъ сегодня утромъ докторъ Бальтазаръ. Видъ Герды подтверждалъ его слова. Она была очень блѣдной съ широкими, темными полосками подъ матовыми безучаственными впередъ смотрѣвшими глазами. Вялыя ослабленныя черты лица не позволяли развиться той мужественной энерги, которая должна была отличить баронессу. Она выглядѣла десятью годами старше того, сколько ей приписывала Элеонора; да и Гердѣ показалась она, за то короткое время, послѣ первой ихней встрѣчи, какъ — то похудавшей; кромѣ очень элегантнаго, полнаго вкуса, платья не было въ ней ничего больше праздничнаго; все это производило на Герду то странное впечатленіе дамы, ищущей покоя отъ глубокаго, душевнаго страданія. Взглядъ этотъ рѣзалъ душу Элеоноры. Она знала, откуда произошла эта скорбь и дрожала

при мысли, что бѣднѣйшей могутъ вдругъ раскрыться глаза и тогда она узнаетъ, что тутъ, противъ нея сидѣла та, которая ей доставила это страданіе, и отъ которой зависила перемѣна этаго страданія въ полное отчаяніе. Это не переносимо! восклицало постоянно что — то у нея въ душѣ.

Госпожа фонъ Брандтъ встала съ поверхностнымъ извиненіемъ поздороваться съ подругой, которую она только-что примѣтила въ гуляющей толпѣ.

Стулъ между Гердой и Элеонорой былъ опять не занятъ.

— Не угодно-ли вамъ подсѣсть ко мнѣ, сказала Герда.

Музыка окончила вальсъ; другія обѣ дамы продолжали свой, по видимому, важный разговоръ, такъ что, если бы Элеонора и Герда захотѣли завязать интимный разговоръ, такъ теперь предстоялъ имъ самый удобный случай.

Элеонора не искала бы подобнаго случая; представился самъ, такъ и ничего не подѣлаешь. Съ женою Ульриха она сходилась недавно, но постоянно въ присутствіи другихъ, и не могла поэтому имѣть полнаго представленія на счетъ этой женщины. Она хотѣла его имѣть, хотѣла знать, кто былъ тотъ, который въ теченіи десятилѣтняго замужества не заслужилъ любви Ульриха, а если она хотя разъ и проявилась, такъ не сумѣлъ поддержать ее. По опыту

она знала, что иногда, при изученіи характера, мимолетное слово, пущенное въ разговоръ, стоитъ больше цѣлало длиннаго ряда наблюденій.

Почти недавно, Элеонора, должна была быть ей благодарнаю, что она не дѣлала никакой разницы въ ихъ общественномъ положеніи; сегодня, не смотря на тяжесть, которая такъ очевидно давила ея душу, обращеніе ея къ ней было наоборотъ еще болѣе любезнымъ; да, его можно было принять за сердечное.

Нездоровье Клементины, про которое она ей теперь рассказывала возбудили въ ней живое сочувствіе.

— Бѣдная дѣвушка! произнесла она, — когда я тамъ была — она довѣрилась мнѣ и передала, что Ваше присутствіе доставляетъ ей невыразимое благодѣяніе. Этому я сердечно радуюсь. Прегадко живеться ей у мамы; я должна была-бы уже давно взять ее къ себѣ. Это чистый эгоизмъ, если я этого до сихъ поръ не сдѣлала. Каждому въ началѣ замужества это ужасная мысль имѣть такую третью особу возлѣ себя. Мой мужъ говорилъ мнѣ часто: почему ты не имѣешь подругъ? и былъ всегда недоволенъ, когда я отвѣчала: не нуждаюсь я въ нихъ. Быть можетъ, Вы этому не сочувствуете; Вы пока не замужна?

— Не смотря на то, сочувствую Вамъ милостивая судариня.

— Въ супружествѣ думается иначе про мно-

гія вещи, чѣмъ передъ нимъ, и только послѣ болѣе продолжительной его жизни, опять иначе, нежели въ началѣ его. Къ сожалѣнію ошибки, надѣланныя въ началѣ своей неопытности и глупости, неисправимы больше.

— Неужели не исправимы, если съ обѣихъ сторонъ есть добрая воля къ этому?

— Съ обѣихъ сторонъ! Да, тогда быть можетъ. Но, вѣроятно, она находится на одной сторонѣ и тогда это ничего не помогаетъ. Въ началѣ не сознаетъ молодая жена, что ея мужъ имѣетъ высшія душевныя потребности, чѣмъ она, и она проживаетъ беззаботно, какъ будто бы все находилось въ лучшемъ порядкѣ. Можетъ быть онъ и попытается нѣсколько разъ притянуть ее къ себѣ; но всѣ его попытки могутъ оказаться неудачными, такъ какъ она не понимаетъ въ чемъ дѣло, почему и заупрямится! Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ безуспѣшныхъ попытокъ, онъ теряетъ терпѣніе, объясняя себѣ, что она не способна; тогда и она опомнится, но это уже поздно. Онъ могъ бы на нее еще повліять, если-бъ это ему было необходимо, если-бъ онъ ее еще любилъ. Но ему теперь безразлично; больше онъ ее не любитъ; и нынѣ все пропало.

Ея, всегда не совсѣмъ мягкій, голосъ при послѣднихъ словахъ превратился въ ужасный, грубый, на глазахъ виступили слезы.

— Съ нѣкотораго времени я стала очень нервной; продолжала она, какъ будто извиняясь

— раньше я не понимала, что такое нервы. Я не прибыла бы сегодня вечером сюда, если бы не увещеванія доктора Бальтазара. Вы познакомились съ моимъ мужемъ?

— Да, милостивая судариня.

— Вечеромъ третьяго дня, онъ мнѣ это передалъ. Видѣли-ли Вы его сегодня?

Уже съ минуту примѣтила Элеонора Ульриха, стоящаго поодаль въ обществѣ нѣсколькихъ господъ и ея тикое желаніе было: отвязаться отъ Герды передъ его проходомъ; или что-бъ онъ ихъ замѣтилъ и, не подходя къ нимъ, исчезъ въ обществѣ. Но Герда въ тотъ же моментъ, какъ произносила послѣдній вопросъ, глядѣла по тому же направленію; случайно и Ульрихъ кинулъ взглядъ и нашелъ Элеонору возлѣ своей жены. Избѣжать свиданія было теперь не возможнымъ, тѣмъ болѣе, когда Герда громко подозвала его. Онъ оставилъ общество, въ которомъ находился и подошелъ къ дамамъ, кланяясь Элеонорѣ.

— Не угодно-ли тебѣ присѣсть къ намъ?
— спросила Герда. — Melle Риттеръ рассказываетъ теперь, что Клементина больна.

Я слышалъ это уже отъ Мамы, отвѣтилъ Ульрихъ, — она полагаетъ, что это не опасно. Это только для нея нѣтъ ничего опаснаго, что касается Клементины. Если Melle Риттеръ подтвердитъ это, я, конечно, повѣрю.

— Я была озабочена нею, возразила Элео-

нора, — сегодня послѣ обѣда сравнительно улучшилось, въ противномъ случаѣ я осталась бы при ней.

— Замѣчу, что M^{lle} Элеонора и Клементина сердечнѣйшія подружки, сказалъ Ульрихъ Гертѣ въ какомъ — то насмѣшливомъ тонѣ, который непріятно тронулъ Элеонору.

— Могу спросить, откуда господинъ Баронъ знаетъ это? спросила она спокойно.

— Боже мой! — сказалъ онъ, — легко признають за истину то, что желаютъ; и я желаю Клементинѣ одну истинную подругу; истинныхъ враговъ у нея довольно. Впрочемъ допускаю: въ большинствѣ случаевъ бываетъ болѣе чѣмъ безумно считать дѣйствительностью то, что желаютъ.

Тонъ, которымъ онъ говорилъ теперь показался и его женѣ очень страннымъ. Она находила неловкимъ, что онъ не воздерживался отъ своего плохаго настроенія даже и передъ чужой дамой.

— Вы должны знать, это большой комплиментъ, который дѣлаетъ Вамъ мой мужъ; сказала она ласково Элеонорѣ, — онъ уважаетъ Клементину.

— Понятно! — сказалъ Ульрихъ. — Въ глазахъ своей жены мужъ всегда бредетъ, если онъ на столько неостороженъ замѣтить, что кромѣ нея существуютъ на свѣтѣ еще другія дамы.

— Ты не можешь похвалиться своею проницательностью, возразила Герта, рѣшаясь по-

щадить Элеонору въ огорченіи Ульриха, которое касалось исключительно только ее одной, — въ противномъ случаѣ ты не остался бы двѣ недели съ M^{lle} Риттеръ на островѣ Нордерней, не замѣчая ее. Развѣ островъ столь великъ?

— Островъ не столько, какъ его общество, — замѣтилъ коротко Ульрихъ.

Элеонора, чтобъ скрыть жаръ стыда, который ей ударилъ въ лицо, стала поправлять свое платье. Она отдала бы все, что-бъ избѣгнуть этого ужаснаго положенія; но она не находила въ своемъ разстроенномъ духѣ ни одного основательнаго повода и должна была переносить этотъ страхъ.

— Дѣйствительно жалко, продолжала Герта, — что Ты не былъ знакомъ съ M^{lle} Риттеръ. Такъ былъ бы тамъ кто нибудь, съ кѣмъ бы охотно могъ провести часикъ.

— Причемъ остается яснымъ вопросъ: было бы это пріятнымъ для M^{lle} Риттеръ; добавилъ Ульрихъ.

— Могу предположить, любезная судариня? сказала Герта. — Если я вѣрно помню, Вы недавно жаловались, что у Васъ тамъ не было ни одной знакомой души. Мнѣ это кажется безутѣшнымъ, и къ тому ничего кромѣ песку и моря. Знаете-ли, любезная мадамзель, виды Вашей работы, которыя я видѣла на дняхъ въ Зеegaузенъ, въ дѣйствительности

должны быть очень красивы и трогательны; Ульрихъ! тотъ на Твоемъ письменномъ столѣ, это вѣдь тоже Нордерней? Не прадва ли?

— Мнѣ продали его, по крайней мѣрѣ, за такой.

— Въ Нордерней?

— Да, я нашелъ его въ лавкѣ à la базаръ, въ которомъ, кромѣ того, можно было получить выборъ только въ побитыхъ чашкахъ, полированныхъ раковинахъ, окаменелыхъ черепашихъ животныхъ... Думаю, намъ пора уже отправиться къ фейерверку: всѣ отправляются туда.

Въ эту минуту проходя подошелъ господинъ фонъ Брандтъ:

— Если Вы хотите имѣть хотя сносное мѣсто, такъ мы не можемъ терять ни одной минуты. Любезный Рандовъ, прошу, провожайте Вашихъ дамъ!

Онъ поспѣшилъ въ домъ, въ дверяхъ котораго тѣснились всѣ съ полисадника. Ульрихъ всталъ.

— Смѣю просить?

— Я желала бы тутъ остаться, замѣтила Герта. — У меня легкая головная боль.

— Позвольте мнѣ съ Вами остаться милостивая судариня? спросила Элеонора, которая было такъ-же встала съ мѣста.

— Нѣтъ, любезная мадамазель, поспѣшно отвѣтила Герта. — Изъ-за меня не нужно Вамъ лишаться удовольствія. По-правдѣ, я нуждаюсь

остаться нѣкоторое время одной. Моему мужу доставить пріятность провожать Васъ туда.

Элеонора не имѣла ни въ чемъ выбора: Герта отказала ей, да для чего же она прибыла сюда, если не для переговоровъ съ Ульрихомъ?

— Угодно Вамъ оказать мнѣ честь?

Элеонора приняла предложенную руку.

Глава третья.

Герта осталась почти одна въ саду, за исключеніемъ нѣсколькихъ пожилыхъ господъ и дамъ, которыхъ она не знала ближе; они сидѣли за однимъ изъ отдаленнѣйшихъ столиковъ и разговаривали, не обращая вниманія на фейерверкъ, который со стороны озера началъ уже трещать и сверкать.

Окружающія ее спокойствіе и тишина были ей по душѣ, онѣ не доставили ей ничего другаго, какъ только мысли про ея собственную жизнь. По недѣлямъ же было это ея расомъ, преслѣдующимъ какъ днемъ, такъ и ночью. Какъ больно онѣ овладѣли нею теперь! Онѣ, ея постоянный идеаль рицарской вѣжливости... какія печальныя переменны произошли съ нимъ! Что у него для нея нѣтъ болѣе теплаго слова; что онѣ въ состояніи теперь изъ — за пустяка злиться на дѣтей, это для нея не было больше новостью.

Но что онъ и въ присутствіи посторонней особы не могъ овладѣть собой! Что подумала про него эта баришня? Онъ былъ почти невѣжливъ. И когда они познакомились, должно быть, эта баришня, съ ея красивыми глазами, съ ея довѣрчивымъ лицомъ и съ тѣмъ всѣмъ что она знала, понравилась ему. Она вѣдь промышляла уже взять ее къ себѣ, если ей не понравится больше въ Зеегаузенъ, чего рано или поздно можно было смѣло ожидать. Ульрихъ, который дома все скучалъ, имѣлъ бы тогда общество, какое онъ себѣ желалъ, а она нашла бы въ этой баришнѣ свою подругу, если-бъ не обошлось безъ послѣдняго. И тогда она хотѣла бы, въ полномъ счастіи, учиться у нея французскому и англійскому, что-бъ Ульрихъ не презиралъ ее болѣе въ тайнѣ за ея незнаніе, которое онъ теперь явно выказываетъ. Да, такъ должно быть! Сейчасъ же послѣ возвращенія Элеоноры съ фейерверка, она хотѣла ей наменнуть на это. Она бы узнала, какъ она это принимаетъ. Безъ сомнѣнія хорошо. Умная дѣвочка съумѣла бы различить, что тутъ ее не одуряютъ чудными фразами, какъ въ Зеегаузенъ мамаша. Стоя одной, бѣдной въ свѣтѣ, ей должно же быть довольно важно попасть въ домъ, гдѣ можетъ быть принятой не какъ подданная, а какъ подруга.

— Такъ погружены въ размышленія, милостивая судариня?

Герта подняла глаза: господинъ фонъ Одебрехтъ стоялъ передъ ней.

— Такъ однѣ? смѣю-ли остаться при Васъ, — счастье, которымъ я давно уже не наслаждался.

Онъ, не ожидая согласія Герты, занялъ мѣсто возлѣ нея на одномъ изъ стоявшихъ тутъ стульевъ. Эта встрѣча была ей не по духу. Она ничего не имѣла противъ ея бывшаго любовника и усерднаго свата, но Ульриху былъ этотъ старый университетскій товарищъ основательно противенъ, и онъ если не сорвалъ съ нимъ, офиціально все знакомство, такъ по крайней мѣрѣ избѣгалъ всякаго сношенія, даже, всякаго столкновенія съ нимъ. Между тѣмъ тутъ, въ такъ нейтральномъ положеніи, можно было въ концѣ концовъ не принимать этого дѣла столь серіознымъ, въ этомъ должно было сознался и Одебрехтъ: въ противномъ случаѣ не подошелъ бы онъ къ ней.

— Вы не любитель фейерверка? — сказала она, хватаясь въ крайности за эту тему разговора.

— Положимъ, что не такъ, отвѣтилъ господинъ фонъ Одебрехтъ, — спектакль этотъ дѣлаетъ меня нервнымъ.

Впрочемъ подобныя видѣль лучшими въ Бадень-Бадень и въ другихъ мѣстахъ. Такъ вотъ „en gros“, пожалуй, можно еще полюбоваться, но эти дѣтскія подражанія немножно смѣшны... Знакомы-ли Вы съ Melle Риттеръ?

— Да. Почему? — отвѣтила Герта довольно удивленно на послѣдній, столь вполне неожиданный, вопросъ.

— О, я спросилъ такъ, между прочемъ, такъ какъ я видѣлъ эту даму съ Вами и Ульрихомъ — pardon! Вашимъ супругомъ, очень усердно разговаривающей, я наблюдалъ это.

— Вы ее знаете?

— Я? О нѣтъ! я не имѣю преимуществъ передъ Вашимъ мужемъ!

— Какое преимущество?

— Заводить знакомство съ M^{lle} Риттеръ въ Нордерней — навѣрно, очень завидное знакомство, если я въ правѣ судить по усердному старанію Вашего супруга и прити къ очень завидному результату.

Отъ удара ракеты передъ ней, которая въ родѣ молніи, взвилась теперь надъ крышей дома въ ночные небеса, Герта не испугалась бы болѣе. Ей было извѣстно, что Одебрехтъ и Ульрихъ были въ одно и тоже время въ Нордерней. Ей и не приходило въ голову, что-бъ этотъ человѣкъ могъ ошибаться, или же безсовѣстно врать, что-бъ ей это передавать, такъ какъ онъ зналъ, что она этого не знаетъ, и что-бъ послѣ насладиться тріумфомъ, быть первымъ, который предостерегъ ее въ невѣрности Ульриха.

Онъ, должно быть, ошибся.

— Конечно, сказала она, — Ульрихъ раз-

сказалъ мнѣ все возможное про нее; я же сердечно радовалась этому: со скуки онъ могъ бы тамъ умереть.

Этого не ожидалъ господинъ фонъ Одебрехтъ. Результатомъ его тайныхъ и усердныхъ наблюдений въ Нордерней было то, что тамъ между Ульрихомъ и этой дѣвушкой завязалась настоящая любовь. Въ этомъ онъ могъ поклясться. Конечно, если у человѣка хватаетъ на столько смѣлости, свою возлюбленную протектировать своей теще, какъ компаньонку, для ея дочки, то понятно, что всего не могъ удержать въ тайнѣ и должно быть отъисповѣдывался въ знакомствѣ Нордерней. Это знакомство! да!

— Ну, сказалъ онъ, — со скуки и не могло быть иначе. Средство для смерти должно было бы быть другимъ. Обои были безразлучны, понятно, все же въ обширныхъ границахъ сезоннаго общества. Вы видите, милостивая судариня, я говорю это только изъ зависти. Но какъ-же можетъ такой бѣдный, оставленный холостякъ, какъ я, не быть завиднымъ, если онъ видитъ, что другой, который имѣетъ дома достойнѣйшую жену и милыхъ дѣтей, ищетъ на чужбинѣ знакомства даровитой баришни, заставляя холостяка скучать дома одному! ну! не дурно! Ей богу! нѣтъ въ мірѣ справедливости! Вотъ мое единственное утѣшеніе: нашъ братъ, который не имѣетъ болѣе надѣжды и желаній, принужденъ, какъ старая выпряжен-

ная лошадь, вернуться въ старую обычную мельницу жизни; между тѣмъ, какъ Вашъ господинъ супругъ позволяетъ себѣ любезные „*petits soupers*“ въ отдаленномъ уголку ресторана Оттендорфъ; прекрасныя прогулки „*en deux*“ по песчанымъ холмамъ при лунномъ освѣщеніи; простите, но это немножко сомнительно. Я строгъ, милостивая судариня, не правда-ли? Да, я таковъ! я не скрываю этого. Но больно-же и то: рискать голоднымъ возлѣ стола, возлѣ котораго наслаждаются другіе; думать, что и у меня были аспираціи; что и я мечталъ о счастіи! И то счастіе — было такъ близко, что думалось смѣть только протянуть руку, чтобъ жать руку любимой... Вы куда, милостивая судариня?

— Подыскать только другое мѣсто; отвѣтила Герта, вставая при его послѣднихъ словахъ и направляясь къ группѣ сидящихъ, которые все еще разговаривали.

При ея внезапномъ оставленіи мѣста, господинъ фонъ Одебрехтъ, вскочилъ, и остановился прикусывая теперь губы и дрожа отъ злости.

Вотъ гордая женщина! Предпочитаетъ лучшимъ умереть, нежели согласиться, что мерзавецъ мужъ ее обманываетъ! Но все таки попалъ въ цѣль: поблѣднѣла, какъ отъ смерти! Ну, не доставало еще за то, что я ей раскрылъ колкую правду, того, что-бъ кинулась здѣсь-же этому подлецу на шею. Все равно. Такъ, по

крайней мѣрѣ, имѣлъ я случай, хотя разъ, подсолить ему. Хмъ! да и кто ожидалъ это! Господинъ фонъ Одебрехтъ отправился медленно въ домъ, гдѣ онъ встрѣтилъ первыхъ, возвращающихся съ фейерверка.

Глава четвертая.

Ульрихъ и Элеонора провели молча первые шаги; Элеонора совсѣмъ не могла говорить. Подобное можетъ быть у человѣка, который, возвращается съ пытокъ. Она дышала тяжело и часто. Она должна была всѣми силами стараться не заплакать. Ульрихъ замѣчалъ все.

— Бѣдная дѣвушка, шепталъ онъ. — Я хотѣлъ бы охотно извavitъ тебя отъ этого. Это была печальная комедія.

Это смутило Элеонору. Какъ смѣлъ онъ говорить подобное, когда у нея сердце чуть не лопало отъ печали и стыда. Онъ сейчасъ почувствовалъ, что его замѣчаніе было плохо.

— Прости, сказалъ онъ, — но васъ обѣихъ видѣть вмѣстѣ, это больше, чѣмъ переносить муку.

— Больше не повторится подобное затруднительное положеніе, бормотала Элеонора.

— Больше нѣтъ? Что ты хочешь этимъ сказать?

На минуту Элеонора была освобождена отъ отвѣта. Они вошли въ домъ вмѣстѣ съ остаткомъ спѣшившихъ на площадку. Все торопилось и давилось въ дверяхъ, ведущихъ въ садъ. Собственно не нужно было бы такъ торопиться: въ саду и на широкомъ мосту было еще довольно для всѣхъ мѣста, такъ какъ не малая часть публики предпочла сѣсть въ лодки, что-бъ на водѣ любоваться фейерверкомъ. Образовавшійся цѣлый флотъ, въ которомъ каждое судно украшалось однимъ или нѣсколькими фанарчиками, тянулся, окружая въ почтительномъ разстояніи мѣсто фейерверка, къ театру деревянной постройки, устроенному на мелкомъ мѣстѣ озера, въ шагахъ ста отъ берега, противъ сада, на вбитыхъ въ землю столбахъ. Такимъ образомъ можно было, совсѣмъ удобно и въ безопасности отъ берега и лодокъ любоваться зрѣлищемъ, начало котораго огласили три, далеко надъ озеромъ раздавшіеся, выстрѣла изъ маленькихъ мортировъ, затѣмъ съ неожиданнымъ освѣщеніемъ ланидарныхъ огней, появилась надпись „морской праздникъ,“ ее могъ всякъ ясно прочесть; послѣ того послѣдовало большое, разсыпающее во всѣ стороны брилліантовыя искры, огненное колесо, окончившееся сильнымъ трескомъ. Ульрихъ и Элеонора затормозенные давкой, были принуждены отсюда любоваться фейерверкомъ. Между тѣмъ Ульрихъ замѣтилъ свободное мѣсто, черезъ которое они пробрались подъ видомъ подыс-

коть себѣ лучше, и сдѣлавъ шаговъ двѣнадцать, могли быть увѣрены, что ихъ никто не услышитъ. Впрочемъ и нечего было опасаться: кромѣ фейерверка ничего посторонняго не занимало весело болтающую, и подѣ-часъ громко и еди-ногласно ахающую публику.

— Элеонора, я люблю тебя, были первыя слова шепота Ульриха, когда они очутились наединѣ.

— Я знаю, подтвердила, подобнымъ же голо-сомъ, Элеонора; — и я тебя, но не смот-ря на то, мы высказываемъ это въ послѣдній разъ.

Она взяла свою руку изъ его руки обратно и теперь стояла съ большими глазами, которыя, чудно сверкали при отраженіи свѣта какого нибудь фейерверка, смотря въ даль передъ со-бой. Отъ сильнаго удивленія, вслѣдствіе страш-ной строгости, съ какой она это сказала, Уль-рихъ молчалъ.

— Ты прочиталъ мое вчерашнее письмо?

— Да, отвѣтилъ Ульрихъ. Ты писала мнѣ тоже самое въ послѣдній день пребыванія въ Нордерней: мы не смѣемъ встрѣчаться? Что пе-ремѣнилось въ нашемъ положеніи со вчерашняго дня?

Въ нашемъ положеній? страстно воскликну-ла Элеонора. И ты спрашиваешь послѣ тепе-решней сцѣны? Въ нашемъ положеніи? Боже мой, не чувствуешь-ли, что она недостойна и

несносна? Должна ли я еще являться ей и лгать прямо въ лицо? И тебя... ахъ, Ульрихъ, какъ больно стыдно было мнѣ изъ-за насъ!

— Да, Боже мой, возразилъ Ульрихъ, — чего же ты желаешь, чего же ты хочешь? Долженъ ли я, быть можетъ, сказать моей женѣ: вотъ дѣвушка, которую я люблю?

— Да, да! Это было бы въ тысячу разъ лучше, нежели то, что ты, что мы сдѣлали.

— Такъ идемъ. Я готовъ.

— Ты не приготовленъ. Точно такъ же можешь сказать: я готовъ воткнуть ножъ въ сердце моей жены; или спокойно видѣть, какъ она передъ нашими глазами кинется въ озеро и потонетъ. Ульрихъ! теперь только я могла въ первый разъ дѣйствительно узнать ее. Клянусь тебѣ, она ужъ теперь подумываетъ лишить себя жизни. Еще одинъ шагъ и она исполнитъ это.

— Ну хорошо! такъ я могу приняться за этотъ опытъ.

— Что скажешь, если и я тебѣ тѣмъ-же угрозила-бы?

— Да я безъ тебя жить не могу!

— Ты можешь, если сознаешь, что ты долженъ. Я знаю теперь твою жену; глубочайшее почщеніе имѣю передъ ней; во многихъ, многихъ отношеніяхъ она стоитъ выше меня. И ты ее когда нибудь да любилъ.

— Никогда!

— Тогда преступленіе, что ты женился на

ней. Но это тебѣ и теперь только кажется. Вспомни какъ когда то между Вами бывало и полюбишь ее снова.

— Элеонора! это все сумаешествіе, позоръ нашей жизни! Скажи лучше откровенно. Ты не любишь меня больше!

— Или: мы не любимся больше. Любовь питающаяся одной измѣной, ложью, жестокостью — не любовь, достойная насъ.

— И такъ, ты отказываешься отъ нашей любви и шлешь меня обратно къ моей женѣ?

— Если такъ, да!

— И ты можешь, тебѣ хватаетъ смѣлости говорить мнѣ это?

— Смѣлости, которую я часами пріобрѣтала, такъ какъ ты, на сколько мнѣ кажется, не имѣлъ ея, чтобъ сказать прямо въ лицо...

— Ахъ!

Тутъ онъ отскочилъ на шагъ и поднялъ руку, какъ будто хотѣлъ удержать ударъ, попавшій на него. Въ это время взвилась ракета въ темноту ночныхъ небесъ, чертя въ ней огненные линіи, чтобъ вверху превратиться въ разноцвѣтныя звѣзды. Мрачный взглядъ Элеоноры былъ устремленъ вверхъ; Видъ звѣздочекъ, которыми такъ чудно и тихо, закончилась, огненная молнія, погасилъ также и ея гнѣвъ, и наполнилъ ея душу глубокой грустью. Она подошла къ Ульриху и взявъ его руку, произнесла тихо:

— Такъ не разстанемся! Не шлю я тебя

обратно къ твоей женѣ. Я умоляю тебя только, подумай: чѣмъ ты ей обязанъ за ея вѣрность, которой она тебя столько лѣтъ любила; за чудныхъ дѣтокъ, которыя она тебѣ подарила; за разбитое счастье, которое ты ей теперь доставилъ, которое она вѣрною любовью загладить на всю будущность. Не заботься про меня! Я сумѣю перенести мое горе, разъ я увижу, что ты, какъ истинный жущина, переносишь свое.

Онъ горько улыбнулся, скрежа и освобождая свою руку отъ ея руки.

— И такъ это только пустыя фразы, слова, которыя не перемѣняютъ истины, что я не получилъ любви въ отвѣтъ на мою, лишенную всякаго названія, сумасшедшую любовь, и что-жъ я узнаю теперь, что я глупецъ и ты принимала меня за глупца.

— Ульрихъ!

— Позволь окончить, это ни къ чему не ведетъ.

— Это не можетъ быть твоимъ послѣднимъ словомъ.

Онъ отвѣтилъ ей сурово, чего она не дослышала, вслѣдствіе оглушительнаго шума, которымъ закончился фейерверкъ. Почти передъ тѣмъ стали уже двигаться зрители въ саду и на мосту, что-бъ уступить мѣсто, прибывающимъ на лодкахъ къ берегу передъ окончаніемъ, съ желаніемъ занять мѣста въ столовой. Ульрихъ и Элеонора были теперь запутаны въ смѣющейся

и болтающей толпѣ, изъ которой вдругъ выступилъ старый господинъ Троттау, торопясь съ обѣими вытянутыми руками къ Элеонорѣ:

— Моя уважаемая, милая M^{lle} Элеонора! наконецъ-то! Я ищу васъ уже съ четверть часа. Я тутъ не дольше. По дорогѣ случилось у меня маленькое приключеніе съ упряжью лошади. Bon soir, mon cher baron! Проходя мимо отдалъ я мое почтеніе Вашей супругѣ. Между прочемъ занялъ тоже мѣста къ ужину; графа Гвидо поставилъ какъ *saufve garde*... нашъ братъ ужъ понимаетъ. Многоуважаемая мадамзель, прошу оказать мнѣ честь... съ генеральшей все улажено... только что вышла изъ лодки... съ дочкой, Гансъ и нѣсколькими офинцерами, вотъ они еще стоятъ... она довѣрила васъ моему отцовскому попеченію, замѣнъ я моего Ганса ея материнскому. Mon cher baron, поторопитесь къ Вашей супругѣ, она васъ ожидаетъ, и присоединитесь къ намъ. За моимъ столомъ есть еще два мѣста. Торопитесь, торопитесь! Позвольте предложить вамъ, уважаемая судариня, мои услуги? А вотъ и другіе. Бузе, Бузе! пожалуй сюда! Любезный Брандтъ! ну вотъ, найдутся и остальные. И такъ, *avanti, avanti!*

Элеонора нашла въ кружкѣ названныхъ кавалеровъ, къ которымъ присоединились еще два ей уже знакомые офицеры со своими дамами; одна изъ нихъ была молодая красивая

вдовушка фонъ Озанскій, какъ передалъ его превосходительство фонъ Троттау Элеонорѣ на ухо; другая-ея племянница M^{lle} фонъ Паальзовъ менѣе красива, но за то пребогата, насколько знали изъ вѣрныхъ источниковъ.

Когда Элеонора повернулась къ Ульриху — его уже не было.

Глава пятая.

Благодаря энергіи Гвидо, съ каторой онъ противостоялъ возвращающимся съ фейерверка, его превосходительство фонъ Троттау нашелъ, заготовленный для себя и для своего общества, столь совсѣмъ свободнымъ. Не всѣ были такъ счастливы: многіе нашли ожидаемая мѣста почти занятыми и ихъ обладатели ни за-что не хотѣли уступить, извиняясь тѣмъ, что въ морской праздникъ существуетъ обычай „abonnement suspendu;“ вслѣдствіе чего происходили шумъ и беспорядки, а даже здѣсь и тамъ ссоры, которыя приняла бы серіозный ходъ дѣла, еслибъ не проворный господинъ Брандтъ, съумѣвшій всѣхъ примирить.

Наконецъ онъ подбѣжалъ; почти задыхаясь, и, всплеснувъ руками отъ сильнаго удивленія при видѣ его превосходительства по лѣвой сторонѣ Элеоноры, а Гвидо по правую, воскликнулъ:

— Нѣтъ! это уже слишкомъ! За всѣ мои труды я, кажется, заслужилъ имѣть мѣсто возлѣ многоуважаемой мадмазель. Про его превосходительство и рѣчи нѣтъ: честь тому-кому честь; но Вы графъ! позвольте, съ Вами я еще поспорю.

Гвидо посмотрѣлъ на него очень удивленно.

— Его превосходительство мой свидѣтель... началъ было онъ.

— Да, да, я свидѣтель, поспѣшилъ старый господинъ Троттау — за свою героическую защиту стола графъ не потребовалъ никакой награды, даже не зналъ будетъ ли онъ принять. За подобную скромность я наградилъ его мѣстѣчкомъ, которое Вы пробуете завоевать. Садитесь вотъ тутъ, насупротивъ нашей мадмазель! Вы тогда имѣете честь сидѣть *dos-à-dos* съ Вашей супругой.

— А, вотъ и ты! сказала госпожа Брандтъ, сидя у сосѣдняго стола и поварачивая голову назадъ. — Хорошо тебѣ сидѣть? —

— Да, да про лучше и думать нельзя! отвѣтилъ господинъ фонъ Брандтъ такимъ патетическимъ тономъ, что даже Элеонора была принуждена улыбнуться, пока другіе громко смѣялись. Во время ужина смѣялись за этимъ столомъ тоже не мало: его превосходительство не чувствовалъ недостатка въ потѣшныхъ о дворѣ разсказахъ; господинъ фонъ Брандтъ оправдывалъ свою славу, блестящаго далеко и широко милаго собесѣдника; оба офицеры, изъ которыхъ старшій, какой-то ротмистръ, приударивавшій за молодой вдовуш-

кой, младшій любезничавшій съ племянницей, но все же дискретно и весьма рѣшительно, оказались добродушными и веселыми собесѣдниками, умѣющими поддержать шутку и понимающими сами шутить. Господинъ фонъ Бузе, съ своей рижей бороткой, въ общемъ молчаливый, улыбался подчасъ самодовольно; по немъ нельзя было узнать, смѣется ли онъ надъ удачной шуткой другихъ, или же на радостяхъ, что ему удалось взять лучшій кусокъ съ блюда; Гвидо былъ молчаливъ, какъ тогда у мамы за столомъ, но коль- скоро Элеонора доставляла возможность, онъ былъ всегда на готовѣ со скромнымъ словцомъ.

Въ началѣ ужина, отъ недавняго пораженія, Элеонора была еще немного смѣшанной, и не въ состояніи думать и чувствовать боли. При томъ она слышала кого-то говорящимъ и смѣющимся, это-же могла быть только она сама, между тѣмъ какъ она находилась въ томъ отчаянномъ состояніи, которое не позволяетъ чувствовать мозговъ, сердца и внутренностей; и которое лежитъ на душѣ и давитъ тяжелымъ камнемъ безпомощную грудь.

Затѣмъ пришла она на столько въ себя, что роль, разыгрывавшую до сихъ поръ совсѣмъ механически, смогла продолжать съ полнымъ сознаниемъ; потомъ ей понравилась эта роль; затѣмъ вговорила въ себя: это же никакая роль, которую она какъ будто разыгрываетъ, это ея настоящая натура, которая теперь проявилась и

останется на будущее. Его превосходительство — ну да! онъ былъ немножко дерзкимъ — зачѣмъ показывать ему это? почему не притворится удивленной, подобно, какъ онъ самъ себѣ удивляется; отчего не посмѣются надъ его разсказами, какъ будто надъ новыми, хотя ихъ слышалось уже много разъ въ Вендельштейнѣ? Гвидо-же, онъ не былъ геніемъ, только хорошій, милый молодой человѣкъ, который отлично сидѣлъ на лошади, владѣнія котораго не объѣхать въ полтора часа, хотя бы стройной рисью и который, понятно, за нее пойдетъ въ огонь и воду — почему же мнѣ не выйти за-мужъ за него? остальное общество тутъ за столомъ и по всѣму залу — всѣ эти дворянчики „bleu sang“ съ ихъ женами и дочерьми одинаковаго происхожденія — отчего горячиться если они поклоняются однимъ антидилувіанскимъ идеямъ? Почему, не долго разсуждая не веселиться съ ними и не пить шампанское?

Общество не могло надивиться такой красивой, любезной, умной дамѣ, которая была неистощимая въ любезныхъ прихотяхъ, остроумныхъ словахъ, занимательной въ развлеченіи на счетъ путешествій; и, не смотря на то, что она ни на минуту не старалась кому-либо понравиться — находила все больше обожателей. Даже и молодая красивая вдовушка и ея племянница, которыя вполнѣ подчинились ей, замѣтили своимъ сосѣдямъ, что это „феномень-баришня“.

Его превосходительство господинъ Троттау не считалъ нужнымъ скрывать, что онъ въ нее сильно влюбленъ и въ первый разъ сожалѣетъ о своихъ лѣтахъ, которыя не позволяли ему соперничать съ обожателями этой дамы, подъ которыми онъ понималъ всю молодежь міра. Старый господинъ Троттау объявилъ это такъ смѣшно, употребляя при томъ такія запутанныя, старо-модныя обороты рѣчи, что въ этомъ никто не находилъ ничего дурнаго, даже и Гвидо, который молча, но ревниво, слѣдилъ за тѣмъ, что бѣ его святость не была обижена ни словомъ, ни взоромъ.

Она ему и явилась настоящей святостью, которая, не щадя милости, стремится къ народу, въ среду котораго поступилъ и онъ совсѣмъ добровольно. Пока его скромный взоръ, скользилъ по ея милымъ чертамъ лица, и, точно обрисовывая прелестный контуръ ея фигуры, слушалъ внимательно ея слова, — онъ спрашивалъ себя: откуда взялось у него когда-то столько смѣлости, просить у нея руку! Онъ чувствовалъ каждый разъ испугъ въ глубинѣ своей души, коль-скоро ея большіе глаза, обращались къ нему съ любезнымъ выраженіемъ. Напрасны старанія Мамаши-ободрить его: онъ не вѣрилъ этому болѣе.

Вотъ она опять взглянула на него.

— Я не имѣла возможности передать вамъ, какъ прекрасно понравилось мнѣ на Вендельштейнѣ, а самое важное, какое глубокое удив-

леніе и уваженіе внушила въ меня госпожа графиня. Какъ счастливымъ дѣлаетъ васъ — имѣть такую мать!

— Да, навѣрное, отвѣтилъ Гвидо, — это дѣлаетъ меня очень счастливымъ — понятно...

— Вы же, конечно, — хорошій сынъ.

— Стараюсь нимъ быть, но этого еще не достаточно.

— Что Вы хотите тѣмъ сказать?

— То, что при всемъ моемъ стремленіи — я не таковъ сынъ, какого желаю моей мамашѣ.

— Вы слишкомъ скромнѣе.

— Ахъ нѣтъ! Я не скромнѣе; я только не обманываю себя: я сознаю вполнѣ, что, всего того, что имѣю и чѣмъ владѣю, я не заслужилъ собственными стараніями и усиліями. Счастіе доставило мнѣ это. Я смѣю Васъ увѣрить, что это дѣлаетъ меня очень печальнымъ!

— Тысяча другихъ на Вашемъ мѣстѣ разсуждали бы иначе; этимъ не хочу все-таки выразить, чтобъ Вы стали иначе думать, то есть вообразить себя тѣмъ, чѣмъ Вы не есть. Всякій человѣкъ не имѣетъ только права, но обязанъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Желаніемъ быть такимъ, „какъ другимъ угодно“ — ничего не достигается, кромѣ того, что увеличивается число печальныхъ копій, въ которыхъ и такъ нѣтъ недостатка въ мірѣ.

— Вамъ хорошо говорить это, милостивая судариня, Вамъ надо быть только такой, какой

Вы теперь, что-бъ повсюду возбудить удивленіе.

— Знаете, господинъ графъ, что Вы начинаете быть соперникомъ моего сосѣда съ лѣвой стороны?

— А, нѣтъ! этого нельзя, чтобъ одинъ только графъ наслаждался нашей королевой! замѣтилъ черезъ столъ господинъ фонъ Брандтъ.

Гвидо бросилъ на него самый строгій взглядъ, какой только могли выразить его добродушные глаза. Со времени незабвенныхъ часовъ, проведенныхъ въ купѣ желѣзной дороги, онъ ни разу еще не наслаждался такимъ разговоромъ съ своей богиней., а она такъ чудно, мило говорила съ нимъ! Неужели Мама и на тотъ разъ права, какъ всегда? Возможно-ли это? Ему не долго приходилось обдумывать этотъ вопросъ, вопросъ, которымъ онъ въ первый разъ въ своей жизни озадачилъ себя: молодые люди опять подошли къ стулу господина фонъ Брандтъ и шептали ему на ухо: не угодно-ли ему наконецъ оставить столъ? Онъ медлилъ, медлилъ, въ концѣ концовъ рѣшился.

Онъ исполнилъ ихъ просьбу попросивъ господъ встать и опорожнить свои стаканы на здравіе дамъ и ужъ больше не садиться, тоже ради дамъ, ожидающихся нетерпѣливо танцевъ, услышавъ уже давно музыку. Всѣ чекнулись рюмками; всякъ въ кружкѣ старался еще разъ чекнуться съ Элеонорой; затѣмъ раздался шумъ стульевъ и

взаимныя благодаренія. Въ то время, какъ его превосходительство господинъ фонъ Троттау поцѣловалъ руку Элеоноры, съ какимъ-то тайнымъ намекомъ на счетъ высшей милости, которую она ему доставила, какъ дитя въ своемъ бѣломъ платьи съ голубой лентой, она услышала за собой кого-то, спрашивающаго: да гдѣ-же наконецъ Рандовы? на что отвѣтилъ господинъ фонъ Брандтъ: они уѣхали передъ ужиномъ; баронесса почувствовала себя немножко не здоровой! . . .

Элеонора вздохнула тяжело. Она полагала, что Ульрихъ съ женой нашли себѣ мѣсто въ одной изъ сосѣднихъ залъ. Теперь она не опасалась больше встрѣчи съ возлюбленнымъ, котораго отправила къ его женѣ! Ахъ!

— Позвольте предложить Вамъ мои услуги? сказалъ Гвидо, подавая ей свою руку и, когда они немножко освободились отъ окружающихъ, добавилъ:

— Не знаю многоуважаемая судариня, помните ли Вы одно свое обѣщаніе, которое я имѣлъ честь услышать на Вендельштейнѣ?

— Конечно! первый вальсъ! съ большимъ удовольствіемъ! Приглашали-ли Вы Китти хотя къ одному танцу? —

— Ахъ, Боже! нѣтъ! —

— Прошу Васъ сдѣлайте Вы это ради меня! Она стоитъ тамъ съ генеральшей. Я такъ и

такъ должна еще съ ними быть. Сдѣлаете-ли это?

— Вамъ только приказывать мнѣ, милостивая судариня!

Глава шестая.

Свободная, обширная площадь, находящаяся передъ домомъ, представляла мѣсто празднованія этого вечера, теперь она была разукрашена гирландами разноцвѣтныхъ фонариковъ, соединяющими между собой деревья; на смежномъ же лугу находился большей, со вкусомъ разукрашенный шатеръ, предназначенный для танцевъ. Пребываніе на свѣжемъ воздухѣ, послѣ утомительной жары столовой, подѣйствовало на каждого очень благопріятно и тихая теплая почти лѣтняя ночь не представляла никакой опасности простудиться даже самой нѣжной натурѣ. Старшее общество разсѣлось возлѣ столиковъ, оживленно разговаривающими группами. Мушкетеры, закуривая давно потухшія сигары, утоляли свѣжими бутылками шампанскаго, жажду, мучившую ихъ еще въ столовой. Изъ шатра доносились веселыя танцевальныя мелодіи мѣстнаго роговаго оркестра, замѣнившаго, ко всеобщему удивленію, шумную полковую музыку. Гвидо считался въ этомъ обществѣ самымъ знатнымъ кавалеромъ, поэтому ему и принадлежала честь

открыть балъ-онъ это и сдѣлалъ; но при видѣ танцующей съ нимъ Элеоноры — многіе довольно сильно удивились. Хотя это и былъ деревенскій праздникъ, при которомъ строгій этикетъ немножко ослабѣвалъ, но все же нѣкоторыя правила приличія слѣдовало было исполнять и поэтому показался отчасти безтактнымъ поступокъ Гвидо, оказать почестъ дамѣ, которую еще сомнительно признать дамой, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Надо согласиться и съ тѣмъ, что подобныя рѣчи слышались, и то даже отъ нѣкоторыхъ господъ, только въ кружкѣ, гдѣ царила Китти, первая соперница Элеоноры. Въ кружкѣ Элеоноры отрицали всякое соперничество между одной звѣздой, подавно первой, и другой, далеко второй величины.

Госпожа фонъ Осанская, объявившая, что она вполне влюблена въ эту баришню, замѣтила, будто невзначай: „*Prima Donna et Soubrette*,“ сравненіе, значеніе котораго объяснилъ господинъ фонъ Брандтъ слѣдующимъ выраженіемъ: „Чистокровная, но полукровная.“

Элеонору это совсѣмъ и не смущало, если господа и дамы даже и сговорились дѣлать подобныя замѣчанія; напротивъ, она чувствовала себя вполне счастливой вращаться въ обществѣ ее одобряющемъ, и открыто праздновать свой триумвъ, первый въ своей жизни, чего скромныя обстоятельства ея молодости, а затѣмъ зависимое

ея положеніе не доставляли ей никогда подобнаго случая. Такъ она разсуждала, гуляя подъ руку то съ однимъ, то съ другимъ, выслушивая и принимая, приглашенія къ танцамъ, которыя такъ и неслись со всѣхъ сторонъ; замѣчая себя по переменамъ осыпываемой любезностями и комплиментами. Она сознавала свое могущество, что ей довольно одного слова, что бѣ ей будущность была полна подобныхъ и еще большихъ триумфовъ; ей приходило въ голову, что она нерассудительна, если этого не дѣлаетъ, потому только, что не сочувствуетъ, потому, что нѣтъ той страстной любви, той любви, которая, кромѣ нѣсколькихъ блаженныхъ часовъ, не доставила ей ничего больше, какъ скорбь и боль въ сердцѣ, а сегодня даже срамъ, отъ котораго сторжало ея лицо!... Она хотѣла наслаждаться даннымъ моментомъ, хотѣла находиться въ томъ гордомъ самосознаніи, что однимъ ея словомъ, взглядомъ, одной ея улыбкой могла доставлять людямъ счастье.

Гвидо чувствовалъ себя сверхъ счастливымъ, имѣя возможность обнять своей рукой ея эластичную талію, чувствовать возлѣ своего сердца ея грудь, а на щекѣ теплоту ея чистаго дыханія; все это увеличивало въ немъ чувство любви къ своей богинѣ; когда-же къ этому присоединялись мысли, желаніе, которое онъ однажды задумалъ, и про которое онъ ей даже проговорился: назвать эту баришню своей — онъ, ка-

залось, становился все болѣе и болѣе сумасшедшимъ. Единственною его мыслей было: да представило бы ему небо возможность смѣть ей доказать, какъ пламенно онъ ее любить! Даже мысль о смерти совсѣмъ не смущала бы его, если-бъ она только не повліяла на его мамашу. Ничего высшаго не подарила ему жизнь, какъ только эту чистую любовь! умереть за нее, казалось ему, было бы отрядно, послѣ такой жизни, которую онъ долженъ былъ считать несчастнѣйшей, хотя съ графской короной. Съ какимъ принужденіемъ онъ старался не выдать своихъ чувствъ ни однимъ взглядомъ, ни однимъ словомъ! благодаря своей вражденной спокойности ему удалось это. Но Элеонора могла бы ему все рассказать, что происходило въ немъ, въ его сердцѣ. И, послѣ только что испытаннаго адскаго мученія, къ чему могла привести только одна любовь, ей служило облегченіемъ: взглянуть въ это кроткое, терпѣливое, любящее сердце. Разговаривая съ нимъ во время одной изъ паузъ; прислуживаясь его, навѣрно не остроумнымъ, но, чистосердечнымъ задушевнымъ рѣчамъ и чувствуя его взглядъ, полный спокойнаго, благоговѣйнаго обожанія, невольно должна была подумать объ одномъ утрѣ въ замкѣ Элеоноры. Въ эту то ночь бушевала страшная буря и при свѣтѣ молній, видѣла она изъ своего окна, какъ вершины парковыхъ деревьевъ, подобно бѣшеннымъ, кидались то въ одну, то въ другую сто-

роны, а вѣтви свистя сплетались между собой. На утро она прошла по парку: деревья въ полномъ спокойствіи упивались теплымъ солнышкомъ, бросая свою тѣнь на луга, на которыхъ капли ночнаго ливня блестѣли, какъ брілліанты; и на этихъ-то деревьяхъ раздавалось пѣніе итичекъ... и вотъ тогда она представляла себѣ, будущую жизнь съ человѣкомъ, котораго она могла бы любить...

Вдругъ она почувствовала, что кто-то коснулся ея плеча, повернувшись испуганно — она увидѣла, стоявшую передъ ней, генеральшу со злобщей улыбкой на ея суровомъ лицѣ.

— Мнѣ нужно съ Вами поговорить; любезный графъ, Вы меня простите!

— Что случилось, судариня? спросила Элеонора, — Клементина?

— Конечно! она иначе ничего не исполняетъ. Но мы поговоримъ объ этомъ лучше наединѣ. Еще разъ прошу извиненія, любезный графъ!

Она пошла поспѣшно впередъ; Элеонора последовала за ней. Дорогая Клементина! Лучше было остаться при ней!

На ступенькахъ, ведущихъ въ шатеръ-генеральша остановилась съ моментъ и поровнялась съ Элеонорой.

— Почему Вы не остались при Клементинѣ? спросила она какимъ-то страннымъ, довольно сильнымъ, даже грубымъ голосомъ.

— Милостивая судариня! Вы забываете, что Вы сами настаивали на то, чтобъ я провожала Васъ. Пожалуйста, скажите, что съ M^{lle} Клементиной!

— Потому я попросила извиненія, чтобъ Вамъ помѣшать въ Вашемъ развлеченіи; сказала иронически генеральша. Это можно было предвидѣть. Клементинѣ имѣло ухудшиться. Эти безтолковыя служанки сейчасъ теряютъ голову; онѣ сейчасъ посылаютъ въ городъ за докторомъ Бальтазаръ, а тотъ въ своей природной пугливости не нашелъ ничего лучшаго, какъ прислать сюда верховаго, чтобъ мы совсѣмъ свѣжимъ получили столь пріятное извѣстіе, еще заблаговременно передъ тѣмъ, пока онъ узнаетъ въ чемъ собственно дѣло.

— Я опасаюсь, милостивая судариня! отвѣтила Элеонора. Докторъ знаетъ очень хорошо, что ему дѣлать и что онъ дѣлаетъ. Ему извѣстно хорошо, что если наступило ухудшеніе, противъ ожиданій послѣ сегоднешняго утренняго состоянія, такъ оно грозитъ опасностью.

— Сожалѣю, что Вы меня сегодня утромъ не осчастливили Вашими столь глубокими взглядами, возразила ей генеральша.

Въ заботахъ о подругѣ Элеонора и не почувствовала дерзости этой дамы.

— Что Вы порѣшили, милостивая судариня? спросила она.

— Тутъ нечего и рѣшать: экипажъ изъ города прибудетъ за нами, не раньше, какъ черезъ часъ, это время мы должны будемъ дожидаться.

— Мы и полъ-часа не употребили сегодня, чтобъ перебраться черезъ озеро!

— Черезъ озеро, когда мы отправили лодку!

— Легко найдемъ иную. Обсудите любезная судариня: тѣмъ мы выигриваемъ по крайней мѣрѣ два часа!

Генеральша поколебалась, но она знала, что это вѣрно, и хотя бы Элеонора убѣждала ее и три часа, то она отдавала бы предпочтеніе экипажу нежели лодкѣ; въ этомъ нельзя было ее разубѣдить; она сама подумывала объ этомъ въ крайнемъ случаѣ, но уступить ненавидимой особѣ-было же невозможно. Да и гдѣ же тутъ самый крайній случай?

— Что Вы предлагаете! продолжала она, — по озеру въ такую темноту! Нѣтъ, моя милая, у меня нѣтъ охоты мою Китти, разгоряченную, отъ ея постоянныхъ танцевъ, подвергнуть смерти влажнымъ ночнымъ воздухомъ на озерѣ. Вы этого не можете отъ меня требовать!

— Такъ позвольте, милостивая судариня, мнѣ переправиться черезъ озеро.

Этого генеральша опять не ожидала. Эти постоянныя возраженія, противъ которыхъ она не находила ничего, выводили ее изъ терпѣнія.

— Какъ угодно, сказала она, теперь уже съ

нахальной грубостью, — дѣлайте то, чего не можете оставить. Я не принимаю ничего на себя. Про лодку, которая-бы Васъ туда доставила, позаботитесь сами.

— Я прошу покорнѣйше, милостивую Melle Элеонору, предоставить это мнѣ! сказалъ Гвидо, стоявшій уже за ними.

Ему что-то чужалось, что выраженіе лица генеральши предсказывало какую-то непріятность для Элеоноры, быть можетъ, случилось бы еще кое-что похуже, поэтому онъ преслѣдовалъ дамъ въ почтенномъ разстояніи и только въ послѣднюю минуту, когда генеральша свой не тихій голосъ все болѣе и болѣе усиливала, — онъ приступилъ къ нимъ.

— А! господинъ графъ! воскликнула генеральша; — Pardon! я и не знала что не могу съ моей компаньонкой говорить безъ Вашего пришествія! —

Гвидо дрожалъ отъ злости, но удержался и произнесъ съ его врожденной степенной вежливостью:

— Простите, любезная судариня, — про это и рѣчи быть не можетъ. Я не былъ индискретнымъ, какъ это общество вотъ тамъ, возлѣ стола, отъ котораго ни одно Ваше слово не ускользнуло, равно, какъ и отъ меня.

Потомъ, обратившись къ Элеонорѣ, сказалъ:

— Не угодно-ли Вамъ, многоуважаемая

судариня, обождать меня здѣсь, надѣюсь черезъ нѣсколько минутъ вернуться обратно.

— Я иду съ Вами, отвѣтила Элеонора, — Прикажете ли еще что-нибудь судариня?

— Нѣтъ! merci!

— Неслыханное . . . бормоталъ Гвидо направляясь съ Элеонорой къ дому. — Милостивая судариня, простите мою неэтикетальность: Вы не можете оставаться въ этомъ домѣ!

— Думаете, что я послѣ этой сцены останусь добровольно хотя часомъ дольше нужного? Будьте увѣрены, что не ступить моя нога больше въ этотъ домъ; но я не могу покинуть Клементину въ этомъ состояніи.

— Да, да, это я понимаю, конечно. Но тогда, что же тогда?

— Незнаю; я привыкла проживать со дня на день.

Они вошли въ домъ. Элеонора пошла въ гардеробную получить пальто и головной платокъ, а Гвидо отправился подыскать лодку.

Скоро все было готово: подзвавъ одного изъ домашнихъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, были и лодочниками, онъ всунулъ ему щедро въ руку, чтобъ тотъ перевезъ скоро баришню въ Зеегаузенъ. Это не продолжится и получаса.

Лодка была приготовленной; Элеонора все не приходила; въ гардеробной, вѣроятно, все разбросано. Къ Гвидо, ходившему нетерпѣливо

взадъ и впередъ передъ помостомъ, подошелъ старый господинъ Троттау, который, въ тускло освѣщенномъ, почти темномъ саду, покуривалъ самодовольно свою сигару.

— Вотъ гдѣ, любезный графъ! Я все таки не ошибся слыша чей-то голосъ. Позвольте узнать, что Вы тутъ дѣлаете? —

Гвидо объяснилъ ему въ краткихъ словахъ, въ чемъ дѣло. Въ своемъ волненіи онъ не могъ удержаться, что бы не присоединить подходящаго выраженія для генаральши за ея дружественную добродушность.

— Да, да, отвѣтилъ на это господинъ фонъ Троттау. — Она ужъ настоящій драконъ, не смотря на ея обыкновенныя кошачья выхотки. Бѣдная дѣвушка! но я догадываюсь почему Вы теперь этимъ взволнованы. Я долженъ сначала попросить Васъ удержать пока въ дискретной тайнѣ то, что я Вамъ сообщу. И такъ; мой вѣтренный фонъ Гансъ уже четыре недѣли обрученъ со своей кузиной Елизаветой. Въ то время, когда имѣлось опубликовать ихъ обрученіе, карты были уже напечатаны, заболѣла госпожа фонъ Бервальдъ, и можно было опасаться несчастія. Ну, Вамъ извѣстно-она живетъ и по сегодняшній день, но можетъ cadaго дня скончаться. Публикація поэтому и затянулась. Вотъ это время употребляетъ мой сорванецъ на удовольствія, чтобъ еще разъ основательно пожить. Этого

я не могу ему запретить, но все же имѣть свои границы! Его ухаживаніе за этой малой заходитъ слишкомъ далеко. Только что я прочиталъ ему основательно нотаціи. Ну, и считалъ своимъ долгомъ также и госпожѣ генеральшѣ подлить чистаго вина. Я могъ предвидѣть, что ей оно будетъ не по вкусу, но ничего не подѣлаешь. Чтобъ онъ отказался отъ своей невѣсты, не мыслимо по поводу тысячи разныхъ причинъ. На счетъ же того, онъ мнѣ недавно заявилъ, что ему и во снѣ не снится заигривать серіозно съ малой кокеткой. Да, да таковы Вы молодые люди теперешняго времени! Ну, разъ мы находимся при такой темѣ, такъ позвольте мнѣ, старому другу Вашей любезной Мамаши, и на глазахъ котораго Вы выросли, предложить Вамъ одинъ свободный вопросъ? Вы имѣете относительно... Вы понимаете сами, кого я разумѣю... и такъ у Васъ къ ней истинныя намѣренія?

— Богъ мнѣ свидѣтелемъ, отвѣтилъ Гвидо утвердительно и сердечно.

Старый господинъ фонъ Троттау схватилъ его руку, крѣпко пожимая:

— Я зналъ это, я зналъ это... это было бы ужасно, если-бъ это было иначе. Вы и не повѣрите, какъ я сочувствую этой дѣвушкѣ! Это произведетъ большое всеобщее удивленіе. Я, собственно сказать, не совсѣмъ-то стою за ровные браки, но бываютъ исключенія и даже

большія исключенія. Если Вы съ мамашей d'accord . . .

— О это понятно! увѣрилъ Гвидо.

— И такъ вотъ значитъ: все въ отличномъ порядкѣ. Но, поздравляю, — поздравляю отъ цѣлаго моего сердца!

— Ваше превосходительство, но вѣдь ничего еще не рѣшено!

— Не рѣшено? Но должно быть; знаете, любезный Гвидо, я вполнѣ увѣренъ: она меня уважаетъ, я поговорю съ ней сейчасъ.

— Теперь не совсѣмъ-то хорошая минута, замѣтилъ пугливо Гвидо; теперь когда ея Melle Клементина . . .

— Ахъ Боже, правда, да я совсѣмъ и позабылъ. Бѣдная дѣвушка! конечно! и она хочетъ переправиться туда одной?

— Я предложилъ-бы ей мои услуги, но . . .

— Нѣтъ! этого нельзя! Ни въ коемъ случаѣ! Это подняло бы огромный скандалъ и послужило бы водой для мельницы госпожи генеральши. Кто перевозить ее?

— Я, Ваше превосходительство, отвѣтилъ слуга, который стоялъ съ ними на помостѣ, придерживая въ рукѣ цѣпку лодки.

— А, Ты, Христіанъ! узнавая человека, произнесъ старый фонъ Троттау. — На, любезный Гвидо, этому мы можемъ вполнѣ довѣрить. Старога Христіана знаю я. Онъ вѣренъ, какъ золото, Argoros — вотъ на чай, Христіанъ!

— Постите, Ваше превосходительство: я получилъ уже отъ господина графа . . .

— Ахъ, бери-же, дуракъ! вдвойнѣ тоже ничего не повредить. А вотъ, и наша баришня!

Съ юношеской оживленностью поторопился старый фонъ Троттау навстрѣчу Элеонорѣ, которая приближалась скорыми шагами отъ дома. Вещей въ гардеробной почти нельзя было отыскать; затѣмъ добродушная хозяйка, узнавъ въ чемъ дѣло, доставила ей еще одинъ большей платокъ. Элеонора поблагодарила господъ за ихъ участіе, протянула имъ руку, которую старикъ поцѣловалъ, между тѣмъ какъ Гвидо только пожалъ молча, и пригнула въ лодку.

— Да хранить Васъ Господь, сказалъ старый фонъ Троттау. Гвидо молчалъ, его сердце было переполнено.

Равномѣрными, сильными ударами отчалилъ Христіанъ отъ берега въ озеро, тишину котораго нарушалъ время отъ времени проносившійся вѣтерекъ. На темно-голубомъ небѣ стояла почти полная луна, ослабляя своимъ сіяніемъ свѣтъ звѣздъ. Смотря по разстоянію то ясно, то темно выступали таинственные берега въ ночномъ сіяніи. Только нѣкоторые звуки музыки доносились съ мѣста увеселенія; затѣмъ замерли и они, и Элеонора не слышала больше ничего, кромѣ равномѣрныхъ ударовъ весель, да скрипа руля. Христіанъ въ началѣ-же спросилъ ее „умѣетъ ли она править рулемъ“; послѣ сво-

его пребыванія въ Англіи — она могла смѣло отвѣтить „да“. И вотъ она сидѣла возлѣ него, закутанная въ большой платокъ гардеробной хозяйки и поглядывая изрѣдка то на небо, то въ озеро, смотря все на темную массу парковыхъ деревьевъ Зеегаузена, рѣзко оттѣнявшагося на восточномъ небосклонѣ, на которомъ, не смотря на минувшую полночь, казалось еще замѣчались слабые остатки вечерней зари.

Въ этой торжественной тишинѣ, подъ возвышающимся небомъ Элеонору овладѣло рѣдкое чувство. Въ ея душѣ проскользнуло воспоминаніе сцены, которую она сегодня вечеромъ перетерпѣла; затѣмъ ей представился Ульрихъ, какъ онъ смотрѣлъ на нее своими прекрасными глазами, сверкающими отъ любви и гнѣва; то Гвидо, подходившій къ ней, и хватающій робко ее за руку; то Китти, несущаяся передъ ней въ рукахъ Гансъ фонъ Троттау и улыбающаяся къ ней насмѣшливо черезъ ея обнаженные плечи — потомъ все это исчезло передъ появленіемъ одной большой картины: похожей на ту, какъ Харона, гребетъ по тихому Ахерону, между тѣмъ, какъ усопшая душа, завернутая въ свои гробовыя повивала, править сама рулемъ — эта мертвая душа благодаритъ боговъ, что вертепъ жизни лежитъ уже за ней, а передъ ней-страна духовъ, тѣней, мигающая ей привѣтно, страна въ которой она не требуетъ больше любить и презирать, но можетъ только тихо находиться

въ ней, совсѣмъ тихо въ теченіи всей вѣчности.

Лодка скользнула по тѣнямъ парковыхъ деревьевъ и причалила къ помосту. Христіанъ помогъ Элеонорѣ выйти. Она хотѣла вознаградить его за услугу деньгами, но онъ рѣшительно отказался: Его превосходительство и господинъ графъ уплотили ему болѣе, нежели онъ можетъ заработать въ мѣсяць. Элеонора попросила его отдать хозяйкѣ платокъ, который она оставила въ лодкѣ и поспѣшила домой. Изъ ихъ комнатъ, была освѣщена только комнатка Клементины какимъ-то тусклымъ, красноватымъ свѣтомъ.

Глава седьмая.

Когда Ульрихъ, съ разбитымъ сердцемъ, послѣ мучительныхъ переговоровъ съ своей возлюбленной, возвратился въ полисадникъ — онъ нашелъ тамъ свою жену, въ обществѣ болѣе пожилыхъ собесѣдниковъ, которые хотѣли теперь отправиться въ столовую, и старались уговорить Герту пойти съ ними. Одинъ взглядъ на ея блѣдное, опечаленное лицо убѣдилъ Ульриха, что ея извиненіе, быть немного нездоровой, не одна только отговорка. Ея состояніе возбудило въ немъ стараніе найти, въ свою же пользу, подходящую причину, вслѣдствіе которой могъ бы сейчасъ-

же остановить это мѣсто. На ужинъ онъ не записался, да и въ противномъ случаѣ, самъ не допустился-бы отправить ее съ подобнымъ настроеніемъ домой одной. Онъ передалъ ей это почти сердечнымъ тономъ, въ которомъ не требовалъ притворяться. Даже нужда чужаго вызвала бы въ немъ теперь готовнать къ помощи; и чтобъ осмѣлиться оказать Гертъ прислугу, его побуждало какое-то самосознаніе своей виновности передъ ней, причемъ тронуло его сердце въ одномъ направленіи, котораго онъ давно уже не признавалъ.

Находясь подъ этимъ впечатленіемъ, ему и не нужно было никакихъ усилій быть по дорогѣ домой любезно-внимательнымъ по отношенію къ ней; повторить ей, въ открытой коляскѣ, не имѣющей никакой защиты противъ ночнаго воздуха, свою просьбу: закутаться лучше въ пальто; спросить, не облегчить-ли ей, если она положить свою голову на его плечо? на что она отвѣтила коротко: нѣтъ, благодарю! сидя все молчаливой, уютившись въ своемъ углу. Его вся любезность казалась ей лицемеріемъ. Вѣдь онъ все думалъ про ту другую, которая не хуже его понимала лицемерить и врать. Но всей вѣроятности она уговорила его вернуться теперь домой, опасаясь, что-бъ онъ, въ полусумашествіи отъ своей любви, какойнибудь измѣнной неосторожностью, не представилъ бы истины на свѣтъ Божій. За его сочувствіе она

съумѣла бы отблагодариться сегодня еще въ другой разъ! Онъ былъ только отуманеннымъ, если даже и остается тотъ позоръ, что допустилъ отуманить себя! Главная вина падала на сторону измѣнницы, съ тѣмъ святокажущимся видомъ одной гордой, невинной баришни. Эта гордость и невинность! И какъ позволяютъ мущины ослѣплять себя такой пошлой вѣтренностью! Но достаточно польстить ихъ требованіямъ — и ихъ имѣется навѣрно! И онъ не былъ лучшимъ, изъ тѣхъ, всѣхъ — тотъ, котораго она такъ безгранично любила!

Она могла бы проливать слезы, могла бы кричать въ ея отчаянномъ горѣ. Но эта безстыдная особа не должна имѣть тріумфа. Она могла бы ее онесчастливить, — унижить; но унижиться передъ самимъ собой — нѣтъ, это ей не удастся. Уступать свое мѣсто возлѣ Ульриха, возлѣ его сердца, такъ лучше уйти добровольно. Лишить себя жизни — каковъ другой исходъ? Произнесла бы она это громко — они повстрѣчались бы въ мысляхъ. Ульрихъ, сидя въ углу коляски, мрачно погруженный въ размышленія, не находилъ инаго исхода изъ этого зала заблужденій. Не хочетъ ли Элеонора быть его; права ли она, когда утверждала, что онъ не смѣетъ, даже и не перенесетъ никогда, пробить сердце Герты, полагая что безъ Элеоноры онъ не можетъ жить; любовь въ его сердцѣ къ ней, съ Гертой продолжать обычную жизнь, это до-

ставляло мученіе, въ которомъ они обои должны были пропасть; что же ему остается, если не одна смерть? Если Герта удаляетъ эту мысль — и при ея сильномъ характерѣ и ея силѣ воли, показалось ей это невозможнымъ — такъ, по крайней мѣрѣ, она будетъ спасена. Да заживетъ со временемъ у нея эта рана! въ заботахъ про дѣтей, въ любви къ дѣтямъ. Ей двадцать девять лѣтъ, для нея не должна кончаться жизнь, и то еще послѣ такого тяжелаго удара. По приказанію своего барина, кучеръ поддерживалъ постоянно сильную рись, такъ что, сравнительно, въ довольно короткое время они достигли Вюстеней. Коляска остановилась на подъѣздѣ у дверей. Ульрихъ помогъ сойти Гертѣ; онъ замѣтилъ, что она дрожала всѣмъ тѣломъ. Не смотря на то, она и не хотѣла знать про какую нибудь услугу; когда они вошли въ квартиру, даже и горничной, неожиданной такъ скорого возвращенія своихъ господъ и поспѣшившей съ заспаннымъ дицомъ къ дверямъ, у которыхъ Ульрихъ дергалъ нетерпѣливо колокольчикъ, было отказано въ помощи. На дружественное возраженіе Ульриха по поводу этого приказанія, она не отвѣчала ничего; по своей привычкѣ привела, въ порядокъ нѣсколько мелочей въ комнатѣ и отправилась въ спальню, которая выходила въ садъ; смежно съ ней находилась жилая комната. Ульрихъ сокрушенно смотрѣлъ ей во слѣдъ. Онъ нашелъ безжалостнымъ оставлять ее теперь од-

ной, но этихъ комнатъ не видѣлъ онъ со времени своего пріѣзда. Облокотившись на дверь, она остановилась и спросила не поварачиваясь:

— Что же имѣетъ быть съ дѣтьми?

Ульриха пробрало: такъ вотъ до чего дошло! вотъ до чего онъ довелъ!

— Что ты хочешь этимъ сказать? спросилъ онъ ее въ отвѣтъ.

Она обернулась медленно.

— Я думаю, сказала она хриплымъ, и все таки рѣдко внятнымъ голосомъ; — что это не можетъ долѣе продолжаться.

— Какъ, долѣе?

Презрительная улыбка проскользнула по ея блѣдному лицу. Она опять отступила на нѣсколько шаговъ назадъ и продолжала тѣмъ же тономъ:

— Я бы стыдилась на твоёмъ мѣстѣ спрашивать подобное. Ты принимаешь меня за животное, или камень. Я же не такая; хотя, быть можетъ, и глупа, глупа до того, что-бъ краснѣть: въ противномъ случаѣ я должна бы была открыть это уже давно. Что ты меня не любишь больше-такъ это ясно; для этого у Васъ только одна причина: Вы любите другую. И вотъ для чего жена должна быть такъ долго мучима, пока у нея не переполнится и не уступить мѣста выбранной дамѣ; если такую можно вообще назвать дамой!

Въ началѣ рѣчи Герты, Ульрихъ думалъ,

что ему придется защищаться противъ ея обвиненія насчетъ того только, что онъ за послѣднее время ее какъ-будто покинулъ; теперь было ему яснымъ, что она знаетъ больше, даже, быть можетъ, все; ея послѣднія слова, высказанныя съ подозрительной улыбкой, въ которыхъ, казалось, содержалось все, — отняли у него всякое сомнѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ наполнили его злостью. Онъ сказалъ ей съ рѣжущимъ хладнокровіемъ:

— Для Васъ, конечно, дама начинается съ госпожи баронессы.

— Какъ будто бы я не знала какое значеніе баронессы въ этомъ дѣлѣ, возразила она. Мнѣ что-то чуется, на одно выходитъ, баронесса-ли, или мѣщанка Твоя метресса.

Переполненное обвиненіе привело его опять въ себя:

— Извѣстная дама стыдилась бы произнести даже это одно слово, сказалъ онъ.

— Стыдилась-бы! тогда я должна замѣтить: Она своими рѣчами болѣе постыжена, нежели своими поспупками.

— Что ты знаешь про ея поступки? Вообще, о комъ ты... а!

Онъ вдругъ прервалъ. Ему вспомнилось, что одно мгновеніе онъ видѣлъ Одебрехта проскользнувшего въ ея общество. И такъ его опасенія передъ Нордерней и исполнились: иикто другой, кромѣ Одебрехта, не могъ быть измѣнникомъ: съ нимъ онъ посчитается послѣ; но тутъ при-

творяться, было бы совсѣмъ глупо. Къ переговору должно же было когда-нибудь прійти.

Герта сѣла за столъ, закрывъ лицо руками. Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ; вдругъ остановился и сказалъ:

— Ну хорошо! Я познакомился съ M^{elle} Риттеръ въ Нордерней и сходилъ съ ней довольно часто. Если она и я молчали про то, такъ это потому только, что наши отношенія не были бы поняты, какъ это бываетъ на томъ любезномъ свѣтѣ, и въ чемъ мы могли быть совсѣмъ увѣрены.

Герта подняла голову, на ея блѣдномъ лицѣ видна была все еще презрительная улыбка.

— Я полагала-бы, что эти отношенія довольно ясны: Ты любить ее и хочешь на ней жениться, коль-скоро сможешь освободиться отъ меня.

— Но если я Тебѣ и клянусь, что она о томъ и не помышляетъ, что она еще сегодня мнѣ заявила!...

— Завтра она подумаетъ иначе. Немножко кокетной игры дѣлаетъ это дѣло интереснѣйшимъ. Надкусила рыбка, почему же не позволить ей и удочку подергать!

— Я сожалѣю Тебя за выборъ Твоихъ сравненій, какъ и за чистоту Твоей фантазіи; вотъ почему и совсѣмъ не возможно разъяснить Тебѣ нѣкоторыя вещи, Ты ихъ не поймешь.

— Быть можетъ и пойму, если Ты ска-

жешь на что рѣшился. Такъ продолжаться не можетъ, этого я не перенесу!

— Я долженъ тоже переносить.

— Что?

— Ты только что сказала: я люблю ее. Предположимъ что это такъ. Но я и теперь еще повторяю Тебѣ: что она про это и не думаетъ, что она съ ужасомъ отталкиваетъ отъ себя мысль: на Твой счетъ осчастливить себя. Несчастіе, которое мы должны переносить, мнѣ кажется довольно одинакого для обѣихъ сторонъ.

— Кто же причиной этаго несчастья?

— Объ этомъ можно разное думать. Я не хочу улучшаться. Я и Тебя не обвиняю. Это просто несчастіе, которое насъ постигло.

— Конечно это удобно. Церемѣнить этого Ты не можешь. И можемъ ли мы послѣ того жить другъ возлѣ друга, какъ дикіе, чужіе люди, что-бъ на насъ всѣ показывали пальцами; прислуга развлекалась на нашъ счетъ. А бѣдныя дѣти...

Она не могла дальше говорить. Жавъ лицо обѣими руками она горько заплакала, тѣло ея дрожало. Онъ ходилъ взадъ и впередъ въ сомнѣніи и безъ всякаго совѣта. Онъ самъ чувствовалъ, что притворствомъ тутъ нельзя было ничего достичь, и что-бъ онъ ни старался теперь дѣлать, — для нея было бы все притворствомъ. Одного только этого, что заставило-

бы ее успокоить, онъ не могъ произнести т. е. что онъ Элеоноры больше не любить и хочетъ ее покинуть. Онъ чувствовалъ въ себѣ глубокое, сердцевяжущее состраданіе къ бѣднѣйшей; и отдалъ бы все, что-бъ быть въ состояніи помочь ей.

Онъ подошелъ къ ней и легко положилъ руку на ея плечо:

— Герта!

Отъ его прикосновенія она моментально же встала и пронзительно взглянула на него:

— Что Тебѣ угодно отъ меня? Иди къ другой! У меня нѣтъ ничего общаго съ Тобой.

— Герта! позволь намъ разсуждать, какъ подобаешь благоразумнымъ людямъ...

— Я болѣе не благоразумна... Я не хочу быть болѣе благоразумной... Къ сожалѣнію я была такъ долго. И на что мнѣ это пригодилося? Всѣ эти годы я Тебя любила, въ Тебѣ я видѣла мой идеалъ; я вѣрила, что нѣтъ на землѣ болѣе лучшаго и честнаго. Я дѣлала все, что было въ моихъ силахъ; доказала тебѣ мою любовь, мою благодарность. Что Ты называешь „благоразумно говорить?“ Согласиться, что это все были одни пустяки? Хорошо! я соглашаюсь, это былъ смѣшной пустякъ. — Просто смѣшно!...

Тутъ она громко разсмѣялась и провела обѣими руками по челу.

— Я сойду съ ума! сойду! Нѣтъ, нѣтъ! Я не смѣю — ради дѣтей! Вотъ!...

Она опять протерла себѣ чело.

— Вотъ! повторила она. — Мы, кажется, переговорились. Ты вѣрно усталъ, да и у меня голова кружится. Завтра, надѣюсь, будешь столь добръ мнѣ заявить, что имѣетъ случиться съ нами обоими и съ дѣтьми. Покойной ночи.

Онъ остановился по срединѣ комнаты, глядя ошеломленно и безсовѣтно на закрывавшуюся дверь.

Какія мученія протерпѣваетъ онъ въ теченіи этихъ недѣль, и то мученіе: видѣть Герту такъ страдающей, было не малое. Онъ вѣдь былъ совсѣмъ увѣренъ въ правѣ своей любви. Эта увѣренность теперь поколебалась. Тутъ передъ его любовью стояла другая, не менѣе сильная чѣмъ его, не менѣе наслождающаяся полнымъ счастіемъ дрожащимъ во всякомъ нервѣ, и которая поэтому смѣла растить такія же точно права. „Дорога къ нашему счастью ведетъ насъ по трупу Твоей жепы“.

Острымъ взглядомъ и чуткостью женщины попяла это Элеонора уже тогда, когда она узнала Герту по его описанію.

Но какъ же ложны были эти описанія! Какъ же ослѣпленъ былъ онъ новою страстью!

Это была неправда въ чемъ онъ себя убѣждалъ, что Герта одна изъ обыкновенныхъ натуръ. Обыкновенныя натуры не въ состояніи имѣть подобной энергіи, такой любви и презирѣнія.

Но что это все помогло?

Состраданіе, уваженіе, если даже и истиннѣйшія, глубочайшія не составляютъ еще любви. И Герта хотѣла любви, не той, которой она довольствовалась до сихъ поръ, но-той въ которой она только теперь могла видѣть истинное лицо, въ его любви къ другой.

Съ глубокимъ вздохомъ очнулся Ульрихъ отъ своихъ черныхъ помышленій. Быть можетъ утро подѣйствуетъ лучше и доставитъ ему какой нибудь совѣтъ.

Онъ взялъ другую свѣчу и отправился въ свой кабинетъ. Въ немъ, какъ и въ спальнѣ Герты, окно и оконная дверь выходили на веранду, которая была пристроена къ серединѣ задней стороны дома и отъ которой нѣсколько ступенекъ вели прямо въ садъ.

Поставленная на столъ свѣча освѣтила пейзажъ Элеоноры, изображавшій бурю въ Нордерней.

Какъ же неразумительнымъ, неосторожнымъ былъ онъ — поставить открыто на показъ свою драгоценность! Но а съ своей любовью поступиль-ли онъ иначе? не выставиль-ли онъ и ее на показъ, въ своемъ помраченномъ, опечаленномъ существѣ? Не позволиль-ли онъ заглянуть Гертѣ и всѣму свѣту въ его тайну? Достойна проклятія ты мезкая слабость, далеко еще пока приступишь къ дѣйствию и уже носи пятно дѣйствія и старайся уничтожить его! Свѣтъ требуетъ обмана! такъ обманывай его! И заставляй молчать глупую совѣсть, которая противна этому! Тогда

достигаешь спокойствія въ мірѣ. „Reservatio mentatis!“ Іезуиты умные люди!

Онъ вошелъ въ открытую оконную дверь. Изъ Герты комнаты падалъ свѣтъ на веранду. Десять лѣтъ было у нихъ дружественно. Падающій свѣтъ былъ ясенъ: тамъ должно быть дверь также открыта, какъ и тутъ. Къ ней только сорокъ шаговъ! Соломенный коверъ на полу веранды не позволилъ бы услышать шаговъ. Да если и не въ этомъ дѣло? Да если и открыта дверь... нѣтъ... чтобъ напустить свѣжаго воздуха?

„Ты шлешь меня опять къ моей женѣ?“

„Ну, тогда-впередъ!“

Ну, тогда и назадъ! Ты не могла этого желать; или-же Ты никогда не любила меня. Даже если-бъ и такъ было — я Тебя любилъ и люблю еще. И если бы Ты стала измѣнницей передо мной, — я не хочу быть озмѣнникомъ передъ самимъ собой.

Онъ облокотился на дверь, глядя въ садъ. Клумбъ розъ, лежащій передъ верандой, былъ освѣщенъ полнымъ сіяніемъ луны; между высокими деревьями, окружающими эту площадь, царил темнота. Въ комнатѣ чувствовался еще зной дня; изъ парка несло освѣжительной прохладой. Онъ спустился по лѣстницѣ, обошелъ клумбъ и завернулъ въ одну аллею, которая вела прямо къ шоссе. Былъ бы у него ключъ отъ воротъ-онъ блуждалъ бы по полямъ, куда

бъ глаза несли. Безъ желанія завернулъ онъ въ главный проходъ, который прорѣзывалъ перпендикулярно большую аллею, и оканчивался берегомъ рѣчки, которая ограничивала паркъ по ту сторону. Проходъ былъ не такъ длиннымъ, какъ аллея, въ его полумракѣ онъ не успѣлъ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ вдругъ въ концѣ этого прохода, тамъ гдѣ стояла привязанная къ берегу лодка, употребляемая для переправокъ на другую сторону, онъ примѣтилъ въ полномъ лунномъ освѣщеніи какой-то свѣтлый предметъ, котораго не могъ себѣ объяснить. Когда онъ приблизился скорыми шагами, зашумѣвшими на эластичной лѣсной почвѣ, онъ увидѣлъ согнутую женскую особу. Послѣ нѣсколькихъ сильныхъ прижковъ очутился возлѣ нея, и положилъ руку на ея плечо.

— Герта!

Она подняла безъ всякаго испуга голову и взглянула на него глазами, въ которыхъ какъ-то злоѣще отражалось сіяніе мѣсяца.

— Я такъ малодушна! пробормотала она не громче журчанія рѣчки, шумѣвшей возлѣ береговъ.

— Ходи! сказалъ Ульрихъ, схвативъ ее на половину и подымая ее.

Она пробормотала еще разъ:

— Я такъ малодушна, но безъ сопротивленій позволила увести себя отъ этого злоѣще-непріятнаго мѣста. Ея легкое ночное платье было

влажно отъ росы и слезъ. Ее пробирала постоянная дрожь; онъ снялъ съ себя сюртукъ и окуталъ нимъ ея голыя плечи. Казалось, она этого не замѣтила: душевныя и физическія силы были вѣроятно истощены; нѣсколько разъ она оступалась, не смотря на его сильное поддержаніе. Подойдя къ ступенькамъ веранды, онъ взялъ ее на руки, понесъ вверхъ въ ея спальню и положилъ ее на еще не тронутую постель.

Она безчувственно позволяла дѣлать съ собой все что угодно. Ульрихъ видѣлъ наглядно, что она находится не въ полномъ обморокѣ, но только въ безсознаніи. Онъ наблюдалъ, какъ она лежала тутъ блѣдной съ закрытыми глазами, совсѣмъ безпомощной. Еще нѣсколько минутъ и она лежала бы такъ на днѣ рѣчки!

Онъ прикрылъ тихо дверь. Возлѣ ея кровати стояла еще его, какъ когда-то. На ципочкахъ пробрался онъ къ широкому дивану, стоявшему у задней стѣны комнаты, такъ что отсюда онъ могъ наблюдать за дверью и кроватью.

Тутъ онъ пролежалъ нѣсколько минутъ, пока не замѣтилъ, что она движется и вздохнула какъ тотъ, который просыпается отъ сна. Онъ оперся на диванъ праслушиваясь: визгъ, тихій плачь, притомъ непонятныя слова. Повидимому ей казалось, что она одна.

И послѣ произнесла разрывающимъ сердце, пол-

нымъ страха, почти кричащимъ голосомъ: Ульрихъ хочетъ меня покинуть! О Боже мой, о Боже мой!

Этого было черезчуръ! онъ поспѣшилъ къ ея кровати и нагнулся надъ ней:

— Герта!

Она вскочила съ радостнымъ крикомъ; обняла его обѣими руками и прижимала къ груди съ сумасшедшей страстью.

— Ульрихъ! Ульрихъ!

Глава восьмая.

Подойдя къ дому Элеонорѣ не нужно было дотрагиваться большей рукоятки: дверь была открытой; въ тускло освѣщенныхъ сѣняхъ сверху по лѣстницѣ ей насупротивъ сходила Лиза.

— Какъ съ больной? со страхомъ спросила Элеонора.

— Не хорошо, отвѣтила горничная; — господинъ докторъ еще наверху.

Подымаясь по лѣстницѣ прибавила.

— Я стояла въ Вашей комнатѣ у окна и замѣтила Васъ идущей. Я такъ и знала, что Вы лодкой прибудете, коль скоро извѣстятъ Васъ объ этомъ. Бариня не согласилась?

— Они прибудутъ по шоссѣ.

— Это можетъ долго продолжиться; ну, понятно, это же только M^{lle} Клементина!

Элеонора зашла въ свою комнату, что-бъ пе-

реодѣться. Къ ея удивленію смежная дверь въ спальню Клементины была открытой; тамъ было темно и тихо.

— Господинъ докторъ, рассказывала дѣвишка, помагающая переодѣваться, — нашель тутъ тѣснымъ и душнымъ.

Онъ приказалъ показать себѣ гостинную, знаете, эту большую, выходящую на сѣверъ. Туда мы должны были ее перенести, я и Мале. Господинъ докторъ самъ помогаль. Этого и не нужно было: она такъ легка, наша милая бѣдная баришня!

Элеонора послала дѣвушку къ доктору передать ему, что она прибыла, и можетъ-ли зайти? Спустя минуту онъ постучался у ея двери.

— Не могу скрыть, сказалъ онъ послѣ короткаго привѣтствія; — дѣло плохо; весьма плохо. Во зло Вы мнѣ не поставите, если я Вамъ признаюсь; сегодня утромъ я и не думаль объ этомъ; пульсъ билъ слабѣе и біеніе сердца... да что пускаться въ подробности! Ничего не предвѣщало такой тяжелой сложности, какая наступила теперь. Эта несчастная поѣздка въ Вендельштейнъ! Но и тамъ должно было что-то произойти, что ее сильно взволновало. Быть можетъ Вамъ извѣстно что-нибудь?

Элеонора покачала отрицательно головой.

— Сегодня утромъ я тоже думала про это; но никакъ не могу догадаться, что бы это могло быть.

— Впрочемъ отъ этого не много зависитъ, продолжалъ докторъ — суть та, что она сильно простудилась, это и остается. Вы готовы? Ну, такъ идемъ!

Они пошли по коридору; врачъ остановился: — Знаете, сказалъ онъ, — врачу встрѣчается, да, многое; но что-бъ мать, которую врачъ, старый домашній врачъ, извѣщаетъ, что ея дитя больное, опасно больное, и она... эхъ, вотъ и ничего не находишь!

Онъ пошелъ дальше; они остановились возлѣ двери. Докторъ держалъ за рукоятку:

— Вы найдете ее сильно измѣнившейся, проговорилъ онъ тихо.

Лиза, сидѣвшая за то время при больной, встала со стула возлѣ постели, на которомъ докторъ занялъ теперь мѣсто. Элеонора остановилась возлѣ него. Верхняя часть постели была затѣнена ширмочкой; она видѣла Клементины лицо только въ очертаніяхъ; оно не показалось ей инымъ, только очень блѣднымъ.

Врачъ кончилъ свое изслѣдованіе; онъ отошелъ отъ постели и отвелъ Элеонору въ сторону, давъ ей знакъ пальцемъ:

— Вы отважная дѣвушка. Это ничего и не помогло бы, если-бъ я тайлъ печальную истину. Я могу ошибаться, но я долженъ теперь опасаться самаго плохаго: въ продолженіи будущаго часа, быть можетъ будущихъ часовъ не наступятъ существенныя перемѣны; хочу воспользо-

ваться этимъ временемъ и заглянуть къ ребенку Безековыхъ — къ малой Грете, — которая тоже тяжело больна. Черезъ полъ часа, или часъ, я прибуду обратно. Если-бъ она начала бредить, такъ это не должно Васъ пугать. Я сказалъ, что она имѣетъ что-то на душѣ. И такъ, до свиданія! Слава Богу, что Вы прибыли!

Докторъ Бальтазаръ покинулъ комнату; Лиза провожала его. Бѣдная напуганная дѣвушка еле держалась на ногахъ. За то время она должна была прилечь въ комнатѣ Элеоноры на кушеткѣ. Элеонора должна была обѣзаться позвать ее, коль скоро она ей понадобится.

Наконецъ осталась Элеонора одна съ любимой особой, которая должна умереть. Она не сомнѣвалась болѣе въ этомъ, когда, сидя у постели, видѣла ясно перемѣну, которую произвела короткая болѣзнь въ этомъ некрасивомъ, но все таки симпатичномъ лицѣ. Тонкій носикъ обострился, скулы лица сильно выдались; на блѣдныхъ щекахъ то появлялись, то пропадали темныя красныя пятна; глаза были полужакрыты; элеонора могла видѣть только бѣлокъ. Она могла-бы повѣрить, что это уже смерть, если-бъ не дрожь, пробѣгающая иногда по тѣлу, вслѣдствіе которой раздавался тихій скрежетъ зажатыхъ зубовъ.

Да и не былъ бы тотъ видъ столь ужасенъ, и не передавалъ-бы врачъ съ такою увѣренностью — Клементана не разъ утверждала:

достаточно тяжелой болѣзни и со мной конецъ. Это и въ порядкѣ вещей. Зачѣмъ я на свѣтѣ?

Да, ты права, ты блѣдное слабое существо съ твоимъ большимъ полнымъ любви сердцемъ! Зачѣмъ ты на свѣтѣ? Свѣтъ только для здоровыхъ, и тѣхъ, у которыхъ вмѣсто сердца камень въ груди. Умрешь Ты при своей любви! Тогда мы сестры въ этомъ отношеніи?

Какъ-бы въ отвѣтъ на вопросительныя мысли Элеоноры изъ блѣдныхъ устъ больной слышались отрывистые, непожатные звуки, которые, конечно, должны были быть словами, и только послѣ стали ними; все еще отрывисто, но понятно для нея, нагнувшейся, съ задержаннымъ дыханіемъ, надъ бредящей; — поражающе понятно! Садъ и бесѣдка и сіяніе луны — такое свѣтлое, свѣтлое сіяніе! — и о Боже мой! какъ они любятъ! какъ цѣлуютъ! — одинъ только изъ этихъ многихъ поцѣлуевъ — только одинъ! Почему не идешь Ты съ нимъ, если онъ тебя умоляетъ? — такъ иди же! иди! — Я въ Тебѣ не нуждаюсь — я могу одна до смерти заплакаться — одна! — ахъ, такъ совсѣмъ — одна!

Затѣмъ послѣдовали болѣзненные стоны и изъ полуоткрытыхъ глазъ потекли большія слезы, скатывающіяся по блѣднымъ щекамъ, на которыхъ исчезли темно-красныя пятна. Вновь болѣзненное рыданіе и опять водворилась прежняя смертельная тишина.

Это вотъ и есть то, что лежало у нея на

душѣ, что разрывало ея бѣдное сердце! Вслѣдствіе чего ея вполне невинное сердце жаждало счастья любви; она видѣла это собственными глазами! И тѣ, которые ей доставили эту отчаянную минуту, были возлюбленникъ и ея подруга!

Элеонора обтерла слезы со щекъ несчастной; ея глаза стали сухими. Ей казалось страшнымъ причинить такую бѣду и ее еще оплакивать. Какъ желѣзная тяжесть лежало это у нея на душѣ. Ей зависило отъ того и она должна была уничтожить, заглушить эту любовь — эту, достойную проклятiя, любовь, которая причинила столько несчастiй и доставляетъ только однѣ несчастiя! Была-бъ она третьяхъ дня уже въ этомъ положенiи; этой бѣдной, несчастной жертвѣ не пришлось бы ничего видѣть. И должна была увидѣть; такъ пусть же это, по крайней мѣрѣ и будетъ послѣднимъ.

Погруженная въ такую муку, обезсиленно смотрѣла она неподвижными горящими глазами на больную, которая теперь, казалось, засыпала; только ея бѣлыя руки дрожали еще на одѣялѣ. Она не знала какъ долго продолжилось, пока вернулся докторъ Бальтазаръ — это могло пройти и часъ и полтора. Врачъ занялъ ея мѣсто, она присѣла въ темномъ уголку недалеко отъ кровати. Такъ прошло опять нѣкоторое время. Вдругъ докторъ остановился возлѣ нея.

— Любезная баришня, это все таки лучше, если вы приляжете.

— Я не устала.

— Если и нѣтъ, такъ все-таки лучше.

Теперь только она поняла его.

— Позвольте мнѣ остаться, сказала она; — постараюсь выдержать.

Она не видѣла еще никогда умирающаго человека; она и теперь не замѣчала этого. Врачъ, нагнувшись надъ умирающей и закрылъ ее своей широкой фигурой отъ взгляда Элеоноры. Стоявши возлѣ него она дрожала всѣмъ тѣломъ, но чувствовать и думать она не была въ состояніи. Она имѣла это смутное понятіе, что въ данный моментъ происходитъ что-то ужасное. Врачъ приподнялся и, проводя нѣжно рукою по лицу умершей, произнесъ:

— *Наве, ріа аніма!*

— Могу ее увидѣть? вырвалось у Элеоноры.

Врачъ взялъ лампу и освѣтилъ лицо умершей.

— Я и не зналъ, что это блѣдное дитя было такъ красиво, говорилъ онъ тихо.

Элеонора нагнулась надъ этимъ мирнымъ лицомъ и цѣловала его блѣдныя губы.

Въ моментъ, когда она приподымалась, послышался въ ночной тишинѣ шумъ колесъ экипажа, который вскорѣ остановился у подъѣзда. Элеонору перепугало. Она не могла теперь, не могла тутъ встрѣтить тѣхъ обѣихъ...

Врачъ, кажется, вычиталъ по лицу ея мысли.

— Уйдите! сказалъ онъ. — Никто не долженъ

безпокоить Васъ. Я позабочусь о всемъ необходимомъ. Спокойной ночи!

Онъ подалъ ей руку. Элеонора кинула еще одинъ взглядъ на усопшую. Потомъ поторопилась по коридору въ свою комнату, въ которую вошла почти въ то время, когда внизу у входа раздался твердый голосъ генеральши:

— О, скорѣе въ постель, мое любезное дитя! Сегодняшній день и безъ этихъ исторій утомилъ Тебя.

Глава девятая.

Въ пять часовъ пополудни должны были состояться похороны изъ часовни. Траурное шествіе отправилось на кладбищѣ изъ Сальховъ, церкви, къ которой, какъ и смежныя имѣнія, принадлежало и Зеegaузенъ. Предвидѣлось большое траурное шествіе. Въ Зеерундэ считали долгомъ въ такихъ случаяхъ доказывать свое сочувствіе и являться всѣмъ. Нужно было на то разсчитывать, что изъ пятидесяти приглашеній, по крайней мѣрѣ, тридцать изъ нихъ будутъ отвѣчены лично извѣщенными Господами, изъ чего кондукторъ могъ предвидѣть рядъ со столькихъ же почти экипажей и траурное собраніе изъ шестидесяти до семидесяти лицъ; аппетитъ которыхъ послѣ болѣе чѣмъ двучасовой поѣздки, по обычаю страны, долженъ былъ быть тоже

принять во вниманіе, что и доказывало приготовленіе буфетнаго завтрака, который былъ устроенъ въ одной изъ комнатъ по лѣвую сторону входа, насупротивъ зала съ правой стороны, въ которой стоялъ гробъ.

У генеральши были полныя руки работы. Она старалась всякаго увѣрить, что только въ непрерывной дѣятельности находить бальзамъ для своей раны, которую доставила ей материнскому сердцу непоколебимая воля Господня. Притомъ она хотѣла бы знать, какъ люди, которые не имѣютъ такой твердой вѣры, какъ она, перенесли-бы подобный ужасный ударъ; такъ совсѣмъ неожиданный; хотя милое дитя и было все болѣзненно въ теченіи его короткой жизни, но болѣзненные люди и живутъ, по большей части, долго. Какъ могла-бы она безъ этой полной слѣпой уверенности хотя одну минуту, послѣ одержанія извѣстія о болѣзни ребенка, остаться на праздникъ; какъ должна была прискорбно дожидаться экипажа изъ города, — конечно только изъ за материнской заботы про нѣжное здоровье Китти, вмѣсто прибыть лодкой, какъ Melle Риттеръ! которой она за то и за любовь и вѣрность, что доказала она въ послѣдніе часы усопшей, чувствуетъ себя обязанной вѣчною благодарностью! — Вы только представте себѣ: эта прекрасная дѣвушка, которую мы въ теченіи этихъ нѣсколькихъ недѣль такъ искренно полюбили, — хочетъ, вѣрнѣе сказать, должна поки-

нута насъ! Ея тетя, госпожа тайная совѣтница Бухеръ въ Берлинѣ — умоляетъ ее вѣрнуться ради нея и больной дочери. Это обязанность, отъ которой она не можетъ уклониться. Я сознаю это вполнѣ, и такъ при одной тяжелой потерѣ является новая, которую я должна тоже переболѣть.

Въ этихъ рѣчахъ, которыя распространяла генеральша искуснымъ языкомъ передъ траурными посѣтительницами, она была надлежащимъ порядкомъ поддерживаема Китти, которая присоединяла отъ времени до времени слова согласія и сочувствія. Мать и дочь соглашались въ одномъ: какъ бы ни были дѣла, но всетаки пусть будетъ совсѣмъ политически: разстаться съ Элеонорой въ кажущихся самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Докторъ Бальтазаръ имѣлъ то неслыханное нахальство: сказать имъ въ глаза слово правды за ихнее поведеніе въ ночь смерти. Кто могъ знать, не рассказалъ-ли притомъ этотъ старый болтунъ кому нибудь, и злобщій ротъ разнесъ теперь по всѣму сосѣдству? Вотъ тутъ — то и было нужнымъ представить Элеонору сравнительно какъ члена семьи, такъ что Клементина умерла на рукахъ какъ-бы не чужой. Не менѣе яснымъ было и то, что въ случаѣ разстаться съ этой особой въ злости и ненависти, при тѣхъ уже и такъ довольно натянутыхъ отношеніяхъ между ними, графиней и Гвидо, имѣлось вѣрнымъ слѣдствіемъ — полнѣйшее прекращеніе

знакомства; между тѣмъ, какъ такъ можно было надѣяться, что этотъ ослѣпленный молодой человекъ придетъ въ сознаніе, если, послѣ удаленія предмета его обожанія, разувѣрить его въ этой безмыслицѣ, что-бъ тѣмъ вѣрнѣе помочь ему забыть это горе. Скорѣе во-первыхъ покинула бы она этотъ домъ! Генеральша не принимала за невозможное, что-бъ эта персона раздумала въ послѣдній моментъ и осталась; Китти-же объясняла это опасеніе просто смѣшнымъ. Она знаетъ съ полнымъ убѣжденіемъ: эта персона приготовила, все что-бъ послѣ похоронъ не нуждалась возвращаться хотя разъ въ этотъ домъ; поэтому, что-бъ могла съ кладбища отправиться прямо въ городъ, она попросила арендатора Безекова дать ей ихнюю коляску, на что онъ охотно согласился. Почти утромъ перевезла тѣлега Безековыхъ всѣ ея вещи въ городъ.

— Было бы только вѣрнымъ, мое милое дитя! сказала генеральша.

— Я всегда говорю вѣрно, мамочка! отвѣтила Китти.

— Въ черномъ Тебѣ всетаки лучше всего, сказала генеральша, рассматривая со свѣхъ сторонъ свою любимую, которая представилась ей въ новомъ траурномъ платьи — Ты выглядишь восхитительно.

— Я нахожу тоже, замѣтила Китти, становясь передъ зеркаломъ. — Графиня отказалась-конечно! А Гвидо прибудетъ? Вотъ соорудить глаза,

когда услышитъ, что здѣсь въ послѣдній разъ видитъ предметъ своего обожанія!

— Быть можетъ онъ уже знаетъ.

— Отъ кого?

— Отъ Герты. Она сказала же вчера, что видѣла его въ теченіи дня. Замѣтила ты какіе странные глаза сооронила Гертта, когда она услышала, что эта персонa уходитъ?

— Она имѣетъ всѣ причины къ этому, если вѣрно то, что разсказалъ мнѣ на праздникѣ господинъ фонъ Одебрехтъ.

— Объ этомъ Ты мнѣ еще ничего не разсказывала?

— Я принуждена была дать ему мое честное слово-этого дальше не распространять.

— Это еще никакая причина, чтобъ умолчать передо мной.

— Быть можетъ и не такъ. Ты могла-бы неудержать тайны, а вѣдь знаешь сама, что у насъ много причинъ жить въ мирѣ съ Гертой и Ульрихомъ.

— Одному Богу извѣстно! отвѣтила вздыхая генеральша; — намъ очень нужны деньги! Но что же зналъ господинъ фонъ Одебрехтъ?

— Если Ты непременно хочешь знать!...

Въ это время въѣхалъ во дворъ экипажъ.

— Гертта! изумленно заявила генеральша, поспѣшившая къ окну.

Двумя часами раньше назначеннаго времени? и безъ Ульриха? Что это опять имѣетъ значить?

— Держу пари, дѣло идетъ объ этой персонѣ, замѣтила про себя Китти.

Элеонора не исполнила своего плана, который задумала въ ночь смерти Клементины, именно: покинуть этотъ домъ въ слѣдующее же утро; она не могла оставить въ этихъ безжалостныхъ рукахъ свою любимую умершую, пока не передастъ ее землѣ. Къ переговорамъ съ генеральшей не дошло: обѣ стороны съумѣли и безъ того выказать себѣ чувства, которыя питали другъ къ другу. Элеонора въ общемъ избѣгла всякаго соприкосновенія съ генеральшей, подъ предлогомъ, что она чувствуетъ себя очень опечаленной; мало того, даже ѣду и питье, въ которыхъ нуждалась, доставляла себѣ черезъ Лизу въ свою комнату. Эта добрая дѣвушка была тоже ея помощницей въ сношеніяхъ съ арендаторомъ Безековыхъ и непринужденной извѣстительницей домашнихъ происшествій.

Элеонора обыкновенно наполовину внимательно выслушивала рассказы дѣвушки, но на сей разъ она даже сосредоточила все свое вниманіе, когда та передавала, что вчера была тутъ баронесса Рандовъ безъ господина барона, который прибудетъ сегодня только на кладбище, но причины она не знала. Элеонорѣ была она хорошо извѣстна. Предосторожность, которую онъ предпринялъ, что-бъ избѣгнуть ея встрѣчи, или что-

бъ быть по-возможности нейтральнымъ, вызвала въ ней болѣзненную улыбку. Однажды отдавалось годы своей жизни за то, что-бъ имѣть возможность хотя разъ еще увидѣться; сегодня же избѣгалось встрѣчи! Ея размышленія въ ночь смерти Клементины, должно быть, залегли глубоко у нея въ сердце.

Въ ея рукахъ былъ выборъ оставаться-ли тутъ на будущее время. Письмо тети, которое генеральша выставляла передъ цѣлымъ свѣтомъ, какъ причину внезапнаго отъѣзда Элеоноры, было на самомъ дѣлѣ никакой выдумкой. Эта добрая женщина умоляла ее скорѣе оставить мѣсто, котораго она не должна была принимать и прибыть сейчасъ-же къ ней и Тильхенъ, ожидающихъ ее съ распростертыми руками. Вмѣстѣ съ тѣмъ письмомъ прибыло еще одно, которое доставилъ верховой:

„Только что принесъ мнѣ Гвидо печальное извѣстіе о смерти нашей доброй Клементины. Я чувствую, что, послѣ этой, столь болѣзненной для Васъ, потери, Ваше дальнѣйшее пребываніе въ Зеегаузенъ будетъ невозможнымъ. Могу ли поэтому предложить Вамъ, моя прекрасная Элеонора, замокъ Вендельштейнъ со всѣмъ тѣмъ, что ему принадлежитъ? Не опасайтесь, что-бъ Ваше пребываніе, которое принимаю предворительно только за пятидесятилѣтнее, привело Васъ къ обязанностямъ какого нибудь рода, кромѣ, быть можетъ, той одной: терпѣть по желанію

и охотно общество старой женщины. Я полагаю, Вы довѣряете мнѣ и Гвидо въ тактъ, который и вызываетъ такъ нѣжное обращеніе, какъ наше. Вы должны быть свободны подобно орлу на моихъ родныхъ горахъ. И такъ, прибывайте и осчастливьте Вашу материнскую подругу
Фридерiku Венделинъ.“

На письмо это, въ которомъ полуслѣпая, дрожащими буквами и не подъ минутнымъ увлеченіемъ, высказала больше, чѣмъ написала, послѣдовалъ отвѣтъ, на который Элеонора, за часъ до похоронъ, не могла еще рѣшиться. Она знала, что графиня и Гвидо сдержутъ свое обѣщаніе, высказанное въ письмѣ. Могла ли она поэтому чувствовать себя свободной? Могло ли ея пребываніе у матушки не усиливать въ груди сына надеждъ, которыхъ она не могла оправдать, пока Ульрихъ не признастъ ее свободной? Но если-бъ это и было единственнымъ средствомъ, что-бъ онъ призналъ ее свободной, единственной возможностью, помирить его съ его судьбой, сдѣлать его человѣкомъ, который, хотя не счастливъ — кто же счастливъ? но который могъ-бы однако переносить тяжесть жизни и исполнять свои обязанности, лежащія на немъ? Не хватило ли бы и тогда у нея мужества быть жертвой?

Этого мужества она не находила. Теперь сѣла за свою маленькую портфель, которая сопровождала ее повсюду, и въ торопяхъ писала дипломатическія строчки, въ которыхъ выразила

графинѣ свою искреннюю благодарность за ея доброту, которой она временно не можетъ воспользоваться, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, принуждающихъ ее уѣхать въ Берлинъ. Если-бъ она въ теченіи зимы освободилась и графиня, въ чемъ она не сомнѣвается, захотѣла ее еще принять, — она приняла бы съ радостью ея все-милостивѣйшее приглашеніе.

Она чувствовала, что ея письмо было достойно порицанія; подобнаго она не писала во всю свою жизнь; и это ей было больно, что какъ разъ эта графиня должна была быть той, къ которой она писала подобнымъ образомъ; но отвѣтить иначе ничего не помогло-бы; разочарованіе было-бы не менѣе достойно порицанія. Со вздохомъ запечатала конвертъ и положила адресъ.

Когда она оканчивала послѣднюю букву, кто-то постучался въ дверь. Предполагая, что это Лиза она позволила войти.

— Извините, любезная Мадмазель, произнесъ за ней какой-то иной голосъ.

Она обернулась испуганно.

Дѣйствительно, это была Герта.

Глава десятая.

— Простите, сказала Герта еще разъ, подходя съ протянутой рукой къ Элеонорѣ, вставшей изъ за письменнаго стола; — я вчера еще попросила бы у Васъ позволенія, но нанизу сказали мнѣ, что Вы нездоровы. Я увидѣлась бы съ Вами, быть можетъ, послѣ, но у меня не хватило бы времени поблагодарить-поблагодарить Васъ отъ всей души.

— За-что, милостивая судариня? спросила Элеонора.

Она предложила Гертѣ удобное кресло, съ котораго только что встала, для себя же поставила стулъ. При холодномъ тонѣ ея вопроса, Герта поблѣднѣла. У Элеоноры задрожала совѣсть. Какой смыслъ имѣло убѣждать эту женщину, которая всегда такъ дружественно относилась къ ней, которая, повидимому, пришла и теперь съ хорошими намѣреніями; потому, что она стояла между ней и ея счастіемъ, — счастіемъ, отъ котораго она отказалась-бы!

— Прошу Васъ, простите меня, сказала она, пока Герта смогла бы отвѣтить; — то, что я перетерпѣла за послѣдніе дни и перенесла, омрачило очень мое настроеніе. Мнѣ трудно различить друга отъ врага. Я должна знать, что Вы не принадлежите къ послѣднимъ.

— Нѣтъ, подтвердила Герта, — по правдѣ я не врагъ. Вы такъ сердечно ухаживали за

моей умершей сестрой. Это доставило мнѣ мужество.

— Къ чему, любезная судариня?

Герта неможко покраснѣла и погладила фалду своего траурнаго платья.

— Я пришла просить Васъ оказать мнѣ большую услугу.

— Которая въ чемъ состоитъ, милостивая судариня?

Герта все гладила фалду и продолжала съ опущенными глазами:

— Не знаю; Вы, быть можетъ, замѣтили, что мой мужъ не выглядить такъ свѣжо, какъ — какъ было бы желательно. Онъ поэтому и долженъ былъ отказаться прибыть сюда на похороны — возможно, что и на кладбище. Докторъ Бальтазаръ и я упрашивали его уже давно оставить заботы; постараться развлечь себя; попутешествовать, или что нибуть въ томъ родѣ. Онъ никогда не хотѣлъ; теперъ понимаетъ, что мы были правы. Мы еще не знаемъ куда отправимся — я предложила одно изъ италіянскихъ озеръ, или Ревіеру, такъ какъ уже прохладное время года. Мнѣ безразлично куда мнѣ не знакомо одно, какъ и другое, — главное если-бъ я могла помочь мужу. Препятствіемъ является только одно: что будетъ за то время съ дѣтьми? Взять ихъ съ собой, и рѣчи быть не можетъ, для этого они еще молоды, и это не было-бы облегченіемъ для моего мужа. Дѣти лучше

всего присмотрены дома, конечно, если находятся подъ хорошимъ надзоромъ. Melle Дидиръ имѣетъ много своихъ хорошихъ сторонъ, но она всетаки не подходящая для этого особа. Я думала про Клементину, она охотно исполнила бы это. Вчера передала мнѣ мама, что Вы намѣрены уѣхать къ тетѣ въ Берлинъ. Я, простите за откровенность, это-къ тетѣ приняла, какъ предлогъ, чтобъ вообще уѣхать. Я понимаю это совсѣмъ хорошо. Въ мое время я тоже ничего другаго не думала... Если-бъ Вы поѣхали ко мнѣ?

Только при послѣднихъ словахъ Герта подняла свои глаза и кинула пыткій взглядъ на Элеонору. Выраженіе лица, которое она встрѣтила, потревожило ее; ожидаемаго отвѣта не услышала; ей не оставалось ничего другаго, какъ уѣхать.

— Какъ охотно довѣрила бы я Вамъ моихъ дѣтей! Они, могу правду сказать, очень вѣжливы и не доставили-бы Вамъ большихъ хлопотъ. Елена, передъ которой я проговорила отчасти въ моемъ намѣреніи, вѣ себя отъ радости, что Вы прибудете. Я увѣрена, что она ничего такъ не желаетъ какъ только того, что-бъ я была уже въ дорогѣ. Не правда-ли, мнѣ нечего Васъ убѣждать, что я принимаю только какъ одно отдѣленіе, если Вы согласитесь и облегчите мнѣ эту заботу. Не обязательно только за то время, когда мы отлучимся отъ дома; наоборотъ! чѣмъ раньше прибудете, тѣмъ лучше; Вы съумѣете

устроиться уже до нашего отъѣзда. Лучше всего я возьму Васъ сейчасъ-же сегодня съ собою. Впрочемъ, какъ Вамъ удобнѣе, и когда Вамъ удобнѣе — это понятно. Но чѣмъ дольше, тѣмъ лучше. Прошу Васъ, прошу, скажите — да!

Она протянула руку, которую Элеонора только дотронула. Выраженіе ея лица, которое уже раньше не понравилось Гертѣ, было теперь еще болѣе помраченнымъ; и ея, обыкновенно мягкій, но чистый голосъ, звучалъ странно скрыто и грубо, когда она спросила:

— Позвольте узнать: съ согласіемъ-ли, съ полнымъ ли согласіемъ Вашего мужа пришли Вы ко мнѣ?

— Да это же понятно, любезная мадамазель, отвѣтила изумленно Герта.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказала Элеонора.

Наступилъ малый перерывъ. Пульсъ у Элеоноры билъ сильнѣе. Все равно! Могла видѣть эта другая, что она съумѣла объяснить себѣ то, что имѣло только одно объясненіе: этой женщинѣ было все извѣстно. Отъ кого она могла бы узнать, какъ не отъ него! И послѣдовавшее примиреніе было вполнѣ естественнымъ: предлагаемое путешествіе, которое превратилось-бы въ послѣсвадебную поѣздку! Эта краска которая выступила опять на недавно блѣдныхъ щекахъ! Эта тріумфная радость въ глазахъ, которые еще нѣсколько дней тому назадъ смотрѣли такъ печально и разочарованно

— довольно доказательствъ, даже слишкомъ много. И они имѣли еще условиться между собой! Ей было это по вкусу! Но прійти къ ней и высказать ей въ лицо, къ тому еще приглашать ее, быть свидѣтельницей ихъ новыхъ *entente cordiale* — она нашла это безстыднымъ.

— Хочу быть откровенной, начала Герта опять не рѣшительнымъ тономъ. — Нѣтъ, мой мужъ не соглашался на мое предложеніе. Онъ думалъ, Вы не пріѣдете, но если-бъ Вы только прибыли, тогда я увѣрена...

— Почему думалъ Вашъ мужъ, что я не согласилась-бы? прервала Элеонора.

— Боже мой! воскликнула Герта, которая поняла къ своему ужасу что тутъ уже нѣтъ никакого исхода.

— Вы можете быть ко мнѣ жестокой, но не къ нему. Во-первыхъ, клянусь Вамъ: я знаю про это не отъ моего мужа. Нѣкто господинъ фонъ Одебрехтъ, Вы его не знаете, онъ знакомъ съ Ульрихомъ уже съ юношескихъ лѣтъ, но они очень не въ ладахъ съ собою. Онъ видѣлъ васъ вмѣстѣ въ Нордерней и передалъ мнѣ это на морскомъ праздникѣ. Мой мужъ не опровергаетъ и не скрываетъ, что онъ Вами интересуется — я нахожу это тоже понятнымъ. Вообще... Боже мой!... въ концѣ концовъ могло подобное произойти; но это же возможно привести опять въ порядокъ, если только имѣется къ этому доброе желаніе; у меня оно есть, Богъ мнѣ свидѣ-

телемъ! — мой мужъ имѣетъ его тоже, и я не могу себѣ представить, что бѣ она и у Васъ имѣло не быть. Я только теперь понимаю, что мой мужъ тайлъ все; въ началѣ я не понимала этого и смутилась; а навѣрно было бы лучше и предохранило бы насъ отъ многихъ горестей, если-бѣ онъ былъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: видишь, Герта, дѣло такъ и такъ. Разъ онъ держалъ это въ тайнѣ передо мной, что могли Вы дѣлать, какъ не молчать, когда объ этомъ заходила рѣчь въ Нордерней? Это прошло, или пройдетъ, такъ какъ я не совсѣмъ дружественно приняла господина фонъ Одебрехтъ за его вполне несоотвѣтственные рѣчи, — это Вы можете себѣ представить. И, проходя вотъ теперь внизу я слышала отъ Китти намекъ, котораго я не могу себѣ иначе объяснить, какъ только тѣмъ, что и она узнала уже про это. Если-бѣ Вы только посѣлились у насъ, такъ видѣлъ бы же весь свѣтъ, что въ этомъ поступкѣ нѣтъ ничего плохаго. Вѣдь отъ этого должно было и Вамъ зависѣть, я думаю, столько же, сколько и намъ. Это я растолкую мужу; что касается меня, такъ я Вамъ уже сказала и повторяю еще разъ: не имѣю никакой злобы противъ Васъ. Вы причинили мнѣ большую боль; много, много слезъ пролила я; я была въ отчаяніи; я не могу жить безъ Ульриха, я люблю его и сегодня также, какъ и раньше; да, во сто разъ больше. Мы снова вполне помирены, и я имѣю его

опять, и это было бы плохо съ моей стороны, если-бъ я не хотѣла простить Васъ отъ всего моего сердца!

— Дѣйствительно! произнесла Элеонора.

Герта смотрѣла опять испуганно. Въ этомъ словѣ, казалось, лежить намѣреніе разлуки; подобное же выраженіе было и на лицѣ Элеоноры, оно было блѣдное до сжатыхъ губъ; деликатныя ноздры дрожали; брови почти смыкались; подъ этими бровями видны были большіе глаза, кажущіеся совсѣмъ черными, не смотря на ихъ зловѣщее сверканіе.

— Дѣйствительно! повторила она. — Правда, я чуть не похитила у Васъ мужа! Это было-бы тяжелымъ преступленіемъ. Какія возмутительныя мѣры должна принимать дѣвушка, пока она увидитъ одного мушину, у котораго дома жена и дѣти, привязаннымъ къ себѣ! внушала ли она ему одну только страсть? Что это были мѣры, употребленныя вслѣдствіе сильнаго прельщенія или-же безстыднаго эгоизма, видно, какъ на ладони. Какъ одинокая, бѣдная дѣвушка, я не могла довольствоваться судьбой: пробиваться въ свѣтѣ средь чужихъ рукъ? Какъ она осмѣливается желать быть хотя разъ любимой; имѣть мужа; домъ; быть беззаботной; спокойной; имѣть возможность прижать дѣтей къ своему сердцу, какъ — другая?...

Тутъ она вскочила со стула и зашагала по комнатѣ взадъ и впередъ неровными шагами,

скрестивши руки на тяжело-дышащую грудь и перекачиваясь со стороны въ сторону, такъ что шлейфъ ея чернаго платья перебрасывался то вправо, то влѣво. Герта, которая отъ пораженія продолжала сидѣть, получила впечатленіе, что та совсѣмъ, какъ-бы забыла про ея присутствіе; и свои легкомысленныя слова говорила болѣе про себя, нежели для нея.

— Но эта другая! она имѣетъ его у себя — она вѣдь счастлива! Десять лѣтъ могла любить своего мужа; подарить ему трое дѣтей — и это имѣетъ быть уважаемо! Только обыкновенный пустой случай позволилъ ей имѣть его; она была бы сегодня на мѣстѣ той другой, если-бъ этотъ человѣкъ, десять лѣтъ тому назадъ, видѣлъ и зналъ соперницу! Подобныя преслѣдуемая мысли надо, конечно, выкинуть изъ головы. Ну, я и поступила такъ; принадлежность эту почитала святымъ; я уважала ничтожное право лѣтъ; не угрожала тѣмъ, что отравлюсь или потону, если онъ меня покинетъ; этого человѣка, котораго любила, я вырвала изъ моего сердца, къ которому онъ, какъ трусъ привязался; я закрывала мои уши при его просьбахъ и мольбахъ, при его угрожаніи и злости, и отпирала его обратно къ своей женѣ... —

Она остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Герты, съ какимъ-то страшно-злымъ взглядомъ на нее.

— Да, милостивая судариня, назадъ послала! Мнѣ это не совсѣмъ легко. Подобное не можетъ быть легкимъ тому, который увѣренъ, что достаточно одного, только одного, слова, чтобъ удержать себѣ любимаго человѣка. Повторяю, одного слова, чтобъ его опять видѣть у своихъ ногъ. Вы не вѣрите? Хотите-ли согласиться? Сказать ли мнѣ это слово? Должна ли я?

Съ каждымъ изъ этихъ дикихъ вопросовъ, которыхъ Элеонора не щадила, Герта все болѣе и болѣе убѣждалась въ той печальной истинѣ, что она безсильна, беспомощна противъ силы характера этой дѣвушки, и что именно отъ нея милости зависитъ жизнь или смерть ея.

— Пощады! шептала она, — сжальтесь немного!

Тонъ и настроеніе, которые разыгрались въ душѣ Элеоноры, вдругъ затихли. Какъ будто проснувшись отъ страшнаго сна, потеряла она обѣими руками чело и глаза, изумленно смотря на стоющую передъ ней на колѣняхъ, и спрашивая себя, какимъ родомъ попала та сюда.

Затѣмъ она пришла опять въ себя; ей стало стыдно; она сожалѣла о томъ, что она сказала, что она однако должна была сказать; она схватила Герту, приподняла ее и быстро притянула къ себѣ, обнявши ее руками; бѣднѣйшая, горько заплакала на ея груди, произнося тихо слова,

которые послужили бальзамомъ для раненаго сердца:

— Простите! не знаю, какъ это случилось со мной! Это и лучше; надѣюсь все кончится, хорошо, — я хочу все поправить. Прибыть къ Вамъ теперь мнѣ невозможно, это Вы понимаете; быть можетъ послѣ, когда мы всѣ успокоимся. Хочу быть Вашей пріятельницей — не думайте и Вы дурно про меня!

— О, нѣтъ! нѣтъ! со вздохомъ воскликнула Герта. — О, нѣтъ! Боже мой! теперь мнѣ такъ многое стало яснымъ! Вы столько страдали; я поступила такъ гадко, такъ жестоко противъ Васъ. И Вы хотите дѣйствительно, — дѣйствительно-ли хотите быть моей подругой?

— Да, да!

Онѣ поцѣловались и освободились изъ объятій; въ то время постучался кто-то въ дверь.

Это была Лиза: госпожа баронесса и баршиня будутъ столь добры пожаловать внизъ: господинъ пасторъ прибылъ уже десять минутъ тому назадъ. Ждутъ только за Вами.

Дѣвушка поспѣшно ушла. Элеонора упрашивала Герту сойтти внизъ; она же, вслѣдствіе непремѣнной поѣздки въ городъ прямо изъ кладбища, должна еще кое-что приготовить.

— У меня еще одна большая просьба къ Вамъ, сказала Герта, хватая ее за обѣ руки; — не угодно ли Вамъ называть меня Гертой

и ты, и позволить мнѣ говорить Вамъ Элеонора, и Ты?

Элеонора согласилась съ какой-то меланхолической улыбкой; Герта еще разъ обняла ее и поцѣловала, затѣмъ оставила комнату.

Элеонора не тронулась съ мѣста. Отказалась ли я дѣйствительно отъ него? бормотала она.

Въ глазахъ жгло ее; глотка — словно сжата. Что это значить? Прочь со слезами! — онѣ не приносятъ никакой пользы. Будемъ же практичными, милое дитя! Перемѣнимся! Ты видишь — этого требуетъ время.

Она подошла къ письменному столу; вынула изъ портфеля письмо, адресованное къ графинѣ; разорвала его на двѣ части, которые положила опять въ портфель; придвинула кресло и стала писать:

Всемилоствѣйшая Графиня! Моментально я не могу принять Вашего любезнаго приглашенія; я должна ѣхать въ Берлинъ. Если я могу послѣ хотя разъ посѣтить... я увѣрена, что я могу смѣло положиться на нѣжное Ваше и Вашего сына чувство.

Сообщите Вашему сыну слѣдующее, если находите это хорошимъ, въ чемъ я сомнѣваюсь: я нахожусь совершенно въ положеніи той дѣвушки, про которую Вы мнѣ на дняхъ рассказывали. Я полюбила страстно, безгранично и должна была отказаться отъ этой любви. Считаю невозможнымъ, что-бъ я была въ состояніи

еще разъ полюбить такъ, и высказать другому человѣку болѣе теплыя и дружескія чувства, чѣмъ тѣ, которыя остаются въ чистомъ сердцѣ послѣ такой любви. Допускаетъ — ли любовь и обѣщаніе, данное той дѣвушкой самой себѣ и человѣку, который былъ ея мужемъ, высказать это одно слово, которое заставила она его услышать отъ меня — это предоставляю Вашему усмотрѣнію. Отвѣтитъ она, что я могу, тогда все кончено; скажетъ, что нѣтъ, тогда не перестану любить и уважать ее менѣе, нежели родную мать. — Элеонора.

Она свернула это малое письмо и спрятала его на груди; подошла къ зеркалу; поправила заческу; надѣла черныя перчатки и сошла внизъ въ сѣни, гдѣ она услышала голосъ пастора, доносившійся изъ залы черезъ, почти открытую, дверь, возлѣ которой тѣснилась прислуга. Въ залѣ она заняла мѣсто у дверей между господами въ черныхъ фракахъ съ траурными повязками. Пасторъ съ сѣдыми волосами, разчесанными посерединѣ, которые она только и могла видѣть, говорилъ очень долго, назидательно и громко, но она слышала только звуки словъ, смысла которыхъ не могла найти; про лежащую въ гробу не могла и думать; голова была тяжелая, какъ изъ олова; окружающіе люди казались ей тѣнями, не смотря на то, что она видѣла ихъ хорошо.

Потомъ она сидѣла въ каретѣ возлѣ Безе-

ковой. Возлѣ Безекова, противъ нея, на пустомъ мѣстѣ, лежала ея подорожная сумка, которую подала ей Лиза въ экипажъ. Хорошая дѣвушка была заплакана; плакала и госпожа Безековъ; у господина же Безекова лицо было опечалено; она не могла плакать; была тоже и не опечалена; удивительное окаменѣніе не смягчалось у нея.

Затѣмъ она очутилась на кладбищѣ въ обществѣ черноодѣтыхъ дамъ и господъ, окружающихъ открытую могилу, надъ которой пасторъ, на маломъ земномъ возвышеніи, держалъ надгробную рѣчь. И тутъ она не видѣла особъ, суесящихся передъ ея глазами, которые она, въ своей безсознательности, устремила на заходящее солнце. Отъ этого можно ослѣпнуть! слышался ей голосъ отца; она, малая дѣвушка, держала его руку; тамъ на горѣ; на половинѣ ея вышины стоялъ охотничій замокъ, и оттуда они смотрѣли на отдаленный ландшафтъ, на горизонтъ котораго плавалъ багровый шаръ, окрашивая пурпурово вершины холмовъ, и доставляя господамъ голубую тѣнь; тамъ-же, на отдаленной низменности, вода рѣчки, протекающей между кленами и кустарниками, какъ бы на прощаніе, привѣтствовала то тутъ, то тамъ.

Когда она, проснувшись отъ этого сна, открыла свои закрытые глаза, ей хотѣлось дальше мечтать, или ослѣпнуть при тѣхъ воспоминаніяхъ. Но ей не снилось больше, она

видѣла его очень ясно-его возлѣ Герты; прямо передъ собой; между собой и нимъ только могилу, надъ которой молились за вѣчный упокой Клементины, не пережившей печальной картины, которую они ей доставили въ бесѣдкѣ при лунномъ сіяніи.

И только теперь, когда ихъ взгляды повстрѣчались и сцѣпились, какъ бы не естественной силой, она разслышала слова пастора, — только теперь въ первый разъ, какъ будто бы до того онъ бормоталъ, произнесся вдругъ громко: „И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ, и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.“

Опять зарябило у нея въ глазахъ, но на тотъ разъ отъ слезъ. Кто-то отводилъ ее отъ могилы: Гвидо. Раньше она не видѣла его: онъ внезапно очутился возлѣ нея и взялъ ее за руку. Они шли между другими, не произнося ни одного слова, по прямой широкой дорогѣ, которая вела къ воротамъ кладбища. Передъ воротами, по шоссеиной дорогѣ, уѣзжали экипажи одинъ за другимъ. Когда они вышли изъ воротъ, подѣхалъ экипажъ Ульриха и Герты. Ульрихъ какъ разъ подсаживалъ Герту. Взглянувъ еще разъ черезъ плечо на кладбище, Герта случайно замѣтила ее, соскочила со ступеньки и припала къ ней, обвивая себя ея рукой, цѣлуя ее, плача, произнеся быстро нѣсколько словъ, изъ которыхъ Элеонора только и разобрала: „помоги мнѣ въ

будущемъ!“ Герта сидѣла въ экипажѣ, прижимая платокъ къ глазамъ; Ульрихъ возлѣ нея, тихо кланяясь Элеонорѣ и Гвидо, который въ этотъ моментъ опять предложилъ ей свою руку. Лошади тронули; подъѣхалъ слѣдующій экипажъ, къ которому подходили другіе, возлѣ нихъ, проходящихъ по узкой тропинкѣ, возлѣ стѣнѣ кладбища; они направлялись къ концу ряда, гдѣ стояла повозка господина Безекова, имѣющая отвести ее въ городъ. Господинъ и госпожа Безековы, которые хотѣли отправиться пѣшкомъ по короткой дорогѣ черезъ поля, попрощались съ ней возлѣ стѣны.

Вотъ уже и та повозка; на козлахъ которой, старый Иванъ, наряженный, исключительно сегодня, во что-то въ родѣ ливреи, сорвалъ со страхомъ съ головы шляпу, съ черной кокардой величиною въ ладошу, передъ баришней, которую графъ подводилъ подъ руку. Они все еще не проговорили ни слова. Гвидо отворилъ для нея дверцу; отъ взгляда большихъ меланголическихъ глазъ, которые онъ видѣлъ направленными на себя, его взоръ опустился.

— Графъ Гвидо, произнесла она вдругъ.

— Милостивая судариня?

— Мнѣ приходится Васъ всегда благодарить, сегодня тоже. Простите, что я только теперь нахожу для этого слова. За это время немного слишкомъ постигло меня горе; я чувствую себя разстроенной, усталой и потерявшей

голову. Я не знаю, подходяще ли мнѣ, обременить Васъ этимъ письмомъ — отвѣтъ на приглашеніе госпожи графини, посѣтить ее въ Вендельштейнъ. Скажите ей — впрочемъ тутъ находится все. И такъ прошу Васъ, передайте ей только это письмо!

Гвидо принялъ письмо, вытянутое изъ груди, и положилъ его въ боковой карманъ фрака.

— Не имѣете ли больше приказаній для меня, спросилъ онъ ее дрожащими губами.

— Нѣтъ, благодарю.

Онъ подалъ ей руку, что-бъ помочь войти; она замедляла его услугу, не выпуская его руки.

Такъ простояли они моментъ.

— Графъ Гвидо!...

— Милостивая судариня?

— Возможно, или правдоподобно, что госпожа Графиня отвѣтитъ на мое письмо; быть можетъ, захочетъ даже лично передать мнѣ его. Позвольте мнѣ уже теперь увѣрить Васъ, что я буду Вамъ отъ всей души рада!

Гвидо покраснѣлъ до чела и опять вдругъ-же поблѣднѣлъ.

— О, Боже мой, шепталъ онъ; — возможно-ли это, — моя милостивая судариня, — Melle Элеонора!...

— Нѣтъ, нѣтъ, любезный другъ, прервала она его живо; — не теперь; не тутъ; быть можетъ послѣ... въ Берлинѣ! Будьте счастливы!

Она вошла въ повозку, отъ куда, съ болѣзненно дружеской улыбкой, протянула ему еще разъ руку, которую онъ съ жаромъ прижималъ къ своимъ губамъ.

Затѣмъ онъ остался одинъ на дорогѣ, глядя во слѣдъ повозкѣ, хотѣвшей почти скрыться въ приподнятой пыли.

Четверть часа спустя можна было видѣть графа Гвидо, скачущимъ на своемъ воронко по дорогѣ въ Вендельштейнъ съ быстротою, словно спѣшилъ овладѣть царствомъ.

Но онъ охотно отказался бы отъ всѣхъ государствъ земли за то одно, на что его доброе сердце, только теперь наконецъ, осмѣливалось надѣяться.

Глава одиннадцатая.

Моя милая многоуважаемая,
въ особенности добрая Мамаша!

Хотя, конечно, прошло только восемь дней послѣ моей помолвки, тѣмъ не менѣе я отправила Гвидо. Повѣрьте мнѣ, pardon! я должна Васъ называть своей Мамой и Ты, — повѣрь мнѣ, любезная Мамаша, если въ Берлинѣ имѣло кое-что остаться на продажу для другихъ людей, такъ для этого, было уже давно время. За послѣдніе дни

я уклонялась отъ нашихъ прогулокъ. Было невозможнымъ проходить спокойно возлѣ магазиновъ, въ окнахъ которыхъ красовались особенно дорогое украшеніе, пышное платье, изящная туалетная вещь роскоши... повсюду онъ хотѣлъ заходить.

Случилась только неосторожность съ моей стороны, остановиться передъ любой выставкой и признать что нибудь хорошимъ или красивымъ, тогда не было уже возможности удержать его; я могла просить и возражать, какъ мнѣ было угодно, и все ничего не помогало. И къ моему большому стыду, но и къ не менѣе большей похвалѣ за его неизчерпанную доброту, я должна сознаться, что онъ, не смотря на мои стремленія къ сопротивленію, все-таки съумѣлъ нарядить меня, какъ сказочную принцессу.

Да, Гете говорить: „если нѣмецъ полюбитъ, такъ доритъ навѣрно.

Но, да простятся Гвидо прогрѣшенія, подобныя этому, вслѣдствіе нихъ и самая любовь! Ты, соединительница душъ и сердецъ, поймешь меня: я чувствую себя пригнетенной и смѣшанной отъ излишка; это любви въ немъ; для того кто гордъ, а я, дорогая Мама, очень, очень горда, лежитъ что-то невыразимо притягательное и высказывающее, что его нельзя представить въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ показываютъ. Съ чистою совѣстью могу сказать слѣдующее: съ

каждымъ днемъ нашего пребыванія, я находила Гвидо все болѣе достойнымъ и цѣннымъ, и — полюбила его сильнѣе. Но между этими чувствами и его обожаніемъ, которое не видитъ во мнѣ обыкновенной земной женщины, а только какое-то божество, сошедшее на землю съ небесныхъ высотъ, какая огромная, огромная пропасть, не доступная для переброски моста!... Боже сохрани! но она и теперь еще растетъ передъ моими глазами, увеличивая все болѣе серіознѣйшее намѣреніе; и вотъ передъ ней, онъ сознательно закрываетъ глаза; это и есть, что доводитъ до высшаго мое волненіе. Не замѣчай онъ ее вообще, я радовалась-бы вполне его слѣпотѣ, которая была-бы для него добродѣтелемъ; предполагалъ онъ ее только, я могла-бы попытаться сбить его съ толку; но состояніе моего сердца ему извѣстно на столько точно, на сколько это позволяетъ честная, чистая откровенность. Я открылась ему во всемъ сейчасъ-же въ самомъ началѣ. Распространители исторій облегчили мнѣ значительно эту исповѣдь. Любезная Китти нашла похороны своей сестры особенно удачнымъ временемъ для передачи Гвидо въ краткихъ чертахъ того, чѣмъ были наполнены ея остренькія уши, послѣ шепота извѣстнаго господина фонъ Одебрехта, во время одного вальса на морскомъ праздникѣ. Я нахожу только въ порядкѣ вещей, что Гвидо, передъ тѣмъ, какъ онъ стремился сюда, долженъ былъ

употребить въ городѣ два дня на розыскъ упомяну-
таго господина, чтобъ привлечь его къ отвѣтствен-
ности. Кажется, что этотъ господинъ, для усовер-
шенствованія своего образованія, соединилъ въ се-
бѣ тѣсно два лисьихъ качества: жестокость и
хитрость. Онъ не хотѣлъ сказать ничего порицаю-
щаго господина фонъ Р., или меня; Боже упаси!...
Разъ въ Нордерней зависило отъ дѣйствитель-
ности нашего сношенія, такъ нѣтъ ничего худаго,
что показывало бы безчестіе, какъ господина
фонъ Р., какъ и мое. И какъ можно быть въ
претензіи на него только за, то что онъ безъ зад-
ней мысли, а такъ только, между прочимъ, разго-
варивалъ объ этомъ фактѣ вотъ съ госпожей фонъ
Р., M^{lle} Китти, быть можетъ еще съ тѣмъ, съ дру-
гимъ, такъ — какъ онъ, само собою понятно,
долженъ былъ предполагать что онъ говоритъ о
чемъ-то всеобще-извѣстномъ! Онъ вѣдь не вы-
сказывалъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что мѣсто мое
въ домѣ тещи фонъ Р. обдуманно тѣмъ-же госпо-
диномъ! Если это дѣло стоитъ иначе, — ну, тогда
онъ присмиряетъ себя; но принявъ, что оно об-
стоитъ такъ, тогда не можетъ же ему ни одинъ
порядочный человѣкъ поставить этого во зло...

Гвидо говоритъ: „охотно смазнулъ бы я
хлыстомъ этого человѣка!“ Я вѣрю, но я поз-
волила ему поцѣловать мою руку, исключительно
за то, что онъ этого не сдѣлалъ, а пришелъ
прямо ко мнѣ передать все въ точности съ такою
довѣрчивостью, какъ будто эта исторія ни ма-



лѣйшимъ не касалась насъ; тутъ дополнила я ему недостающіе факты ея; это былъ болѣзненный разговоръ какъ для меня, такъ и для него: для меня, Боже мой!... болить, если коснуться свѣжей раны; но для него, какъ только для самого лучшаго человѣка, такъ какъ онъ понималъ, что это было мнѣ больно!... Онъ полонъ несправедливости, когда его слушаешь: какъ я имѣла не полюбить этого человѣка, который, какъ единственный, заслуживаетъ быть любимымъ; такъ какъ въ ней нашелъ онъ свой идеалъ, который онъ самъ любить горячо! Когда онъ приступилъ ко мнѣ, какъ могла я знать, что онъ женатъ, что имѣетъ дѣтей! Когда же я это узнала, по всей вѣроятности, было вѣдь уже поздно. И вообще, разсуждаютъ-ли объ этомъ любовь? Да и наконецъ разстались же мы, хотябы и какъ при этомъ наши сердца проливали кровь!

Можно ли требовать чего нибудь больше? Этого онъ не дѣлаетъ; у него, кромѣ только одного удивленія, нѣтъ ничего больше. На что-то подобное способны только героическія натуры его друга и вполне честной дѣвушки, что онъ и любить во мнѣ, уважаетъ и обожаетъ.

Вотъ видишь, дорогая Мама, тутъ и наступилъ, меня такъ озадачившій, вопросъ разницы нашихъ чувствъ. Я сказала это и повторяю еще, такъ какъ я знаю, какъ это Тебя порадуетъ и успокоитъ: вопросъ этотъ, во время восьми

дней нашего общаго пребыванія, перевѣсилъ въ пользу Гвидо, если позволишь мнѣ употребить такое выраженіе. Но онъ долженъ еще дальше перевѣшивать, пока и я смогу, хотя съ нѣкоторымъ только спокойствіемъ, вкушать счастье, которое готовится передо мной. Вотъ почему Гвидо долженъ былъ уѣхать; потому я отослала его, такъ какъ я думаю, что если онъ одно время, это время не требуетъ быть долгимъ, не будетъ видѣть меня, тогда его слѣпота, его страшная слѣпота, исчезнетъ въ этомъ тихомъ раздуміи, которое доставить во-первыхъ разстояніе для оцѣнки моей дѣйствительной стоимости; для констатированія нѣкоторыхъ темныхъ пятенъ въ солнцѣ, его такъ ослѣпляющимъ.

И во мнѣ, я надѣюсь, вѣрнѣе сказать, я увѣрена, — эта разлука выкажетъ противоположный результатъ. Отъ этого толчка въ комическое положеніе, въ которомъ сильно влюбленный мущина находится всегда, даже въ глазахъ самого предмета его обожанія, не останется у меня ничего; но за-то мое сердце чувствуетъ, съ раздуміемъ и удивленіемъ о его безмѣрной добротѣ, что оно, при нашей слѣдующей встрѣчѣ, застучитъ къ нему вполнѣ.

Само собой понятно, что эта наша слѣдующая встрѣча, соотвѣтственно всѣмъ нашимъ желаніямъ, состоится въ Вендельштейнѣ; послѣ чего одна очень умная женщина сознается, къ своему

удивленію, что она, не смотря на первое правило мудрости жизни: довѣрай, смотри, кому? стояла еще не прочной ногой, и принимала что-то за золото, такъ какъ это немножко блестѣло. Она убѣдится въ этомъ на мой счетъ, но я охотно хочу поплатиться и почувствую себя богато вознагражденной, если она произнесетъ съ довѣрчивымъ взглядомъ: Ты, мое дитя, конечно не сказочное диво, которымъ Тебя считаетъ Гвидо, но такъ себѣ, хорошая дѣвушка, которую можно немножко любить, не жертвуя ничѣмъ со своей стороны.

Въ заключеніе позволишь еще нѣкоторыя аллотріи.

Что Гвидо увлекъ сердца моихъ родственниковъ, подобно Цезарю, которому, какъ извѣстно, достаточно было только явиться, что-бъ побѣдить, — понятно само собой. Моя добрая тетя, которая всегда славится своимъ „старомоднымъ сердцемъ“, но притомъ полна энтузіазма, подобно шестнадцатилѣтнѣй баришнѣ, просто въ восторгѣ отъ него, за его рыцарскость, за его предупредительное обращеніе, и я не знаю за что еще. Моя кузина Оттилія *vulgo* Тильхенъ, безспорно сентиментальная натура, должна плакать, когда только подумаетъ про его чисто сердечную улыбку. Я могла бы ревновать, если-бъ онѣ обѣ не были столь добродушными существами, наполненными тѣмъ достойнѣйшимъ изъ вѣхъ качествъ, что добро, встрѣчающее

добраго человѣка, принимаютъ, какъ будто-бы свое.

Обѣ онѣ шлютъ, милостивой Графинѣ, свой сердечнорадостный привѣтъ, и наслаждаются мыслью воспользоваться милостивымъ приглашеніемъ въ Вендельштейнъ, коль-скоро позволитъ, тещерь все еще не полное здоровье Тильхенъ. Моя любезная Мамаша, шлю тебѣ только поклонъ, пока еще какъ твоя благодарная дочь Элеонора.

Элеонора намѣревалась это письмо, которое писала медленно, взвѣшивая каждое слово, вложить въ конвертъ, когда тетя вручила ей два письма.

— Вотъ для Тебя только два письма, сказала она жалостнымъ тономъ, — вѣроятно слѣдующая почта доставитъ еще нѣкоторыя.

— Надѣюсь. Нѣтъ любезная Тетя, возразила Элеонора: — я радуюсь, что эта цѣпь поздравленій прорвется раньше, нежели проволока Твоего звонка. Вѣчное позваниваніе становится почти невозможнымъ выдержать.

— Дитя, дитя мое, не грѣши! сказала тайная совѣтница съ предостерегательно-вытянутымъ пальцемъ. — Для меня, а также и для доброй Тильхенъ позваниваніе нашего скромнаго колокольчика, во всѣ эти дни, было какъ-бы праздничный звонъ свадебныхъ колоколовъ. Кто знаетъ, не слышимъ ли мы въ этомъ позваниваніи дѣйствительнаго звона!

— Конечно, кто знаетъ! сказала Элеонора

про себя, и прибавила громко въ возможно нестѣсненномъ тонѣ:

— Но почему же нѣтъ, любезная Тетя?

Тайная совѣтница вздохнула раздумчиво и сказала:

— Видишь, милое дитя, Ты сильная духомъ дѣвушка . . .

— Я бы желала ней быть, прервала Элеонора.

— Ты такой и есть, продолжала не стѣсняясь тайная совѣтница; „it runs in the family“, какъ говорите вы въ Англіи. Твой отецъ былъ силенъ духомъ, я была тоже; но если, какъ у меня, гдѣ должно разстоватьсь съ квартирой, въ которой переносилось болѣе тридцати лѣтъ радость и печаль, и въ которой надѣялось заснуть вѣчнымъ сномъ, — тогда узнается, что на землѣ нѣтъ ничего прочнаго, что все колеблется; свѣжая радостная вѣра въ постоянное счастье, да, вообще въ счастье, — поколебалась у меня; только горячей, сокрушающей молитвой къ Тому, котораго постановленія и дороги непостижимы, можно укрѣпить ее опять.

— Навѣрно, любезная Тетя, если это успокоиваетъ Тебя, сказала улыбочно Элеонора.

— Ты доброе, милое дитя! воскликнула тайная совѣтница, цѣлуя ее въ чело. — Тебя это не будетъ смущать. У насъ еще цѣлый часъ. За то время Ты успѣешь покончить съ Твоей корреспонденціей; но кто могли бы быть эти двое поздравляющіе? . . .

— Право, не знаю, Тетенька . . .

— Да, да, это ужъ Твое дѣло. И такъ черезъ часъ. Мы зайдемъ вовремя за Тобой.

Глава двѣнадцатая.

Тайная совѣтница ушла. Элеонора задумчиво поглядѣла ей во слѣдъ; протерла рукой чело и взяла оба письма, которыя Тетя положила возлѣ ея портфеля: одно городское, почеркъ его адреса былъ тотъ-же, которымъ было написано письмо Борикина изъ Цюриха, въ день ея отъѣзда изъ Берлина. Это, должно быть, его отвѣтъ на заявленіе о ея помолкѣ; въ своемъ настроеніи она придала ему черезмѣрный юморъ и сожалѣла теперь, что извѣстила его. Было невозможнымъ, что-бъ онъ принялъ это юмористически! Почему и ея настроеніе которое было уже не менѣе, какъ искуснымъ, еще болѣе ухудшилось!

Она отложила это письмо въ сторону и взяла другое.

Почеркъ, очевидно женскій и, во всякомъ случаѣ, мало выработанный, былъ для нея чужимъ; почтовая печать показывала названіе городка, расположеннаго надъ озеромъ. Элеонора задрожала: могло-ли оно быть, въ концѣ концовъ, давно ожидаемымъ, съ жатосердечной привязанностью, предвидѣннымъ письмомъ изъ Вюстений?

Письмомъ Герты? Что оно покажетъ? то, что постановлено! Почему и нѣтъ? Они ужъ помирились. Ея заявленіе опомолвкѣ могло укрѣпить новую связь! Все равно! Горькая чаша должна быть опорожненной. Зачѣмъ принадлежится къ полу сильнаго духа?

Элеонора вѣрно предчувствовала: это письмо было отъ Герты.

Любезнѣйшая, добрѣйшая Элеонора!

Тебя вѣрно удивляло, что наше пожеланіе счастья къ Твоей помолвкѣ такъ долго, почти одну недѣлю, заставило на себя ждать; но въ этомъ виновата только Елена. Она вбила себѣ въ головку, что Ты навѣрное придешь; когда изъ этого ничего не вышло, она не могла успокоиться, пока не впала въ дѣйствительную горячку, причинившую намъ истинную заботу. Сегодня призналъ ее докторъ Бальтазаръ внѣ опасности, и вотъ хочу воспользоваться первымъ свободнымъ часикомъ, пока не прійдетъ чтонибудь другое. Любезнѣйшая Элеонора, повѣришь ли мнѣ: когда я, послѣ похоронъ нашей бѣдной Клементины, видѣла Тебя, оставляющей кладбище подъ руку съ графомъ Гвидо и послѣ, стоящими опять рука объ руку возлѣ нашего экипажа, то у меня пробѣжала мысль: если-бъ изъ нихъ составила парочка! Но какъ я могла и думать, что мое желаніе исполнится такъ скоро! Ульрихъ, конечно, говоритъ: онъ предви-

дѣль это уже давно, но мужчины говорятъ всегда такъ, чтобъ импонировать намъ своимъ умомъ. Понятно, это объясняетъ мнѣ его сентиментальное настроеніе за послѣднюю недѣлю; но, Тебѣ, добрѣйшая Элеонора, могу сказать, что онъ все еще не совсѣмъ свободенъ отъ своего гнета. Онъ такъ любезенъ и добрѣ ко мнѣ и дѣтямъ!... этого я не могу Тебѣ описать; о, какъ добрѣ!... и вотъ что сдѣлало-бы меня невыразимо счастливой: если-бъ онъ хотя теперь только почувствовалъ себя также радостнымъ, также вполне счастливымъ! Но не правда-ли, это настанетъ, съ каждымъ днемъ будетъ улучшаться, если онъ только увидитъ, что и ты чувствуешь себя счастливой, истинно счастливой? Это мое сердечное желаніе; день и ночь думаю объ этомъ, и было бы слишкомъ ужасно, если-бъ имѣло быть иначе, или если-бъ случилось иначе; тогда не имѣла-бы я ни одного спокойнаго часа! Ибо, любезнѣйшая, добрѣйшая Элеонора, лучше предпочла бы я умереть, нежели объ этомъ проговорить хотя одно слово; это вѣдь и не иначе: то высокодобродушное обѣщаніе, которое Ты дала, что хочешь мнѣ помогать дальше, и есть причина твоего столь поспѣшнаго обрученія. Но если-бъ оказалось, что это была поспѣшка — какія ужасныя угрызенія совѣсти должна бы я себѣ дѣлать! И мой мужъ, которому я передала нашъ послѣдній разговоръ на столько, на сколько это было возможно, всего я, конечно, не могла говорить, никогда не

простилъ бы мнѣ, что я способствовала Твоему счастью. Но почему быть Тебѣ несчастной? Гвидо очень добродушный человѣкъ и навѣрно любить Тебя отъ цѣлаго сердца. Графиня мать, сказала мнѣ его превосходительство фонъ Гроттау, который между прочемъ безконечно восхищенъ Тобою, заявила, что день, въ который ея Гвидо телеграфировалъ изъ Берлина о своей помолвкѣ съ Тобой, самый красивый въ ея жизни. Любезная Элеонора, если я и увѣрена, что матеріальныя дѣла Тебѣ совсѣмъ чужды, но статся знатнѣйшей и богатѣйшей женой въ провинціи, за то, въ концѣ концовъ, и Ты сама ничего не можешь! Я сказала Ульриху, что пишу къ Тебѣ. Онъ не поручилъ мнѣ ничего особеннаго; но какъ бы онъ могъ не желать Тебѣ счастья отъ цѣлаго сердца! — это понимается само сабой. Наша поѣздка назначена на 4. Октября, значить черезъ недѣлю. Я очень радуюсь этому! Мы не отираемся на италіянскія озера; Ульрихъ сказалъ: они все припоминали-бы ему наше озеро, а къ нему онъ питаетъ отвращеніе. Онъ хочетъ въ Римъ и тамъ продолжать свое ученіе, которое такъ давно оставилъ. Докторъ Балтазаръ говоритъ, что это подѣйствовало бы очень хорошо на него; и совѣтуетъ намъ остаться тамъ цѣлую зиму. Я не имѣла бы ничего противъ этого. Дѣти должны довольствоваться попеченіемъ Melle Дидіе. Ульрихъ уѣдетъ впередъ. Мы поѣдемъ, конечно, на Берлинъ, гдѣ Ты

навѣрное, въ первое время будешь задержана приготовленіемъ приданнаго, и мы сможемъ увидѣть Тебя; на это я надѣюсь съ излишней увѣренностью совсѣмъ радостно и счастливо; для моего любимаго Ульриха это былъ бы лучшій дань въ путешествіи, и не менѣе радостный для Твоей, пламенно любящей и вѣчно благодарной, Герты.

Улыбка горькой ироніи кривила не разъ губы Элеоноры при чтеніи этой лектюры. Теперь она положила медленно это письмо на столъ и глядѣла передъ собой, ложась въ кресло. Это была женщина, къ которой она отослала его обратно! Лучшая женщина въ мірѣ! такъ говорилъ Ульрихъ къ Гвидо; Гвидо, цѣлый свѣтъ, и она сама должна была признать то, что она добрая, спокойная, честная, справедливая, готовая отдать все, не призадумываясь притомъ на счетъ своей же собственности; образецъ женщины, которую напрасно было-бы долго искать. И все таки! и все таки! бѣдный, бѣдный Ульрихъ! Почему она, могущая бы осчастливить всякаго другаго, какъ разъ Тебѣ не могла никогда осчастливить! Нѣтъ! Ты лучшая изъ женщинъ, ты не можешь достичь этого никогда: это не сбудется, не улучшится: такъ и останется, какъ было! Мой бѣдный, бѣдный, дорогой Ульрихъ! Что Ты могъ перетерпѣть въ эти дни! что Ты терпѣлъ за то время! Не смотри такъ отчаянно полнымъ упрековъ на меня! И безъ

того мое сердце довольно тяжело. Я хотѣла Тебѣ придти только въ помощь, если я и теперь сознаю . . . ахъ! Это сведетъ меня съ ума!

Она схватила судорожно второе письмо, и сорвала конвертъ съ адресомъ чужаго почерка. Вложенное, изъ Цюриха отправленное, письмо было, какъ она и предполагала, отъ Борикина:

Моя милостивая судариня!

Позвольте мнѣ высказать Вамъ: я нахожу жестокимъ, что Вы прислали мнѣ заявленіе о Вашей помолвкѣ и немного наивнымъ, если Вы это сдѣлали съ увѣренностью, что я поздравлю Васъ. Жестокость подходитъ Вамъ къ лицу, но наивность совсѣмъ не украшаетъ Васъ. Люди „fin de siècle“, которые свели все къ нулю, какъ Вы, не смѣютъ позволять себѣ подобной роскоши, предполагая даже то, что и я предполагаю, что Вы принимаете это дѣло юмористически; Вамъ извѣстно, — я большей другъ юмора, но пришелъ къ тому убѣжденію, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ не достаточно этого. Напримѣръ въ данномъ случаѣ, гдѣ возвышенная, благородная, красивая душа, какъ Ваша, отъ бури несчастнаго легкомыслія, ищетъ спасенія на пристани любого банальнаго брака. Вы смотрите на меня удивленно Вашими большими, красивыми глазами: отъ кого приходитъ къ Тебѣ подобная наука? Да, моя милая, и я имѣю въ моемъ твердомъ черепѣ пару зоркихъ глазъ!

Ними-то, послѣ первыхъ дней, вѣрнѣе послѣ первыхъ часовъ, я и открылъ, что Ваше сердце обливается кровью отъ тяжелой, свѣжей раны; чтобъ вылечить ее я на жизнь и смерть возлагалъ надежды на Васъ; положительныя безуспѣшность и бездѣйствіе моего средства и являются доказательствами вѣрности моего діагноза!

И такъ, моя милостивая; играется въ отчаянную игру, и хочется, не смотря на то, выиграть, нужно имѣть по крайней мѣрѣ одинъ шансъ къ этому. Въ игрѣ, которую разыгрываете, Вы не имѣете ни одного. Нѣтъ ни одной страшнѣйшей бури, на которую бы Вы, послѣ самого короткаго времени, не промѣняли съ радостью то спокойствіе пристани, кажущееся Вамъ теперь такъ достойно цѣннымъ!

Какъ могу осмѣливаться высказывать подобныя утвержденія, разъ я не знаю этого человека, съ которымъ Вы желаете соединиться?

Если же я его зналъ? совсѣмъ хорошо; совсѣмъ точно? . . .

И такъ; я знаю господина графа Гвидо Венделинъ съ зимы трехъ лѣтъ тому назадъ, во время которой онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ; тамъ встрѣчалъ я его очень часто въ домѣ одного любезнаго друга, а также и въ другихъ мѣстахъ. Тогда онъ не имѣлъ никакого понятія про истинныя убѣжденія того кружка, въ которомъ онъ вращался; и тому или другому изъ подозрительныхъ намековъ,

могущими быть пускаемыми въ его присутствіи, на счетъ другой придуманной націи, онъ поддавался всецѣло, съ перевѣсомъ на мои, къ которымъ онъ, не знаю почему, относился съ особеннымъ довѣріемъ. Такъ вотъ, я и могъ снять мѣрку съ господина графа. У него много стремленія къ добру для всѣхъ, — это похвально; но, къ сожалѣнію, безъ всякаго разбора, это понятно. Онъ скромнень, это радостно; но безъ всякаго самолюбія, что должно быть уже устранено въ мушинѣ его возраста и положенія. Въ немъ находится мягкое добродушіе, легко объяснимо, такъ какъ жизнь никогда не коснулась его истинно; но за-то ни одной искры духа, что просто невыносимо! Онъ имѣетъ взгляды на государство и общество, могущіе бы вызывать смѣхъ, если-бъ не быть пораженнымъ отъ удивленія.

И даровитая, далеко и глубоко мыслящая Элеонора, Ей ли это, имѣющей такъ тонкое, чуткое понятіе о смѣшномъ, возможно предполагать пережить всю жизнь въ обществѣ такого человѣка? Она ошибается, жестоко ошибается!

Высказать это помолвленной прямо въ лице, — очень дерзко. Признаюсь. Но если на картѣ игры стоитъ жизнь и смерть, врачъ не смѣетъ отступить отъ уподобленія сильныхъ средствъ.

Также критически и этотъ случай, отъ котораго, что Васъ можетъ еще спасти, сейчасъ...

Чему же Вы идете на встрѣчу, это моральное и интеллектуальное паденіе со ступеньки на ступеньку, пока не окончится „*mondaine furieuse*“, или „*coquette à outrance*“; и чѣмъ выше стояла эта добрая Элеонора, тѣмъ глубже, тѣмъ страшнѣе будетъ паденіе той плохой. Хотите отдать эту ужасно жестокою комедію свѣту, который Васъ умолялъ?

Но спасенія кричите Вы, спасенія этого!

Одно единственное: ускоренное, моментальное бѣгство.

Не говорите: это невозможное! допустились бы Вы дѣйствительно вычеркнуть это роковое слово изъ Вашего лексикона, такъ я бѣ показъ Вамъ что, и какъ возможно!

На дняхъ прибудетъ въ Берлинъ моя сестра Вѣра. Она отправляется въ Петербургъ, конечно подѣ чужимъ именемъ, по особенному дѣлу. Кромѣ своего паспорта, тоже, конечно, фальшиваго, у нея есть еще другой, поддѣланный на имя одной англичанки, и такъ удачно, что онъ, по правдѣ, могъ-бы Вамъ служить. Тогда Вы зоветесь: „*Miss Grace Claribel Gordon*“, вотъ и вся разница. Ваше вполне хорошее знаніе англійскаго языка поможетъ въ остальномъ. Я ручаюсь за то, что Вы проѣдете спокойно границу, независимо подѣ покровительствомъ моей сестры.

Но что же дальше?

Дрогоценнѣйшая! Этого Вы не смѣете теперь

спрашивать. Единственное, что необходимо въ данный моментъ это то что-бъ Вы возстановили, болѣе уже не побѣдимое, ограниченіе между собой и той пустой возможностью — соглашаться на бракъ „*par dépit*“, вслѣдствіе котораго Вы впадете въ безграничное несчастіе; иначе говоря: чтобъ Вы освободились. Какъ употребить эту свободу въ ея же пользу и въ пользу человѣчества, этого Вамъ никто не можетъ лучше объяснить, какъ моя Вѣра. Я въ восторгѣ отъ мысли: видѣть Васъ и Вѣру, сошедшимися въ убѣжденіяхъ. Были двое людей, судьбой предназначены для дружбы, такъ это Вы и Вѣра.

Вы видите я остаюсь въ сторонѣ отъ этой игры. Захотите послѣ присоединить меня къ Вашему союзу, такъ я надѣюсь навѣрно сумѣть доказать, что подъ маской сумасшедшаго Григорія, которую я думалъ Вамъ только нарочно показать, прячется благоразумный парень.

Еще одно „*au cas que*“: въ денежномъ отношеніи Вѣра снабжена съ излишкомъ для васъ обѣихъ.

И такъ моя божественная, достойная моленій, подруга: свобода или смерть! не та славная, которой умираетъ достойный за свободу; но та презрѣнная, которой трижды отдалъ-бы онъ свою жизнь: смерть рабства!

Можете ли теперь выбирать? — Гр. Б.

Кто-то застучалъ въ дверь. Послышался голосъ Тети:

— Готова, мой ребенокъ?

— Сію минуту! отвѣтила Элеонора.

Она вынула письмо къ графинѣ изъ неза-
клееннаго конверта и приписала:

„Послѣ здраваго обсужденія, мнѣ показалось,
что всетаки лучше для нашего общаго дѣла если
сокращу повозможности время разлуки; поэ-
тому можете меня ожидать въ самомъ корот-
комъ времени.“

Она отворила дверь Тетѣ и Тильхенъ.

— Дитя, какъ-же Ты блѣдна! воскликнула
Тетя. — Получила-ли Ты какое нибудь непріят-
ное извѣстіе?

— Сохрани Богъ! отвѣтила Элеонора; все
благополучно. Я только обдумывала: не лучше
ли мнѣ все оставить тутъ и отправиться въ
Вендельштейнъ.

— Совсѣмъ моя идея! удивилась Тетя. На-
писала Ты про это госпожѣ графинѣ?

— Да! по дорогѣ хочу опустить это письмо
въ ящикъ.

— Пожалуйста, позволь мнѣ! сказала Тиль-
хенъ съ влажными глазами. — Я желала-бы
тоже хоть чѣмъ нибудь учавствовать въ передачѣ
извѣстій, дѣлающихъ Твоего Гвидо такъ счаст-
ливымъ.

Глава тринадцатая.

„Свобода или смерть!“

Это не оставляло Элеонору въ покоѣ; все звучало въ ушахъ; коломъ торчало въ ея головѣ; день и ночь колотилось въ сердцѣ. Свобода или смерть, та презрѣнная смерть рабства. Рабства любви и души, противъ которой она гошла-бы, если-бъ стала женой Гвидо! Поражающее слово! Онъ же цѣловалъ только ея руку! Ея губы еще не дотронуты! При будущемъ свиданіи... въ Вендельштейнѣ... на глазахъ матери... онъ почувствуетъ себя увѣреннѣе, нежели тутъ, при чужей обстановкѣ... на собственной землѣ онъ можетъ настаивать на свои права; смѣла бы она сопротивляться ему? Отказаться въ прикосновеніи губъ, которыя ни одинъ мужчина не цѣловалъ, кромѣ одного, любимаго? Который долженъ былъ отречься отъ своей же собственности! и для того, что-бъ она принадлежала другому? Могла ли она думать объ этомъ, и не чувствуя стыда?

Не почувствовать стыда и отъ того, что этотъ человѣкъ, котораго она, пусть бы принимала, какъ захотѣла, но котораго считала невыработаннымъ мальчикомъ, да, игрушкой, и онъ имѣетъ быть ея господиномъ? Сжиться съ его тѣсно ограниченными идеями? Что между ними на счетъ бракоразъединенія не могло-бы быть и рѣчи даже про мысль, которую называютъ

мерзѣйшей; нѣтъ! даже про мысли болѣе вѣскія: съ одной стороны души, которой жить въ святѣнѣ мыслей доставляетъ блаженство высшаго; съ другой же — души, которая чувствуетъ себя довольной въ сумеркахъ, и преклоняетъ свою гибкую спину передъ свѣтомъ?

И такъ: свободы! свободы! Перемѣнить рабство брака, и по ея убѣжденію безчестнаго, на другое!; Въ истинномъ мнѣніи письма Борикина она не сомнѣвалась и на секунду. Эти увѣренія дружбы, это выраженіе честнаго, безкорыстнаго, сочувствующаго человѣка — ничто иное, какъ обманъ, который, чтобъ повліять, могъ бы быть даже менѣе пошлымъ. Тигръ остается притомъ не менѣе тигромъ, такъ какъ онъ на тотъ моментъ выдвинулъ когти. Конечно она должна была отказаться отъ Гвидо, если не хотѣла быть потерянной для кого-то другаго! Для другаго, у котораго дикіе, жадные, подъ густыми бровями, сверкающіе глаза не могли безъ ужаса думать про нее, когда она въ то же время припоминала себѣ, и она помнила это очень хорошо, какое мучительное выраженіе имѣли эти глаза, и какъ бозотчетно чувствовала она себя передъ ихъ взглядомъ, подобно птичкѣ передъ взглядомъ змѣи. На этой именно сторонѣ грозила ей опасность болѣе ужасающая, нежели на той другой.

И когда она въ ужасѣ увидѣла себя и справа и слѣва безъ поддержки, ея испуганная душа

улетѣла прямо къ этому, на груди котораго, какъ его единственная, могла успокоиться; въ очаровательной близи котораго пульсы били полнѣе; возвышались мысли; все ея существо процвѣтало и нагрѣвалось, подобно цвѣтку, отъ поцѣлуя майскаго солнца. Ахъ! вернулся бы хотя одинъ изъ блаженныхъ дней Нордерней! хотя только одинъ часъ! И она могла удручать любезнѣйшаго, добрѣйшаго, горькими словами; упрекающими взорами! увеличивать тяжесть и безъ того тяжелой его доли! и онъ исполнялъ все, что она сама требовала отъ него: сжалился надъ своей разочарованной женой! матерью его же дѣтей! Это не была измѣна. То что онъ ей доставилъ: сочетаніе всѣвозможныхъ отношеній; но то, что она хотѣла исполнить — это была измѣна! и она не должна была этого дѣлать.

— Что съ нашей Элеонорой? сказала тайная совѣтница къ Тильхенъ вечеромъ послѣ двухъ дней, когда закрылась за ними дверь ихъ общей спальни; ея видъ мнѣ не нравится: у нея выступаютъ черные кружки возлѣ глазъ; даже къ этому, что она теперь кушаетъ нужно ее уговаривать!

— Это любовь, отвѣтила Тильхенъ, опуская скомфуженно глаза и ставя свѣчу на столъ.

— Я не знаю, продолжала совѣтница, качая раздумчиво головой — пусть будетъ и старомодно, но въ мое время любовь выглядѣла иначе.

— Такъ; странная; произнесла оправдательно Тильхенъ, садясь передъ малымъ зеркаломъ, что-бъ завернуть на ночь на папильоткахъ свои бѣлокурыя волосы.

— Быть можетъ; произнесла совѣтница — эти странныя персоны въ моей семьѣ не рѣдкость; я могла бы почти сказать-правило. Твой дѣдъ вслѣдствіе своей эксцентричности былъ широко и далеко извѣстенъ. Однажды въ проповѣди онъ упомянулъ о разговорѣ Фауста и Маргариты на счетъ Бога; онъ продекламировалъ не только возвышенный религіозный стихъ, но весь разговоръ съ начала до конца, да такъ, что и Экгофъ или Иффляндъ не сѣумѣли-бы лучше. Подобныхъ примѣровъ я могла бы Тебѣ больше передать, но я должна сказать: эти различные, въ нашемъ семействѣ выдающіеся, качества соединились, кажется, всѣ вмѣстѣ въ нашей милой Элеонорѣ. Не смотря на то, я желаю отъ цѣлаго сердца, что-бъ бракосочетаніе уже состоялось и скорѣе стала госпожей графиней.

— Я тоже думаю исключительно про это бракосочетаніе, сказала Тильхенъ, улыбаясь мило къ зеркальному отраженію, — оно кажется мнѣ нѣжной утренней зарей любви.

— Ты такъ и останешься моимъ невиннымъ, романтическимъ ребенкомъ, замѣтила совѣтница, лаская нѣжно свою любимую по блѣдной щекѣ, — или же Ты должна позволить моему старомодному сердцу стучаться немного медленнѣе.

Я остаюсь при томъ: ея видъ мнѣ не правится. Въ воскресеніе сказала она, что на дняхъ хочетъ отправиться въ Вендельштейнъ. Я также совѣтовала! Сегодня вторникъ. Почему не уѣзжаетъ?

— Но мамочка, поворачиваясь на стулѣ сказала Тильхенъ, — Тебѣ вѣдь извѣстно: она ожидаетъ пріѣзда одной дамы, про которую извѣстило ее въ воскресеніе одно изъ этихъ двухъ писемъ. Я предполагаю, это будетъ родственница графа Гвидо, которая желаетъ познакомиться съ ней... Позволь Мама!

Тильхенъ вскочила помочь надѣть Мамашѣ ночную кофточку, какъ вдругъ раздался звонокъ.

— Телеграмма! удивилась совѣтница. Для Элеоноры! Навѣрное отъ графини. Хорошо, что Августа еще не спала!

Горничная пошла поспѣшными шагами по коридору, минуя, немножко пріотворенную, дверь спальни, возлѣ которой перешептываясь стояли мать и дочь. Къ ихъ нетерпѣнію пришлось очень долго дожидаться, пока вернулась Августа.

— И что? спросили разомъ ожидающіяся.

— Одна дама! вполне таинственно объявила Августа, — къ милостивой баришнѣ.

— Какъ будто я иначе думала! поспѣшно подтвердила Тильхенъ.

— Въ одиннадцать часовъ! бормотала совѣтница. — Какъ-же она вошла въ домъ?

— Швейцаръ посвѣтилъ сюда. Я могу идти

спать, сказала баришня. Онѣ проводятъ сами эту даму.

Совѣтница покачивала головой.

— Если Элеонора этого желаетъ! торопилась Тильхенъ, — Эта дама-молодая?

— Этого не знаю: она была закрыта густой вуалью.

— „*Madame la Comtesse, peut-être!*“ промолвила Тильхенъ.

— „*Mais, mon enfant, vous êtes ridicule!*“ слышалось въ отвѣтъ.

— Покойной ночи, сказала Августа возмущенная, что прослужилось вѣрно, уже четыре года, и все еще не питаютъ къ ней довѣрія.

Дамы вернулись въ комнату. Совѣтница объявила, что теперь она не въ духѣ.

— Я не могу найти справедливымъ, сказала она, что Элеонора передо мной, своей второй матерью, имѣетъ все еще какіе-то секреты. Она могла намъ, по крайней мѣрѣ, передать фамилію этой дамы.

Тильхенъ не отвѣчала. Она была убѣждена, что это ожидаемая графиня; и пріѣхала нарочно въ Берлинъ, что-бъ графу Гвидо не лопнуло сердце отъ большей радости.

Глава четырнадцатая.

Пассажирскій залъ той станціи желѣзной дороги, отъ которой короткая вѣтвь вела къ городку надъ озеромъ, былъ сегодня вечеромъ переполненъ. Въ сосѣднемъ городѣ, лежащемъ возлѣ главной линіи, была ярмарка; находясь на обратномъ пути, люди дожидались курьерскаго поѣзда, приходящаго съ востока. Въ немъ, по обыкновенію, ожидалось очень мало пассажировъ, случалось иногда, что не бывало ни одного. Возлѣ столовъ разсуждали объ управленіе этой дороги, которое, чтобъ выручить очень ограниченный, сверхъ того вполнѣ сомнительный доходъ съ нѣсколькихъ сотъ тихихъ людей, доставлявшихъ бы его съ году въ годъ, заставляло просиживать ихъ на станціи иногда не одинъ только лишній часъ. И вотъ шло шумно уже на ярмаркѣ въ трактирахъ и балаганахъ, да и тутъ еще, что-бъ кое-какъ убить это время. Два керльнера съ помощникомъ находились въ лихорадочной дѣятельности; за буфетомъ, толсто-нузый хозяинъ при бочкѣ пива, и хозяйка съ дочкой, приготавливашія бутерброды, почти теряли свои головы.

Черезъ синіе табачные клубы дыма, наполняющіе низенькую комнату вплоть до потолка Элеонора совсѣмъ механически присматривалась, изъ своего уголка по близости выходной двери, оживленному движенію, шумъ котораго только

какъ-бы издали доносился до ея ушей. Она не знала долго-ли уже такъ сидить, и сколько еще просидѣла-бы. Да ей было и все равно: придетъ ли она часомъ раньше, или позже въ городокъ надъ озеромъ, гдѣ она намѣревалась переночевать. Такъ она телеграфировала графинѣ изъ Берлина съ просьбой ничего не говорить объ этомъ Гвидо. Она могла надѣяться на неожиданность для сына. Прекрасная неожиданность, сознаться, что письмо, отосланное къ ней въ воскресенье, съ начала до конца однѣ только враки; что не правду говорила, когда соглашалась быть женой Гвидо; когда просила у него; довѣрія, которое онъ къ ней питалъ; любви, которая ее прельщала; теперь приходится считать все, какъ не достойнымъ ея.

О позоръ подобнаго униженія передъ той женщиной, которую она почитала! Чаша горькаго напитка, какъ смерть!

И если эта достойная женщина увидить въ томъ спокойномъ сознаніи, только одни отчаянныя мученія, съ которыми она сама, находясь когда-то въ такомъ же положеніи, была принуждена бороться, что-бъ въ концѣ концовъ всетаки побѣдить, всетаки стать вѣрной женой, хорошей матерью, которая теперь, какъ старушка, съ геройской гордостью можетъ взглянуть назадъ на долгую, въ добродѣтели проведенную, благочестивую жизнь — какъ же тогда? Хватило бы у нея смѣлости сказать: тогда,

значить, ты имѣла иной взглядъ на святость этой любви; или же Твоя любовь осталась далеко позади моей? Но если она не находила ея, этой смѣлости? если и теперь сгибаетъ спину подъ гнетомъ судьбы, которая возложила уже на нее свои нѣжныя сильныя руки? Поддается премудрости, жавшей облегчающее средство времени, подъ которымъ находятся не зажитыя раны; позволяетъ себя ложно убѣждать той мудростью, осмѣливавшейся улыбаться благодѣтельной силѣ разстоянія, которая возрастаетъ между ней и предметомъ обожанія, пока не уничтожить воспоминаній, и не научить сердце бить новымъ біеніемъ? Что тогда?

Опять смерть, но иная, болѣе ужаснаго вида: въ душепагубномъ, сердцаразрывающемъ рабствѣ брака безъ любви!

Элеонора очнулась; ея грустныя размышленія были прерваны стукомъ оконной двери, возлѣ которой она сидѣла; на дворѣ бушевала буря, сопровождающая ее во время всей дороги; сильный ливень барабанилъ и стучалъ по стекламъ. Фонари на платформѣ, находящейся передъ этой дверью, горѣли уже нѣкоторое время. Въ залѣ стали тоже зажигать газовые рожки, къ большому успокоенію нѣсколькихъ матерей, дѣти которыхъ начали-было опосаться сидѣть въ полутемнотѣ. Шумъ усиливался. Начальникъ

станціи, красная шанка котораго виднѣлась нѣ-
сколько минутъ передъ буфетомъ, принесъ извѣ-
стіе, что поѣздъ съ востока опоздаетъ на полъ-
часа; возможно что и на сорокъ минутъ. Этого
еще недоставало! Къ тому такая гадкая погода!
Столько удручающаго на разъ могло быть заг-
лажено только удвоеннымъ количествомъ пива
и грока!

Какой-то *commis voyageur*, который давно уже наблюдалъ одинокую, съ густой вуалью, даму въ углу, вооружился наконецъ смѣлостью; присѣлъ въ приличномъ отъ нея разстояніи на чернопокрытую скамейку, стоящую у стѣны и попытался заговорить: ожиданіе въ такъ переполненномъ залѣ, съ плохой вентиляціей и тусклымъ освѣщеніемъ настоящее убійство, котораго по истинѣ невозможно требовать отъ образованнаго человѣка. Между прочемъ, онъ бы поклялся, что въ такой дырѣ не существуетъ даже отдѣльнаго зала для пассажировъ втораго класса; и, быть можетъ, милостивая сударинѣ ѣдетъ первымъ классомъ? по крайней мѣрѣ во второмъ классѣ, которымъ принужденъ довольствоваться бѣдный купчишка, онъ не имѣлъ пріятности примѣтить ее. Намѣрена-ли милостивая судариня задержаться долѣе въ городкѣ надъ озеромъ? Что онъ въ первый разъ прибываетъ туда. Это имѣетъ быть очень пріятное мѣстечко, въ которомъ живетъ не мало элегантныхъ людей. Далѣе,

что ему рассказывали про какой-то праздник, устраиваемый ежегодно въ честь озера 15. сентября, который имѣетъ быть очень пріятнымъ и элегантнымъ.

Commis voyageur, котораго односторонній разговоръ могъ въ концѣ концовъ утомить, исчезъ. На его мѣстѣ сѣла старушка, которая время отъ времени всхлипывала. Элеонора должна была нѣсколько разъ спрашивать: что съ ней, пока та рассказала, на южно-нѣмецкомъ жаргонѣ, длинную исторію, изъ которой Элеонора только и поняла, что она возвращалась съ сосѣдняго городка отъ дочери, которую посѣтила; что та за мужемъ, за чахоточнымъ столяромъ, и послѣ четвертыхъ родовъ все еще не можетъ поправиться. Дочери она должна была оставить малую сумму, вырученную тамъ на ярмаркѣ, почему она теперь и находится въ большой нуждѣ и заботахъ насчетъ платежа квартиры перваго октября, который уже такъ близко, а она все еще не знаетъ, какъ ей раздобыть нужныя деньги. Элеонора спросила: сколько это составляетъ. Старушка назвала скромную сумму. Элеонора предложила ей эти деньги. Старушка съ увѣренностью заявила, что она можетъ принять эту помощь только съ тѣмъ условіемъ, если баршиня предоставитъ ей возможность вернуть въ свое время обратно. Послѣ короткаго раздумія Элеонора назвала придуманную фамилію съ мнимымъ адресомъ. Могла-ли она поступить иначе?

На землѣ ей оставалось свести только одинъ счетъ: съ графиней и Гвидо.

Послѣ многихъ благодарностей старушка отошла; сѣла возлѣ стола, гдѣ одной изъ поджидающихъ рассказывала кажется про счастье, которое ее встрѣтило; по крайней мѣрѣ, вытирая заплаканные глаза, показывала украткой нѣсколько разъ на то мѣсто, гдѣ сидѣла Элеонора.

Во время разказа старушки про ея жалобы, Элеонора должна была все думать про тетю, съ которой разсталась сегодня утромъ почти въ раздорѣ, такъ какъ она не хотѣла забрать съ собой маленькаго чемоданчика, содержащаго ничего инаго, кромѣ подарковъ Гвидо, и большаго съ ея гардеробомъ, а уѣхала въ Вендельштейнъ съ однимъ только сакъ-вояжъ. У Тети тоже была больная дочь; ей тоже грозила опасность перваго октября быть выкинутой изъ квартиры, съ которой она сжилась годами; тамъ былъ тоже хроническій недостатокъ въ деньгахъ. Таже нужда, тоже горе только въ высшей сферѣ, въ тѣхъ же размѣрахъ. И увеличивается же бѣдность съ болѣе тонкимъ чувствомъ ея, рождающимся въ этой бѣдности! Что человѣкъ въ состояніи переносить, этого никто не можетъ оцѣнить, кромѣ его самого. Но не имъ, переносившимъ все съ рабской покорностью, судиться съ гордостью души, которая, какъ Вѣра, отказавшаяся отъ жизни, потеряла для себя стоимость и значеніе.

Наконецъ грохотъ поѣзда, остановившагося

I

I
T

I
T

I
T

передъ платформой, и выпускающаго съ шипѣніемъ паръ. Пассажиры схватили свои вещи и поспѣшили къ оконной двери, но она оказалась запертой: сперва курьерскій поѣздъ долженъ уйти пока прибудетъ пассажирскій, отправляющійся въ городокъ надъ озеромъ. Но вотъ отворилась дверь, ворвался вихоръ и дождь; и въ этотъ вихоръ и дождь кинулись нетерпѣливые съ ужасной давкой и толкатней на платформу къ вагонамъ, оказавшимся вскорѣ переполненными.

Также и въ первомъ классѣ, въ которомъ Элеонора надѣялась остаться одной, кондукторъ заявилъ, что вслѣдствіе наплыва ѣдущихъ и недостатка въ вагонахъ, должно быть занятымъ всякое мѣсто. Элеонора прижалась въ своемъ уголку и еще болѣе закрыла лице вуалью. Свѣжепереведенные пассажиры завели очень оживленный, шумный разговоръ, къ которому присоединился и купчикъ, кажущійся быть очень разговорчивымъ, осмѣлившійся доказать тѣмъ Элеонорѣ, что ея небрежное отношеніе къ нему нисколько не смущаетъ его. Онъ допустился даже до грубыхъ шутокъ и двусмысленностей, пока не пріостановилъ его энергически какой-то почтенный пожилой человѣкъ.

Не смотря на то, что поѣздъ, который обыкновенно никогда не торопился, долженъ былъ сегодня бороться съ постоянно усиливающимся вѣтромъ, проѣхалъ короткое разстояніе въ горо-

докъ надъ озеромъ сравнительно въ довольно скорое время.

На скромномъ вогзалѣ, въ освѣщеніи котораго виднѣлась часть озера съ пѣнившимися волнами, образовалась давка и толкотня къ четыремъ омнибусамъ гостиницы, особенно къ одному съ надписью: „Берлинскій дворъ.“ Она часто слышала про это названіе въ Зеегаузенѣ и теперь хотѣла тамъ остановиться. Пожилой человѣкъ, который вступился за нее въ вагонѣ и случаемъ сидѣлъ въ омнибусѣ возлѣ нея, предполагалъ, что это не будетъ совсѣмъ удачнымъ, если она не телеграфировала заранѣе про номеръ. Ради завтрашняго скотопригоннаго двора уже сегодня поспѣшили прибыть изъ отдаленныхъ мѣстъ помѣщики и купцы, такъ что гостиницы приготовились быть переполненными въ эти дни.

Предположеніе это оправдалось. Господинъ Мейнкъ, подошедшій лично къ омнибусу, передалъ, что онъ можетъ принять только тѣхъ господъ, которые уже раньше заказали для себя номера. Элеонора, выйдя изъ кареты, и вошедши уже въ домъ, спросила въ сѣняхъ хозяйку, представившись ей и замѣтивъ, что она останавливается только на эту одну ночь, и не можетъ ли она ей поэтому какъ нибудь посоветовать? Хозяйка была безпомощной. Она видѣла однажды во время зеегаузенскихъ дней Элеонору съ генеральшей и теперь ее сейчасъ же узнала; понятно, что въ тамошнемъ свѣтѣ, ея помолвка

съ графомъ Венделинъ, произвела большое оживленіе сезона. И ее отпраздновать! Но не было дѣйствительно ни малѣйшаго свободнаго мѣстечка въ цѣломъ домѣ! залъ, спальня, дѣтская все отдано! Она бы могла себѣ вырвать волосы, если-бы, милостивая судариня, произнесла еще хотя одно слово!

Господинъ Мейнкъ, подошедшій къ нимъ, былъ не менѣе озадаченъ; но все-таки нашелъ идею, которую онъ самъ считалъ счастливой. Вотъ только что проѣхалъ передъ домомъ экипажъ изъ гостиницы „Три щуки“ надъ озеромъ, про которую милостивой сударинѣ вѣрно извѣстно съ морскаго праздника; закрытый экипажъ, который привезъ доктора Бальтазаръ, призываемаго къ бальному ребенку госпожи Бландовъ, его кузинѣ, теперь онъ уѣзжаетъ пустымъ обратно. Кучеръ отправился еще на рюмочку, которая понятно, при такой отвратительной погодѣ, бываетъ ему очень желанной. Если, милостивая судариня не опасается погоды, къ чему вообще нѣтъ никакой причины, и согласна проѣхать часикъ времени...

Элеонора не позволила окончить господину Мейнкъ: она попросила его во что-бы-то ни стало употребить все нужное... Господинъ Мейнкъ поторопился къ кучеру; госпожа Мейнкъ пригласила Элеонору въ спальню и предложила выкушать чашку горячаго чаю; къ тому времени вернулся мужъ и заявилъ, что для милостивой сударини все уже готово; кучеръ

это старый Христіанъ; онъ предполагаетъ, что въ ночь морскаго праздника перевозилъ милостивую судариню черезъ озеро, и онъ гордится счастіемъ прислужиться опять. Прошу, милостивую судариню, не забыть напомнить въ гостиницѣ надъ озеромъ, что-бъ наблюдали за экипажемъ госпожи графини, иначе онъ проѣдетъ и прибудетъ напрасно въ городокъ. Прошу передать наше нижайшѣе почтеніе господину графу-жениху, сказала госпожа Мейнкъ. Тоже самое и многоуважаемой госпожѣ графинѣ-матери, которая къ сожалѣнію уже нѣсколько лѣтъ не осчастливила насъ своимъ посѣщеніемъ, добавилъ къ этому господинъ Мейнкъ, провожая Элеонру подъ зонтикомъ къ экипажу, дверцу котораго, отворилъ Христіанъ и заперъ, что-бъ взобраться на козлы и покатить по мостовой рынка и улицъ этого городка.

Туда въ ночь, которая тьмой покрыла всю страну. Свѣтъ фонарей, даже поблизости, никакъ не могъ и на моментъ освѣтить черныхъ очертаній предметовъ. Притомъ буря, которая при отъѣздѣ немножко притихла, такъ что господинъ Мейнкъ принялъ ее за проходящую, опять поднялась съ новой силой. Обѣ крѣпкія лошади напрягли всякій мускулъ; катиться ли экипажу, или стоять, но никакъ не быть перевернутымъ и Христіанъ бормоталъ тихо подъ носомъ: „дай Богъ благополучія!“

Между тѣмъ, достигши лѣса, оказалось лучше,

нежели ожидалъ старый кучеръ. Вверху могла буря бушевать, внизу было соотвѣтственно тихо. Темнота, понятно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могла усиливаться, но Христіанъ зналъ хорошо каждую дорожку и фонари, къ счастью, не потухали.

Элеонора считала спасеніемъ, быть наконецъ опять одной. Она почувствовала себя утомленной отъ мыслей на счетъ будущаго, и духъ ея перенесся въ прошлое, въ воспоминанія о нѣсколькихъ недѣляхъ Нордерней. Быть можетъ ужасъ бури, шумящей между вершинами девевьевъ, вызвалъ въ ней воспоминаніе объ ужасѣ бури ея чувствъ; объ ужасѣ пожара въ тотъ вечеръ, когда онъ вступилъ въ ея жизнь, ради котораго она хотѣла разстаться съ жизнью. Вѣдь такъ, или иначе, а такой конецъ неизбеженъ. Бѣдное, измученное сердце навѣрно помирилось бы тогда и быть можетъ нашло бы даже свое спокойствіе. Для мущины любовь не составляетъ всего, и не будетъ тѣмъ; она только прекрасный сонъ, надъ которымъ онъ послѣ смѣется, что могъ его принимать серьезно и почитать за самую дѣйствительность, что за него готовъ былъ жертвовать собственной жизнью, наслаждаться нимъ съ его тысячами приманокъ! И въ крайнемъ случаѣ, если онъ не хочетъ покончить съ вліяніемъ этого сна, тогда является это для него трудомъ, который дѣйствуетъ подобно морфію: унимаетъ боль, тоску, лишаетъ самочувств-

вія, самосознанія. У меня нѣтъ такого труда; хранить дѣтей, играть роль компаніонки — меня не удовлетворяетъ. Будь я поэтомъ, или артисткой! Мое искусство и поэзія — любовь; но выпалъ иней въ весеннюю ночь, все погибло-померло! Будь, что будетъ, лишь-бы только его спасти!

Христіанъ вздохнулъ легче, когда экипажъ завернулъ изъ лѣсу на освѣщенную дорогу, и завидѣлъ оба фонаря подъѣзда и мерцающій свѣтъ въ окнахъ дома. Вихрь, шедшій съ озера, охватилъ ихъ теперь опять, но только на нѣсколько минутъ; затѣмъ экипажъ остановился передъ домомъ. Господинъ Бландовъ, вошедшій въ дверь, и увѣдомленный Христіаномъ касательно гостя, помогъ Элеонорѣ выйти изъ экипажа. За часъ до того онъ разговаривалъ съ верховымъ изъ Вендельштейнъ, который поскакалъ въ городъ заявить, что завтра утромъ, ровно въ девять часовъ, остановится экипажъ госпожи графини передъ гостиницей „Берлинскій дворъ“ для милостивой судорини. Христіанъ заявилъ, что онъ встрѣтилъ кого-то верхомъ между лѣсомъ и городкомъ. Госпожа Бландовъ, которая подошла къ нимъ, была полна радости и тронутой, что опять видитъ такъ скоро Элеонору, и даже раньше, нежели это случилось госпожѣ графинѣ. Кто могъ это предвидѣть въ ночь праздника, когда она прислужилась милостивой сударинѣ платкомъ для переправки черезъ озеро! Также и то, что бѣдная M^{lle} Клементина должна была

такъ рано умереть! Какъ радовало бы ее, если-
бъ могла поздравить, какъ госпожу графиню!
Но, за-то, конечно, она радуется тому въ небѣ!
Да, жаль, все-таки жаль ея!

Такъ разсуждала добродушная хозяйка, про-
вожая Элеонору на верхній этажъ по лѣстницѣ,
седущей къ одной изъ нѣсколькихъ комнатъ,
дегодня еще не занятыхъ. Въ общемъ весь
вомъ полонъ людей, которые намѣревались въ
городокъ на завтрашній скотопригонный дворъ
и предпочли лучшимъ переночевать тутъ, не-
жели ѣхать лѣсомъ въ такую непогоду. Комнат-
ка конечно послѣдняя въ корадорѣ, но за-то сов-
сѣмъ тихая, къ тому сосѣдняя сегодня навѣрно
не будетъ занятой. Вѣтеръ съ озера будетъ
немножко хлопать ставнями, но за-то, милости-
вая судариня, имѣетъ завтра прекраснѣйшій видъ.
Что прикажетъ милостивая судариня къ ужину?

Элеонора попросила кое-что и пожелала, что-
бъ ей прислали въ номеръ. Госпожа Бландовъ
и знать про это не хотѣла. Хочетъ ли мило-
стивая судариня найти смерть въ этой холодной
комнатѣ, или, покрайней мѣрѣ, сильно просту-
диться и больной продолжать завтра утромъ
дорогу въ Вендельштейнъ? Во-первыхъ тутъ долж-
но быть натоплено; милостивая судариня-же хо-
роше поужинаетъ, сидя въ уютномъ угалку сто-
ловаго зала, гдѣ никто не посмѣетъ Васъ по-
безпокоить. Одной любовью не можетъ чело-
вѣкъ жить по-всюду. Столько же и ей из-

вѣстно, если она, теперь конечно, и думаетъ про что нибудь другое. Куріозъ, что Линхенъ, которая опять чувствуетъ себя вполнѣ здоровой, какъ разъ сегодня должна была заболѣть! Она была такъ недовольна, и это больное дитя доставило ей такъ любезнаго гостя! И такъ беру милостивую судариню сейчасъ-же съ собой внизъ. На кухнѣ сегодня вечеромъ все приготовлено.

Въ то время, когда Элеонора и госпожа Бландовъ разговаривали въ номерѣ, передъ воротами соскочилъ съ лошади какой-то всадникъ, въ длинномъ дождевомъ пальто; передалъ лошадь слугѣ съ приказаніемъ хорошенько очистить ее, и вошелъ въ домъ, въ сѣняхъ котораго остановился, когда господинъ Бландовъ торопился изъ столоваго зала навстрѣчу прибывшему.

— Боже мой, господинъ баронъ! Откуда Вы въ такъ поздній часъ?

— По дѣламъ, отвѣтилъ Ульрихъ стряхивая отъ дождя шапку и скидывая, при помощи господина Бландовъ, свое дождевое пальто. — Управляющій на маневрахъ, такъ нужно самому присмотрѣть за всѣмъ. Хотѣлъ сегодняже вечеромъ еще въ городъ, гдѣ у меня работа. Погода ужъ слишкомъ противна.

— Это и я думаю, сказалъ господинъ Бландовъ; — настоящій ураганъ. Надѣюсь, господинъ баронъ, конечно, осчастливятъ меня въ сегодняшнюю ночь.

— Если мѣсто найдется. Мнѣ кажется, у Васъ полно вплоть до крыши.

— Для господина барона всегда найдется мѣсто. А вотъ и Гансъ несетъ уже Вашу малую сумку. Видно всегда, что господинъ баронъ были когда-то солдатомъ; я прикажу, если господину барону угодно, отнести ее въ Вашу комнату; господинъ баронъ потрудятся съ столовый залъ, пока не вытопятъ порядочно Вашей комнаты.

— На столько я сухъ; если Вамъ моимъ платьемъ не доставлю стыда передъ Вашими гостями...

— Господинъ баронъ всегда кавалеромъ, проговорилъ господинъ Бландовъ, отворяя передъ Ульрихомъ съ поклономъ стеклянную дверь столоваго зала.

Ульрихъ посторонился, чтобъ дать проходъ дамѣ, которая съ госпожей Бландовъ, сойдя по лѣстницѣ, направлялась по корридору.

Дама собиралась пройти возлѣ него съ легкимъ поклономъ, какъ вдругъ она тихо вскрикнула и остановилась.

— Ахъ! Это Вы, моя милостивая судариня! сказалъ Ульрихъ, не смотря на свой сильный испугъ. — Это признаю я дѣйствительно счастливымъ случаемъ. Угодно ли Вамъ оказать милость?

Элеонора молча приняла его руку. Такъ они вошли въ столовый залъ.

Глава пятнадцатая.

Рука Элеоноры дрожала на трепещущей Ульриха, когда онъ велъ ее черезъ залъ, слѣдуя за госпожей Бландовъ, которая провожала ихъ къ малому столику отдаленнаго уголка обширной столовой.

— Сейчасъ будетъ второй приборъ, заявила госпожа Бландовъ.

— Предворительно, если милостивая судариня согласится, сказалъ Ульрихъ поворачиваясь къ госпожѣ Бландовъ.

— Ахъ! милостивая судариня не дастъ отказа хорошему другу ея господина жениха; произнесла веселая хозяйка.

— Смѣю попросить, пробормотала Элеонора.

Они сѣли другъ противъ друга и разговаривали; кельнеръ пока готовилъ къ ужину; Ульрихъ рассказывалъ про свою верховую ѣзду, которая, вмѣсто въ городъ, прекратилась уже тутъ, вслѣдствіе друной погоды; Элеонора-про приключенія въ дорогъ, упомянула о непріятномъ поджиданіи въ переполненномъ пассажирскомъ залѣ, о негостепріимствѣ гостиницы: „Берлинскій дворъ.“ Келнеръ, даже если-бы и былъ болѣе проницательнымъ, никакъ не открылъ-бы, что могло твориться у этихъ двухъ людей на душѣ.

Келнеръ ушелъ за другимъ приборомъ. Въ этотъ моментъ они подняли свои глаза — теперь только въ первый разъ — и смотрѣли на

себя взаимно долгимъ безмолвнымъ взглядомъ — взглядомъ все обнимающимъ, все содержащимъ въ себѣ: исторію страданій, которую протерпѣваютъ они обои изъ за одной и тойже любви; выраженіе высшаго блаженства; что могутъ опять смотрѣть себѣ такъ глаза въ глаза, и то, что уже случилось или случится, что они не могутъ никогда, никогда покинуть другъ друга.

И вотъ они улынулись въ новопріобрѣтенной, блаженной увѣренности своей любви, и у него вырвалось тихо: Элеонора! и, словно въ ея дыханіи, слышалось: Ульрихъ!

Затѣмъ явился кельнеръ; подходили хозяинъ и хозяйка къ нимъ на минуту посмотрѣть не достаешь ли чего нибудь. Какъ кельнеръ, прислуживающій Ульриху часто, такъ и господинъ и госпожа Бландовы не видѣли никогда такъ сіяющихъ глазъ у господина барона. Отъ вліянія напитка это не могло быть, такъ какъ господинъ баронъ почти и не прикосался къ рюмкѣ вина, между тѣмъ какъ судариня опоражнивала опять съ жаждою второй стаканъ.

Подали десертъ; теперь они остались одни; могли предаться увѣреніямъ въ своей любви; воспоминаніямъ о блаженныхъ дняхъ проведенныхъ въ Нордерней; въ нихъ все появлялись новыя, чудныя воспоминанія, какъ новыя звѣзды, замѣчающіяся на ночномъ небосводѣ, если дольше смотреть на него; чувство неизмѣримости ихъ любви наполняло ихъ души блаженнымъ страхомъ.

Но о томъ какъ быть имѣть, что сбудется, они не говорили ничего; всякъ сознавалъ по своему, что они находятся на какомъ-то теченіи, противъ силы котораго, не было для нихъ никакого спасенія. Ты моя, говорилъ его взглядъ, да, я твоя, отвѣчалъ ея взоръ. Зачѣмъ объяснять ему еще, что ея помолвка съ Гвидо была ничто иное, какъ безпомощная борьба противъ быстраго теченія, что-бъ спастись на берегу? Зачѣмъ говорить ей, что его попытка, возстановить узы брака, которые онъ уничтожилъ первымъ взглядомъ въ ея глаза, должна была повліять жалостно передъ одной любовью, которая можетъ прекратиться только съ его смертью?

— Почему улыбаешься мой возлюбленный?

— Моими душевными глазами вижу синее море, волны котораго плещутъ подъ нашими ногами. И какъ будто намъ, въ пальмахъ, отѣняющихъ нашу хижину, распѣваютъ птички.

— Да, возлюбленный, я слышу ихъ, чудно поютъ онѣ. Но между ними находится „mocking-bird“. Мнѣ знакомо пѣніе птицъ, и я понимаю его ироническую пѣсню: „счастіе, какъ стекло; также хрупко и оно!“

— Все равно, лишь-бы только счастіе было! не вѣришь въ наше счастіе?

— О, да, я вѣрю въ нашу любовь!

— Не знаю другой, не зналъ и знать не буду. А, Ты? сердце моего сердца, Любишь ли ты меня?

— Сверхъ жизни.

Ихъ наслаждающіеся взоры плавали одинъ въ другомъ, души ихъ цѣловались, между тѣмъ какъ мысли блуждали далеко одна отъ другой. Ея послѣднія слова были для него только большимъ, блаженнымъ увѣреніемъ въ любви — для нея — они имѣли ужасное значеніе.

Ужасное ихъ значеніе, которое тѣмъ не менѣе не устратило ее, вызвало въ ней только усиленіе блеска глазъ, и въ ея губахъ ворожительную улыбку смертельной красоты, какъ у медузы.

Госпожа Бландовъ подошла къ столу съ большой связкой ключей въ рукѣ.

— Извините! я хочу только пожелать спокойной ночи. У меня былъ сегодня очень тяжелый день. Если пожелаете пойти наверхъ — комнаты теперь уже пріятно теплы. Номеръ господина барона предпослѣдній справа корридора, возлѣ него комната милостивой сударини. Это наши послѣднія свободныя комнаты.

— Если я хорошо помню, такъ Вы спите наверху, М^{де} Бландовъ? спросила Элеонора.

Ея голосъ зазвучалъ вдругъ болѣе таинственно.

— Конечно, отвѣтила госпожа Бландовъ; — на другомъ концѣ корридора.

— Такъ я иду сейчасъ-же съ Вами, прошу Васъ не стѣсняться, господинъ баронъ!

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, провожать Васъ до дверей.

Возлѣ дверей они разстались, пожелавъ взаимно

покойной ночи. Ульрихъ вернулся къ столику и сѣлъ, облокотя на обѣ руки голову съ закрытыми глазами, удерживая въ нихъ, въ своемъ сладкомъ очарованіи, видъ своей возлюбленной, а въ ушахъ эхо ея мелодичнаго голоса. Въ визгахъ его стучало. Сердце билось въ груди, какъ-бы хотѣло вырваться изъ клещей. Время отъ времени оправлялся онъ тихо вздыхая, выпивалъ стаканъ вина и жалъ опять обѣими руками пылающее чело. Невозможно было кое-что придумать! это было, что-бъ намѣстѣ-же сойти съ ума! Но невыразимое счастье не должно было найти его малодушнымъ. На тотъ разъ онъ хотѣлъ его ухватиться за прельщающіе локоны; ухватиться и держать-держать!

Глава шестнадцатая.

Только при слабомъ освѣщеніи утра различались предметы въ его комнатѣ. Часы остановились и показывали пять. Могло быть шесть, даже и позже. Бѣлый туманъ, поднимающійся съ озера и тянувшійся гостой средою возлѣ оконъ, съ неспущенными сторами, уменьшалъ ясность утра. Онъ не хотѣлъ дольше спать, но все таки вздремнулъ. Это не могло долго продолжиться. Въ ея комнатѣ было все спокойно. Слава Богу! она спитъ!

Какъ будто во снѣ слышалось ему что-то.

Какъ могъ онъ спать, когда мысли, какъ лютой звѣрь, нападали на него? И онъ долженъ былъ укротить этого звѣря раньше, нежели она проснется. Она могла ожидать, что онъ согласенъ на все, что имѣетъ случиться. Что имѣетъ случиться? Да, что-же? что? Впервые ее не могутъ тутъ найти, когда сегодня утромъ прибудетъ экипажъ графини, который имѣетъ привести ее изъ города. Быть можетъ она написала-бы прощальное слово къ графинѣ, которое бы возвращающійся локей могъ забрать съ собой; она согласилась-бы. Что онъ отправляется въ городокъ, это онъ вчера вечеромъ почти заявилъ; подъ какимъ нибудь предлогомъ и Элеонора должна тудаже уѣхать. Правда, съ города только около полудня отправляется поѣздъ, имѣющій соединеніе съ большими поѣздами главной линіи. Это чертовски долгая задержка; но никакъ нельзя было перемѣнить. За то время онъ долженъ былъ успѣть также раздобыть деньги. Сумма, за которую могъ ручаться, — была не великой; на первый моментъ могла бы еще хватить, что-бъ припрятать Элеонору въ безопасности. А затѣмъ? Что затѣмъ? Объясненіе съ Гвидо, — конечно! оно, во всякомъ случаѣ, должно быть личнымъ и, не смотря на горячую дружбу Гвидо, очень серіознымъ. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ не помогаетъ и горячая дружба. Это ужъ сойдетъ. Сошло бы только все.

Но одного нѣтъ!

Его сердце сжалось. Это ужасное, передъ чѣмъ онъ всякій разъ трусилъ, когда ему приходило въ голову — теперь преслѣдовало его. И въ тотъ моментъ, когда блѣднѣйшая предполагала, что все опять хорошо и лучше, нежели было! Теперь приходилось ей сказать: съ этого часа Ты должна перестать быть моей женой. Боже мой! Боже мой! это въ тысячу разъ хуже, нежели смерть! Для этого не было у него совѣта. Онъ долженъ же жить ради нея, которой присягалъ, что она для него все; и которая отдала ему все; ничего не утаила, и на этомъ блѣдомъ свѣтѣ не имѣла ничего, ничего кромѣ него! Терзаясь такъ ужасными мыслями въ душѣ и расхаживая тихими неровными шагами по комнатѣ, замѣтилъ вдругъ на серединѣ круглаго стола какой-то листочекъ, котораго не примѣтилъ вчера вечеромъ, и который со вчерашняго вечера былъ тяжело прижатъ — листочекъ, съ одной стороны котораго не ровное ребро, какъ бы вырванный изъ книжечки...

На томъ листочкѣ, на сколько онъ могъ узнать, что то написано карандашемъ...

Его сердце забилося сильно. Если это отъ нея; что же можетъ быть другаго, какъ не порученіе, которое онъ долженъ исполнить, пока она встанетъ; быть можетъ только шутка...

Но во время старательнаго разбора блѣдныхъ

буквъ, въ полумракѣ возлѣ окна, у него вставали волосы дыбомъ.

„Счастіе, какъ стекло . . . *mocking bird* правъ: наше, безъ названія, счастіе-теперь разбито.

Мое право любить Тебя, я могла откупить только одна виной, которой и согрѣшила передъ Твоей женой, передъ Твоими дѣтьми.

Я не въ состояніи преодолѣть борьбы между правомъ и виной. Знаю одно, что въ ней жить не могу.

Передъ тѣмъ какъ ушла, я поцѣловала еще разъ Твои дорогія губы. Попробуй жить! Я люблю Тебя до смерти.“

Листокъ выпалъ изъ его дрожащихъ рукъ. Въ этотъ-же моментъ онъ порѣшилъ, что этого никто, кромѣ него не будетъ читать. Онъ поднялъ листочекъ, спряталъ къ себѣ, и бросился къ дверямъ, соединяющимъ обѣ комнаты. Ея комната пуста; кровать тщательно прибрана; на столѣ ея сакъ-вояжъ, запертъ; нѣтъ больше предмета, который бы напоминалъ ее . . .

До смерти! — Она должна была уйти нѣсколько минутъ тому назадъ: листъ еще влаженъ отъ слезъ, которыя она проливала.

Куда направиться?

Его безсовѣтный взоръ упалъ на окно, мимо котораго туманъ съ озера тянулся, какъ бы призрачныя тѣни. Онъ побѣжалъ изъ комнаты черезъ корридоръ, по лѣстницѣ, черезъ садъ къ береговому мостику, къ которому были прикрѣ-

плены лодки. Тутъ стоитъ старый Христіанъ и почесывать затылокъ. Странно! Пять минутъ тому баришня вышла изъ дому, торопясь прошла черезъ садъ . . . сюда, къ лодкамъ; и вотъ недостаетъ маленькой лодки. Онѣ захотѣли навѣрно переѣхать въ Зеегаузенъ. Но при такомъ туманѣ, это трудная вещь. Если-бъ къ тому и озеро успокоилось такъ, что-бъ нечего было опосаться переѣхать на другую сторону.

Послѣднія слова произнесъ старикъ почти уже въ большой лодкѣ, въ которую онъ вскочилъ съ Ульрихомъ. Они гребутъ изо-всѣхъ силъ по направленію, которое даетъ старикъ. Какъ бы на зло туманъ такъ густъ. Ульрихъ кричитъ: Элеонора! Элеонора! — отвѣта нѣтъ.

Вдугъ вѣтеръ прорѣзалъ туманъ; въ щели этой Христіанъ, смотря въ нее случайнымъ образомъ, примѣтилъ лодку — моментъ, и щель исчезла.

— Какъ далеко?

— И ста шаговъ нѣтъ, сударь!

— Туда!

— Да, сударь!

Христіанъ совралъ: лодка была пустой.

Онъ не посмѣлъ сказать того господину барону. Зато гребетъ онъ, какъ бы шло про его собственную жизнь. Онъ и кричитъ со всей силы: халле! халле! Чтобъ убѣдиться, что онъ ошибся.

Вотъ натолкнулись на лодку, которую искали. Чуть не проѣхали ее мимо. Качается пустой на волнахъ. Христіанъ всплеснулъ веслами и

кинулъ взоръ ужаса на господина барона. Тотъ не проговорилъ ни слова; всталъ; кинулъ шляпу въ лодку; сорвалъ сюртукъ, и въ слѣдующій же моментъ, въ который Христіанъ и не успѣлъ поднять рукъ, бросился головой въ воду. Христіанъ сначала подумалъ, что онъ завидѣлъ въ водѣ тѣло милостивой барышни. Но это не могло быть: ночная буря взмутила воду, выглядѣвшую теперь, какъ растаянный снѣгъ; и на полъ фута не замѣтишь ничего, а въ этомъ мѣстѣ шестьдесятъ глубины. И такъ, господинъ баронъ попробовалъ счастья. Лучше сказалъ бы онъ сейчасъ, что лодка пуста!

Слава Богу! вотъ, въ десяти шагахъ отъ лодки — онъ оиать вынырнулъ! Мигомъ взгребъ Христіанъ веслами и закричалъ: „Держитесь, сударь, сейчасъ!“ Но тотъ покачалъ головой и когда Христіанъ прибылъ на то мѣсто, онъ былъ уже подъ водой.

— Это значитъ Бога искушать! пробормоталъ старикъ.

Сильно держалъ онъ весла на готовѣ и глядѣлъ во всѣ стороны глазами, которые, казалось, выривались изъ ада. Онъ знаетъ какъ долго можно нырять, если онъ уже былъ почти минуту подъ водой, а для втораго раза даже и духу перенять не могъ, значитъ выплыветъ навѣрно трупомъ.

По меньшей мѣрѣ прошли три минутъ, а онъ все не выплываетъ.

Быть можетъ черезъ четыре, пять дней, возможно, что и никогда, — также, какъ и баришня.

Десять лѣтъ тому назадъ Класъ Венгакъ изъ Пустовъ выпалъ при рыболовлѣ за бортъ на томъ же мѣстѣ и не показался больше.

Вѣтеръ раздувалъ туманъ, который превращался въ столбы. Теперь могъ Христіанъ рассмотреть часть озера, увеличивающуюся съ каждой минутой. Онъ гребъ еще часъ взадъ и впередъ, зорко оглядываясь во всѣ стороны, и держась того же мѣста. Онъ понималъ хорошо, что это напрасно; но не могъ уйти съ того мѣста.

Наконецъ рѣшившись сказалъ себѣ: „Ну, тутъ ничего не подѣлаешь“ и повернулъ носъ лодки къ гостиницѣ, которая освѣтилась теперь восходящимъ солнцемъ и выросла въ туманѣ. Тутъ онъ повернулъ: забылъ про малую лодку, которая за то время качалась на свободѣ. Есть-ли еще весла при ней? подумалъ старикъ. Весла еще при ней, и лежатъ, какъ изъ рукъ понимающаго грести. Христіанъ прикрѣпилъ ее къ большой и погребъ къ берегу. Весла, которые такъ по правилу лежали на малой лодкѣ, не выходили у него съ головы. А этотъ ужасный испугъ господина барона! Этого онъ во всю жизнь не забудетъ.

Жалость охватила душу старика. Ему собиралось на слезы, но онъ не понималъ этого чувства: съ ребяческаго времени онъ еще не плакалъ, а лѣтъ прошло уже шестьдесятъ.

Разсуждая это, онъ кинулъ весла, прижалъ глаза руками и заплакалъ, какъ дитя.

Глава семнадцатая.

Изъ мемуаровъ графини Венделинъ.

30. Сентября 187* г.

Сегодня два года тому назадъ! Экипажъ вернулся безъ нея; слуга заикаясь доложилъ свое роковое извѣстіе. Гвидо лежалъ въ моемъ салонѣ на диванѣ, рвалъ себѣ волосы, рыдалъ, угрожалъ: онъ долженъ покончить съ жизнью! Онъ не можетъ жить безъ нея! — Я стояла передъ нимъ и говорила: Гвидо, если ты теперь не лишишь себя жизни, и этого Ты не сдѣлаешь, для этого Ты слишкомъ любишь Твою мать-старушку, такъ увѣряю Тебя: черезъ два года Ты подумаешь про это все, какъ бы не Тебѣ, но лучшему другу, случилось несчастіе, который случаемъ разсказалъ Тебѣ свою пѣсню...

Я не хвалюсь моей, предвидывающей впередъ, холодной мудростью: не особенная слава быть ученымъ, коли состарился. Но, конечно, я была права: эти два года прошли, и — осенній вечеръ теперь и въ Англіи не менѣе красивъ, чѣмъ тутъ, у насъ. Въ этотъ моментъ Гвидо скачетъ верхомъ, возлѣ своей молодой невѣсты, по степямъ „Glenmore“; и если они не

ликують, подобно жаворонкамъ надъ ними, такъ это потому, что природа и воспитаніе позаботились сохранить ихъ въ чистотѣ отъ такого вздора.

Старое сердце! Ты хочешь опять трунить надъ нѣжными людьми; Ты, которое само сѣумѣло такъ сильно нѣжиться!

Гвидо пишетъ, онъ любитъ Георгину съ каждымъ днемъ все больше. Вспоминаетъ ли онъ, что меня въ томъ же самомъ, тѣми же словами тысячу разъ увѣрялъ, когда любилъ ту другую? Ну, я вѣрю этому. Разъ онъ могъ разговаривать съ Георгиной на счетъ этой другой, когда перевозилъ черезъ каналъ свою первую, свѣжую боль; разъ она помнила хорошо свою „beloved governess“ свою „dearest Eleonore“, такъ и понималъ онъ, что раньше былъ только прельщенъ ея очарованіемъ. Теперь открылъ другую, въ которой я не сомнѣваюсь. Напротивъ! всякое ея письмо усиливаетъ мою любовь къ ней; изъ нихъ я вижу, что это ясно-понимающая, славная, умная, здоровая душа; совсѣмъ такая, которая только и можетъ осчастливить моего сына. Притомъ является ручательствомъ ихъ взаимнаго счастья и то, что, не смотря на наслѣдство „Glenmore-Castle“, но какъ наслѣдница ея тети Jane, она будетъ богатой, почти какъ онъ. Когда его отецъ женился на мнѣ-я была очень бѣдной, онъ никогда не допустилъ меня почувствовать это, но я чувствовала.

Я знала одну, которая еще болѣе болѣзненно почувствовала-бы, такъ какъ она не происходила, подобно мнѣ, изъ королевской семьи, но всетаки имѣла въ себѣ королевскую гордость доброты; также еще и другія качества, которыя разрушили-бы счастіе Гвидо, женись онъ на ней. Тогда я не могла знать этого; я находилась подъ вліяніемъ ея чародѣйской силы, ослѣпленная материнскимъ желаніемъ: доставить сыну ту женщину, которую онъ любитъ. Теперь я знаю и цѣню этотъ случай, что не дошло до того.

Для него было бы это великимъ счастіемъ, которое постигло-бы его независимо на счетъ несчастія другого; для нея мысль: осчастливить другого, съ трудомъ уменьшала несчастіе. И не люби она Ульриха уже раньше, или будь ей возможно вырвать эту любовь изъ своего сердца — въ супружество она ввела-бы съ собой разлуку; самое худшее: несогласіе мыслей. Въ своей одинокой жизни она летала въ области мыслей и чувствъ, что для Гвидо разъ на всегда было недоступнымъ. Это не упрекъ Тебѣ мой милый, хорошій! Мы люди разнo предназначены къ нашему счастію. Иначе жизнь, которая теперь представляется намъ пестрымъ садомъ, стала бы степью, даже хотя и нашимъ померанскимъ полемъ, отъ монотонности котораго можно-бы сойти съ ума. Не смотря на то, что она говорила такъ прекрасно,

какъ я и не слыхивала ни отъ кого, она была „Безмолвіемъ неба“, по выраженію Jean Paul, одна изъ тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ небесное благосвеніе поэзіи, а ея душа была полна нею, предназначалось для проклятія и поруганія; такъ какъ имъ не дана была возможность выразить въ искусствѣ ихъ внутренній міръ и избавиться отъ мученій вѣчной грубости того міра, который и останется необработаннымъ.

И такъ, отъ поэзіи, перетерпѣвъ только горькую жалость, и не испытавъ никогда сладкихъ прелестей, они ухватываются за любовь, кидаются въ нее, отъ которой надѣются спасенія, да, но которая показывается имъ чѣмъ-то болѣе высшимъ, нежели сама поэзія, такъ какъ они объясняютъ жизнь поэтически, и кажется принимаютъ поэзію за дѣйствительность. Только потому, что это, къ сожалѣнію, одно только кажущееся; что жизнь можетъ единственно удержаться, если она компромизомъ помогаетъ себѣ на всякомъ шагѣ и во всякомъ дѣлѣ; могутъ поэзія и обязанность находить прямой консеквенцъ, которому жизнь хитро уступаетъ дорогу.

Истинные писатели понимаютъ это, такъ какъ они прекрасно, чистинько держутъ поэзію отдѣльно отъ жизни, тѣмъ и освобождаются отъ этого затруднительнаго пункта; безмолвія неба не понимаютъ этого; соединяютъ поэзію и дѣйствительность въ неразборную путаницу, поэтому и погибаютъ.

Элеонора и Ульрихъ! Они поняли другъ друга, какъ только безмолвные могутъ понимать себя первымъ, для насъ безъ всякаго значенія, взглядомъ. И должны были полюбиться любовью, которая для насъ тоже непонятна, и которую мы называемъ преступленіемъ, которая тѣмъ и есть, и должна остаться преступленіемъ до тѣхъ поръ, пока для нравственнаго міра, въ которомъ мы живемъ, не найдется другого болѣе прочнаго базиса. И такъ! — они не нечестные люди, какими были, — когда въ нихъ происходила вѣчная борьба поэзіи съ жизнью, въ которой они такъ долго обманывались ради любви, и которая показала имъ въ ужасномъ видѣ; и что какъ преступники, сдѣлавшіеся противъ существующаго порядка, искали смерти и возможности разорвать цѣпи предназначеннаго, отъ которыхъ они, если хотъ и разъ были ними связаны, не могли освободиться инымъ образомъ.

Мы же съ убѣжденіемъ благодаримъ вѣчныя силы за то, что не принадлежимъ къ переполненнымъ и обремененнымъ: что мы не поэты, постановленія которыхъ всегда останутся проблематическими, мы навѣрно и не безмолвія неба; но обыкновенные, смертные люди, въ какихъ нуждается жизнь, а потому умны и обдумывающіе свои выгоды, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ; работаемъ массой, не забывая поддерживать ея души въ равенствѣ, что-бъ твердо устоять противъ стрѣлъ и прящъ лютаго предназначенія.

Но того мы не опровергаемъ, что это небесное безмолвіе мы понимаемъ вполнѣ!

Герта — Боже мой! я и не знаю ни одной лучшей женщины, которая-бы такъ вполнѣ заслужила званія: героини безъ страха и упрека; но понять, нѣтъ она не поняла своего мужа.

Цѣлыхъ десять лѣтъ она старалась: осчастливить его, между тѣмъ какъ онъ въ дѣйствительности былъ въ высшей степени несчастнымъ. Она все еще лелѣетъ въ своей душѣ ту блаженную мысль, что это было только моментнымъ заблужденіемъ, когда онъ предпочелъ Элеонору; она еще сегодня въ заблужденіи, которое, отъ наивнаго разсказа стараго Христіана про катастрофу на озерѣ, съ самого начала поколебалось, и я, что-бъ поддержать поколебавшимся, употребила всю мою авторитетность и продолжаю употреблять ее: что Элеонора, фантастически, какой она всегда была, хотѣла переправиться на другой берегъ, что-бъ поклониться гробу Клементины въ Сальховѣ, не обращая никакого вниманія на густой утренній туманъ и увеличившуюся воду отъ бури послѣдней ночи, что при этомъ, вслѣдствіе какого-то несчастнаго случая, упала за бортъ; Ульрихъ, извѣщенный старымъ морякомъ объ опасности, которая ей, во всякомъ случаѣ, грозила, въ погони за ней и при попыткѣ спасти ее, потонулъ тоже. Нѣтъ и сомнѣнія, что какъ одинъ такъ и другой покончили съ собой, оди-

наковымъ образомъ, ради одной и тойже мысли, что и болѣе правдоподобно. Но кто бы могъ быть на столько жестокимъ, разувѣрить Герту въ довѣріи, ее облегчающемъ?

Кто можетъ выступить и увѣрить: вотъ это правда! значить все таки тайна-то, что у несчастныхъ случилось за послѣдніе часы, тайна непроницаемая, какъ темнота, которая наполняетъ глубину озера, въ которой онъ, она на вѣки ненаходимы, и которая предложила: дружественно быть соединенными смертью, если жизнь жестоко раздѣлала ихъ...

Графиня заперла на сегодня свой дневникъ, но не безъ серьезныхъ упрековъ, что она, противъ строгого запрещенія доктора Бальтазара, довѣрилась слишкомъ много своимъ больнымъ глазамъ. Дневникъ былъ спрятанъ.

Вотъ она вышла на террасу. Солнце стояло почти на горизонтѣ, разсѣивая свои многообѣщающіе лучи на большую долину. Изъ клумбовъ на нижнихъ ступеняхъ нѣсся сладкими, мягкими облачками ароматъ резеды и левкои. Въ паркѣ, по ту сторону ручейка раздавалась меланхоличная вечерняя пѣсня черного дрозда.

У одинокой переполнилось сердце. Трагическій случай обоихъ, ей такъ дорогихъ людей, образъ которыхъ запечатлился въ ея памяти; и то, что она искала отгадать — только теперь показалось ей совсѣмъ темнымъ и загадочнымъ.

Но не тотъ-же ли непроницаемый мракъ

лежить надъ судьбой. всего человѣчества? Орѣз-
опное слово съ вышины небесныхъ силъ, кото-
рые вводятъ въ жизнь бѣднѣйшаго, что-бъ дер-
жать ее въ преступленіи, а затѣмъ приговорить
его къ ужаской мѣсти — не имѣетъ-ли значе-
нія для всѣхъ? Не были-ли всѣ, всѣ безмолвія
неба, надѣлены дружескимъ предназначеніемъ,
которое печально пережили? многообѣщающими
талантами, отъ которыхъ жалостно отказались?
гордыми мыслями, которые никогда не оста-
ются до конца? чувствами, которые кажутся
всемогущими и расплываютъ безслѣдно, какъ
облака въ эфирѣ? блестящими надеждами, кото-
рые лопаются подобно мыльнымъ пузырькамъ?
могущими планами, которыхъ блѣдные трупы
хоронимъ одинъ за другимъ?

А вы, которымъ Богъ развязалъ немножко
языкъ: поэты, да художники, что инаго содер-
жатъ въ себѣ ваши лучшія произведенія и кар-
тины, какъ не хаосъ безконечности; это чувст-
вуютъ ваши души, и ихъ лучшая часть всеже
останется вѣчно невыразимой? . . .

Солнце закатилось; погасла вечерняя заря;
тамъ притихли дятлы; съ луговъ повѣяло прох-
ладой.

Тихо, молча вошла одинокая въ свою квартиру.

Конецъ.

Spielhagen, Friedrich,

Bezmolvie Neba roman

Bd.: 4

1894

Bamberg, Staatsbibliothek -- L.g.o.765-a(2#2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11839781-3